РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

Книга 14

Александръ Амфитеатровъ

Русскій попъ XVII вѣка

Этюды

Бѣлградъ

1930

Печатается въ количествѣ 2.000 экземпляровъ.

„РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ“ — Бѣлградъ, Битольская, 25

Отъ автора.

Книга эта представляетъ собою извлеченіе изъ моей работы по бытовой исторіи русскаго XVII вѣка, подъ заглавіемъ „Соломонія Бѣсноватая". Такъ какъ дѣйствіе замѣчательной демонологической „Повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи" развивается на фонѣ первобытной „поповки" сѣвернаго лѣсного погоста, то я почелъ нужнымъ, прежде всего, изучить условія существованія и культурнаго уровня духовныхъ лицъ въ сѣверовосточномъ углу тогдашней Московіи. Отсюда сложилась та картина, которую теперь я предлагаю читателямъ. Не имѣю претензіи на безусловную ея полноту и законченность. Однако, долженъ предупредить, что нѣкоторыя, какъ бы, недоговоренности оставлены мною умышленно. Отчасти, чтобы не повторять параллельныхъ мѣстъ изъ моей „Одержимой Руси" (1929, Берлинъ", изд. „Мѣдный Всадникъ") и „Зари русской женщины" (1929, Бѣлградъ). Отчасти потому, что эти мнимыя недоговоренности шире развиты въ другихъ моихъ этюдахъ, которые, авось, мало по малу увидятъ свѣтъ: „Уѣздный городъ XVII вѣка" (Устюгъ Великій), „Тайные люди", „Мужи кровей" и пр.

Зрѣлище сельскаго духовенства въ эпоху „Повѣсти" не изъ радостныхъ. Самое же печальное въ немъ — его стойкость. Слава Богу, не вѣчная, потому что вторая половина XIX вѣка ее значительно поколебала и измѣнила, хотя и далеко не достаточно, къ лучшему, — однако, вѣковая. Что за два столѣтія до драмы на Ерогоцкой „поповкѣ", что два столѣтія послѣ нея, типъ захолустнаго

„попа“ пребывалъ однимъ и тѣмъ же. Если бы его разновременные изобразители и обличители: новгородскій архіепископъ Геннадій (1503), Иванъ Грозный (1551), участники московскихъ соборовъ 1667 и 1681 г.г., св. Димитрій Ростовскій (1702), Посошковъ, Татищевъ, арх. Амвросій Зертисъ Каменскій, митрополитъ Платонъ Левшинъ — на протяженіи XVIII вѣка, протоіерей Беллюстинъ и огромное число литераторовъ, рожденныхъ и возросшихъ въ духовномъ званіи, въ 50-60-хъ годахъ столѣтія XIX-го, — могли сойтись вмѣстѣ, чтобы потолковать о духовномъ сословіи, то имъ почти не въ чемъ было бы разногласить. Такъ медленна, чтобы не сказать: недвижна, — была бытовая эволюція класса.

„Попъ“ вѣками прозябалъ въ заброшенности отъ правительства, въ презрѣніи отъ помѣстнаго дворянства, безъ помощи отъ народа, относившагося къ нему, какъ къ необходимому, но не выгодному „мірскому захребетнику“. На протяженіи четырехъ столѣтій народъ и „попъ“ хорошо сживались только тамъ, гдѣ священникъ, жертвуя своимъ призваніемъ быть этическимъ наставникомъ и руководителемъ народа, самъ дѣлался его послушнымъ ученикомъ и, впитывая его трудовыя, бытовыя, а часто даже и религіозныя традиціи, превращался въ „крестьянина въ рясѣ“. Иногда — въ красотѣ крестьянскихъ добродѣтелей съ нѣкоторой примѣсью крестьянскихъ же пороковъ. Чаще — въ подавленности крестьянскими пороками съ нѣкоторой примѣсью крестьянскихъ добродѣтелей. Но священникъ сельскаго прихода безъ той или иной примѣси, то есть только и всецѣло священникъ, а не „попъ-мужикъ“, священствующій между прочимъ, въ подспорье своей нищенской борьбѣ за существованіе, — такой священникъ былъ искони и всегда величайшею рѣдкостью.

Потому что самому попу быть хорошимъ священникомъ, т. е. сосредоточиться исключительно или, хотя бы, главнымъ образомъ на священствѣ, было некогда: надо было кормиться и семью кормить. Правительство и образованное общество потребности въ хорошемъ духовенствѣ не понимали и, въ лучшемъ случаѣ, были равнодушны къ

ней. А бывали эпохи, когда хорошее духовенство признавалось нежелательнымъ и какъ бы опаснымъ (см. въ этюдѣ „Попы и бунты“ лицемѣрные уклоны Екатерины II отъ улучшеній быта духовенства и мнѣніе историка Болтина). Народу „попъ“ былъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ проще жилъ самъ и чѣмъ меньше вмѣшивался въ духовный строй и бытовой укладъ своей паствы. Если при этомъ онъ опрощался еще до того, что не прочь бывалъ отъ нѣкотораго священно-волхвованія (напр., нашептать „въ шапку“ заочную молитву для родильницы, позволить покатать себя въ ризахъ по жнивью для будущаго урожая и т. п.), то крестьянскій міръ такому батюшкѣ цѣны не зналъ и заживалъ съ нимъ душа въ душу.

Необходимость имѣть духовенство культурное и обезпеченное русское самодержавіе поняло слишкомъ поздно. А за упорядоченіе класса взялось неумѣло: очень свысока, бюрократически, съ черезчуръ откровеннымъ политическимъ эгоизмомъ. Послѣднее 40-лѣтіе XIX вѣка и предвоенные годы XX-го дѣйствительно выводили сельское духовенство, мало по малу, изъ „мужичества“. Но... только для того, чтобы осуществить стародавнюю идею Татищева: сдѣлать „попа“ блюстителемъ политической лояльности паствы, въ тройственномъ союзѣ съ правительственнымъ чиновникомъ и землевладѣльцемъ. „Попъ-мужикъ“ сталъ вытѣсняться „попомъ-урядникомъ“. Это нисколько не возвысило сословія ни въ своихъ собственныхъ глазахъ (напротивъ, въ противовѣсъ „полицейскимъ въ рясахъ“, началъ энергически рости и множиться типъ „попа-оппозиціонера“ и даже „революціонера“), ни, того менѣе, въ глазахъ образованнаго общества. И очень грубо и глубоко надорвало вѣковую связь между духовенствомъ и народомъ.

Надрывъ этотъ мрачно обозначился въ революцію 1917 года, когда народъ, почти безъ сопротивленія, равнодушно выдалъ свою Церковь съ ея духовенствомъ атеистамъ-большевикамъ на пропятіе. Нужна была вся дикарская безтактность озвѣрѣлыхъ гонителей религіи, съ одной стороны, и рядъ безпримѣрныхъ массовыхъ бѣдствій, постигшихъ обезбоженную страну, съ другой, для того, чтобы

народъ опомнился отъ напущенной на него мары, и снувшаяся религіозная потребность вновь потянула его в утѣшительный кровъ родной Церкви.

Нѣтъ худа безъ добра: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится". Страшные громы, катающіеся надъ русскимъ народомъ, кажется, выучили креститься всѣхъ, за исключеніемъ развѣ безнадежно глухихъ, для которыхъ, по пословицѣ, „попъ двухъ обѣденъ не служитъ". Для имѣющихъ же уши слышати обѣдни нынѣ служатся усердно и въ подъяремной Россіи, и въ Зарубежьѣ, и внимаются страстно толпами, полными духа покаянія и моленія: „Да не одолѣетъ наша злоба Твоея неизглаголанныя благости и милосердію и якоже хощеши устрой о насъ вещь!" Съ новымъ глубокимъ уваженіемъ приглядываются и прислушиваются русскіе люди къ своему духовенству, въ той героической части его, что вотъ уже двѣнадцатый годъ проходитъ горнила мученичества казнями, заточеніями, изгнаніемъ въ чужія земли, не поддаваясь ни Антихристову насилію, ни Антихристовымъ соблазнамъ на соглашеніе.

Въ очистительномъ горнилѣ великаго страданія выгорѣли язвы русскаго духовнаго сословія, искупило оно свои грѣхи вольные и невольные. Будемъ надѣяться и вѣрить, что, когда для Зарубежья настанетъ счастливый часъ увидѣть воскресшую изъ омертвѣнія Россію, то въ ея безчисленныхъ церквахъ воспоютъ благодарственные молебны уже не побѣдоносцевскіе „попы-урядники", „чиновники въ рясахъ", и не до реформенные „попы-мужики", но попы-священники, попы-пастыри: достойные молельщики русскаго Бога за русскій народъ, его же суть учителіе и отцы духовные, — строители и хранители русскаго Дома Пресвятой Богородицы нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Александръ Амфитеатровъ.

Levanto,
192., 1. 13.

I.

Вводный разсказъ.

Знаменитый демонологическій документъ конца XVII вѣка „Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи“ начинается разсказомъ:

„Въ лѣто 7169 (1661) февраля в ..... день содѣяся сице въ предѣлех отъ града Устюга за четырдесять поприщь: вверхъ по Сухоны рѣки есть волость, глаголемая Ерогоцкая, въ ней же церковь Пресвятыя Богородицы; тоя же церкви іерей имянемъ Димитрій, бывшій въ Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ монахъ Діонисій, и жена его именемъ Улита, имяста же у себя дщерь, именемъ Соломонію, о ней же намъ нынѣ слово предлежитъ.

І дошедши ей Соломоніе в совершенный возрастъ, і восхотѣста родителие ея в законное сочетаніе мужеви

Вотъ что случилось 8 февраля 7169 (1661) года въ уѣздѣ города Устюга, въ сорока отъ него поприщахъ. Вверхъ по рѣкѣ Сухонѣ есть волость, названіемъ Ерогоцкая, а въ ней церковь Пресвятой Богородицы. Священникъ этой церкви, по имени Димитрій, впослѣдствіи монахъ Троицкаго Гледенскаго монастыря, Діонисій, и жена его, именемъ Улита, имѣли дочь, по имени Соломонію. О ней то и предстоитъ намъ разсказать.

Какъ скоро она, Соломонія, достигла должнаго возраста, родители пожелали сочетать ее законнымъ бракомъ съ нѣкимъ земледѣльцемъ,

вдати нѣкоему земледѣльцу імянемъ Матѳею, иже бысть пастухъ скотскій, еже и бысть.

И по брацѣ бывши ей в невѣстномъ чертозѣ, і не по мнозѣ времени восхотѣ мужъ ея отъ ложа ізыти на преддверие хранимы, тѣлесныя ради нужды. І по изшествіи его, иже искони ненавидяй добра злый старый врагъ диаволъ сатана, иже не престаяше человѣки боря, умысля такова самъ іли посланъ отъ человѣка недобра, отъ нѣкоего чародѣя волхва отъ человѣка лукава обоянника на погубленіе жены той, і пріиде аки нѣкто ко храминѣ, и толкійся во двери без молитвы, и глагола человѣческимъ гласомъ:

— Соломоніе! отверзи!

Она же воста от ложа своего і отверзи двери храмины тоя, мня мужа своего пришедша, и пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, і явися аки пламя нѣкое огнено і сине. Она же усумнѣся, і въ недоумѣніи бысть; і паки помале приде і мужъ ея к ней во храмину, на ипаче ужасеся, помышляше во умѣ своемъ яко не мужъ ея пріиде к ней, но некое

по имени Матвѣемъ, пастухомъ скота въ той окрестности. Такъ и сталось. И вотъ, по совершеніи брака, когда Соломонія была въ свадебномъ покоѣ, мужъ ея, въ скоромъ времени, захотѣлъ выйти въ сѣни по естественной надобности. А по уходѣ его, тотъ, кто отъ начала вѣковъ ненавидитъ добро, злой старый врагъ, діаволъ, сатана, измыслилъ нижеслѣдующее злодѣйство для того, чтобы погубить эту женщину. Самъ ли измыслилъ или будучи посланъ какимъ-нибудь чародѣемъ, волхвомъ, по порученію недруга, человѣка лукаваго, вѣдающаго колдовство, — но, конечно, это онъ тутъ дѣйствовалъ, онъ, ведущій непрерывную борьбу съ родомъ человѣческимъ.

Какъ будто кто то подошелъ къ клѣти и, постучавъ въ дверь безъ молитвы, сказалъ человѣческимъ голосомъ:

— Соломонія! отвори!

Думая, что это мужъ пришелъ, она встала и отворила дверь. И, вдругъ, пахнулъ ей въ лицо, въ глаза, въ уши какъ бы нѣкій сильный вихрь, и сверкнуло будто пламя какого то синяго огня. Она

страхование неприязненное. І бысть во всю нощь без сна; приіде на нея трясение і великій лютый ознобъ...

І в третій день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть в то время во иступлениі ума от живущаго в ней демона.

І в девятый день по брацѣ, по захожденіи солнца, бывши ей в клѣтцѣ с мужемъ своемъ, на одрѣ восхотѣста почити, і внезапу видѣ она Соломонія демона, пришедша к ней звѣрскимъ образомъ, мохната, имуща кнохти, и ляже к ней на одръ. Она же вельми его убояся иступи ума. Той же звѣрь оскверни ее блудомъ, абие же она очютися на утрия в третій часъ дня, і не повѣда никому бывшее диявольское козндѣйство, і с того же дни окаянниі демони начаша к ней приходити кромѣ великихъ праздниковъ по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, яко же нѣкоторіі прекрасниі юноши, і тако нападаху на нея, і скверняху ея, і отхождаху, людемъ же ничто же видѣвшимъ сего. Она же, Соломония же, внегда прихождаше в собственный умъ свой, повѣда мужу своему яже о себѣ, како тие

же растерялась и не могла понять, что это такое. А немного погодя возвратился къ ней въ клѣть мужъ ея, и тутъ она еще больше испугалась, подумавъ про себя, что это не мужъ къ ней пришелъ, а какое то враждебное страшилище. И провела всю ночь безъ сна: трясло ее жесточайшимъ ознобомъ.

А на третій день ощутила она у себя въ утробѣ свирѣпаго демона. Онъ терзалъ ея утробу, и тогда она дѣлалась, какъ сумасшедшая— отъ жестокости демона, вселившагося въ нее.

На девятый день послѣ свадьбы, по закатѣ солнечномъ, какъ была она съ мужемъ въ клѣти, хотѣли они лечь въ постель. Какъ вдругъ видитъ она, Соломонія: пришелъ къ ней демонъ, въ звѣриномъ образѣ, мохнатый, съ когтями, — и легъ къ ней на постель. Она же, очень испугавшись его, потеряла сознаніе. А звѣрь этотъ осквернилъ ее блудомъ. Очнулась она только на завтра, въ третьемъ часу дня и не сказала никому о содѣянномъ надъ нею дьявольскомъ злохитромъ поступкѣ. И съ того самаго дня стали къ ней приходить окаянные демоны еже-

демони приходя скверняху. Онъ же ничто же ей отвѣча. І живши с мужемъ своимъ в дому нѣколико время, мучися и труждаяся демонскою вражескою силою обидима лютѣ; видѣвше мужъ ея насилствование жены своея, отвезе ю ко отцу ея іерею Димитрію и матери, і остави ю жити у него.

Они же, окаянние водяние демони, і тамо хождаху и скверняху, і егда она Соломония, исхождаше ис храмины на придверие, они же, окаяннiі, невидимо восхищаху и уношаху в воду; она же кричаше великимъ гласомъ; отецъ же ея и мати и вси домашниі исходяще ис храмины за нею, и не видѣвше ея нигдѣже, плачюще и рыдающе, возвращахуся в домъ свой унылы и сѣтованный: живяше же у них в водѣ овогда день, овогда же два и три не исходящи от нихъ, но и тамо такоже мучаху ея скверниі ѝни демони, ругающеся всячески, і отнесше я, оставляху овогда на лесу, овогда на полѣ, и пометаху ю нагу, і нѣкими христолюбивыми людми направляема к дому отца своего.

Отецъ же и мати ея, видя таковую гибель дщери своея,

дневно, кромѣ большихъ праздниковъ, по пяти и по шести, въ человѣческомъ образѣ, будто какіе то красивые парни, и такъ (же точно) набрасывались на нее и оскверняли ее, а люди ничего того не видали. Когда Соломонія (послѣ того) приходила въ разумъ, то разсказывала мужу все о себѣ, какъ демоны приходятъ и сквернятъ ее. Но онъ ей ничего не отвѣчалъ. Такъ, живя нѣкоторое время съ мужемъ (у него) въ дому, мучилась она и страдала, жестоко угнетаемая вражескою силою бѣсовъ. (Наконецъ) мужъ, видя, какое насиліе творится надъ его женою, отвезъ ее къ отцу ея, священнику Димитрію и къ матери и оставилъ ее жить у нихъ.

Но они, окаянные водяные демоны, и тамъ приходили и оскверняли ее. И, какъ только она, Соломонія, выходила изъ избы въ сѣни, тутъ они, окаянные, невидимо подхватывали ее и уносили въ воду; она же кричала, что было голосу. Отецъ, мать и всѣ домашніе выбѣгали за нею изъ избы, но, нигдѣ ея не видя, съ плачемъ и рыданіями возвращались въ свой домъ, полный

плакахуся зѣло и недоумѣвахуся; и по малѣ времяни они окаяннiі демони пришедше, бывше ей единой в дому отца своего, и начаша ея бросати овъ демонъ во единъ уголъ храмины, інъ такоже во иный уголъ, овъ на палати, інъ же на печь, і тако мучаху ея многи часы, и взяша нѣкое у́же и привязавше за шию ея, і взяша камень жерновый, и воздѣвше на у́же и положиша на лицѣ, і на перси ея, такожде и столъ придѣвши; і на столѣ прорѣзаша диру, и тутъ же воздѣвше і повѣсивше ея совсѣмъ к стропу храмины. Слышавше же сосѣди бывающее над бѣсноватою оною женою таковое необычное страхование, и великий стукъ и громъ и шумъ во храминѣ ея, ужасошася, і повѣдаша отцу ея; онъ же пришедъ, і не виде никого же во храминѣ, токмо ея едину лежащу, і у́же на выи ея, і камень, і столъ, і не вѣде она, како отрѣшися от верху храмины, бывши ей аки мертвѣ на многи часы от того мученія, і едва проснуся. Отецъ же ея разрѣши; приідоша же і сосѣди, і видѣша тѣло ея все избито, посинѣ, а болѣзни она никако же чюяше.

уныніи и сѣтованія. Жила она у нихъ (бѣсовъ) въ водѣ иной разъ день, а то и по два, по три дня не выходила отъ нихъ; но и тамъ точно такъ же мучили ее скверные эти демоны, всячески ругаясь надъ нею. А относя ее (обратно на землю), оставляли ее то въ лѣсу, то въ полѣ, бросали голою, (такъ что ужъ только) нѣкоторыми христолюбивыми людьми была она доставляема въ домъ отца своего.

Отецъ же и мать ея, видя такое гибельное состояніе своей дочери, горько плакали и были въ растерянности, (что дѣлать). А въ скоромъ времени они, окаянные демоны, придя, когда она была одна въ отцовскомъ дому, принялись бросаться ею; одинъ демонъ броситъ ее въ одинъ уголъ избы, другой переброситъ въ другой, этотъ—на палати, тотъ—на печь. И такъ мучили ее долгіе часы. Добыли какую-то веревку и обвязали ей шею; достали жерновой камень и, вздѣвъ его на веревку, взвалили (Соломоніи) на лицо и грудь, да и, придвинувъ столъ и прорѣзавъ въ немъ дыру, вздернули-подвѣсили ее къ самому потолку. Сосѣди, слы-

Отецъ же и мати ея к нощи запираху (ея) во храмину едину, бояхуся ея: егда они, окаяниі демони, к ней прихождаху, і она бываетъ внѣ ума, і даютъ ей демони копие желѣзное, дабы заколола отца своего; і заутра показуетъ копие истинно, а не привидѣниемъ, всемъ страшно, і бысть ей таково мучение без престани; не обрѣташе от нихъ покоя: овогда бо ея уношаху в воды, иногда же вознесши на горы и на холмы превысокіи, и на храмины, и всячески поругавшеся ей и изрѣваху ея долу. А иныя ихъ вражия козни невозможно і описанию предати; мнози тому вражию коznодѣйству в той волости (веси) свидѣтели неложни бяху...

ша, чтосъ этой бѣсноватой женщиной творятся такіе необычайные ужасы и въ избѣ у нея идетъ великій стукъ и грохотъ, испугались и извѣстили отца ея. Но онъ, придя, никого не нашелъ въ избѣ, только она одна (Соломонія) лежала съ веревкой на шеѣ, — да камень былъ, да столъ. А она и не знала, какъ освободилась отъ повѣшенія подъ потолкомъ, потому-что, въ теченіе многихъ часовъ, была, какъ мертвая, отъ перенесенныхъ мученій и на силу-то пришла въ чувство. Отецъ развязалъ ее; тогда подошли и сосѣди, и видѣли, что тѣло ея все избито, въ синякахъ, а (межъ тѣмъ) боли она нисколько не ощущала. (Съ этого случая), отецъ и мать Соломоніи стали ее запирать (или: отъ нея запираться) въ отдѣльный чуланъ, потому что забоялись ея. Какъ, бывало, придутъ къ ней демоны, она и станетъ безъ ума, а демоны и суютъ ей (въ руки) копье желѣзное, (научая), чтобы она заколола своего отца. На утро всѣхъ она, показывая то копье, перепугала: было оно настоящее, а не призрачное. Такъ вотъ и мучилась Соломонія непре-

рывно; не было ей отъ нихъ (бѣсовъ) покоя: то въ воду ее уносили, то возносили на горы, на высочайшіе холмы, на крыши домовъ и, всячески надругавшись надъ нею, сбрасывали ее внизъ. А иныя злыя продѣлки враговъ недопустимо и разсказать на письмѣ. Много въ той волости (въ томъ селѣ) было свидѣтелей этимъ вражескимъ злоухищреніямъ, — и достовѣрныхъ.

(Дальнѣйшій текстъ (въ переводѣ) въ „Одержимой Руси“).

Оставляя въ сторонѣ эротическія галлюцинаціи бѣсноватой Соломоніи, обратимъ вниманіе на три бытовыя отмѣтки „Повѣсти“ въ приведенномъ начальномъ ея отрывкѣ.

1. Происхожденіе недуга приписывается порчѣ Соломоніи чрезъ вселеніе въ нее нечистаго духа, вошедшаго въ молодуху то ли по собственному почину, то ли по насылу злого колдуна.

2. Порча эта не простая, а свадебная: обнаружилась непосредственно вслѣдъ за обвѣнчаніемъ Соломоніи съ Матвѣемъ, „пастухомъ скотскимъ“, въ первую же ихъ брачную ночь.

3. Жертва свадебной порчи — дочь сельскаго священника, захолустная поповна. Испуганный развитіемъ недуга Соломоніи, мужъ отвезъ бѣсноватую жену обратно къ отцу, въ поповку Ерогоцкой волости. Конечно, въ расчетѣ, что на поповкѣ, близъ церкви Пресвятой Богородицы, подъ родительскимъ крыломъ о. Дмитрія, облеченнаго въ благодать іерейскаго сана, Соломонія будетъ безопасна

отъ демоновъ. Этого не случилось. Напротивъ, ея демономанія возростала съ чудовищной быстротой и энергіей, творя идеи и картины все болѣе грубаго и остраго эротизма. Въ хроническомъ бредѣ преслѣдованія Соломонія протомилась, какъ впослѣдствіи сама она высчитываетъ, одиннадцать лѣтъ пять мѣсяцевъ, съ 8 февраля 1660 года по 8 іюля 1671-го, когда удостоилась получить чудесное исцѣленіе отъ святыхъ устюжскихъ угодниковъ, Прокопія и Іоанна Юродивыхъ.

Займемся этими тремя указаніями „Повѣсти“.

II.

Свадебная порча.

1.

Даже и въ настоящее время атмосфера русской крестьянской свадьбы еще насыщена страхомъ, не „испортили бы“ молодыхъ. Легко вообразить, насколько силенъ, обаятеленъ и захватистъ былъ этотъ страхъ въ вѣка московской Руси. Тогда онъ разрушалъ браки не только въ темной средѣ захолустныхъ погостовъ по крестьянскимъ волостямъ медвѣжьихъ угловъ вродѣ Устюжскаго либо Важскаго уѣзда, но и боярскіе, великокняжескіе и царскіе союзы.

Съ свадебною порчею въ княжомъ терему мы знакомимся уже въ самыя отдаленныя московскія времена.

„Князь великій Семіонъ Ивановичъ Гордой женился у князя Федора Святославича (Смоленскаго); была у него одна дочь Еупраксія. И князь великій перезвалъ его къ себѣ, а далъ ему вотчину Волокъ совсѣмъ. И великую княгиню Еупраксію на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ на постелю, и она ему покажется мертвецъ“*).

Любопытный случай такой же галлюцинаціи приводится въ „Судебной Психопатологіи„ Краффта Эбинга подъ 1880 г. Нѣкій нѣмецкій лѣсничій, сильно подвыпивъ, улегся

*) Родосл. Кн. — Забѣлинъ. II. 278. — Кар. (IV. пр. 364).

въ постель съ своей любовницей, и вдругъ почудилось ему, будто она холодна, какъ ледъ. Его обуялъ суевѣрный страхъ: ужъ не вампиръ ли она, сосущій кровь изъ живыхъ людей? Въ ужасѣ онъ спрыгнулъ съ кровати и спросилъ:

— Неужели ты вампиръ?

Женщина, тоже пьяная, пробормотала спросонья:

— Ну, разумѣется.

Любовникъ схватилъ ружье и застрѣлилъ ее.

Казусъ въ томъ же родѣ прошелъ четверть вѣка тому назадъ передъ уфимскимъ окружнымъ судомъ. Башкиру Фаюшину, на ночевкѣ съ другимъ башкиромъ Мухмадѣевымъ, привидѣлось, будто его товарищъ—большая черная змѣя. Въ сонномъ перепугѣ, онъ принялся бить Мухмадѣева дубиной и забилъ на смерть.

Судъ не повѣрилъ галлюцинаціи Фаюшина и приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ на 12 лѣтъ. Нѣмецъ былъ счастливѣе: осужденный въ двухъ инстанціяхъ, онъ получилъ оправданіе въ третьей, какъ дѣйствовавшій „въ состояніи отсутствія самоопредѣляемости".

Галлюцинаціямъ обоихъ преступниковъ предшествовало сильное опьяненіе. Не будетъ грѣхомъ предположить, что и Семіонъ Гордый на своемъ свадебномъ пиру перехватилъ лишнюю чару зелена вина либо ендову браги пѣнныя.

Напугавшись ночнымъ трупообразіемъ молодой, „князь великую княгиню отославъ къ отцу ея на Волокъ, а велѣлъ ее дати замужъ". То-есть, за исключеніемъ послѣдняго условія — о замужествѣ, поступилъ совершенно такъ же, какъ триста лѣтъ спустя, неудачный мужъ бѣсноватой устюжской поповны Соломоніи, „земледѣлецъ Матѳей, иже бысть пастухъ скотскій", когда увидѣлъ „гибель жены своея" отъ одержащихъ ее водяныхъ бѣсовъ.

Неизвѣстна семейная или политическая интрига, причинившая порчу Евпраксіи Смоленской. Но, какъ скоро былъ разрушенъ ея бракъ съ великимъ княземъ, очевидно, потеряла силу и порча, потому что новому своему мужу Евпраксія мертвецомъ отнюдь не казалась. „И князь Фе-

доръ Святославичъ далъ дочь свою замужъ за князя Өеодора за Краснаго за Большаго Өоминскаго. А у князя съ тою княгинею было 4 сына".

2.

Порчѣ была приписана, быстрая послѣ брака, кончина третьей жены Ивана Грознаго, новгородской купеческой дочери Марөы Васильевны Собакиной. Отравленная еще въ дѣвицахъ, когда была „царевною", т.-е. объявленною невѣстою царя, Марөа вѣнчалась совсѣмъ больною и умерла черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы. Такъ что царь „дѣвства не разрѣшилъ третьяго брака", какъ самъ онъ заявилъ, прося духовную власть о дозволеніи вступить ему въ четвертый бракъ. Въ обращеніи этомъ Грозный поминаетъ Марөу словами сильными и трогательными, какъ человѣкъ, задѣтый глубоко за сердце:

— „Ненавидяй добра врагъ воздвиже ближнихъ многихъ людей враждовати на царевну Марөу, еще въ дѣвицахъ сущу, точію имя царьво возложено на нее, и тако ей отраву злую учиниша. Благовѣрный же царь и великій князь, положа на Божіе всещедрое существо, либо исцѣлѣетъ, поя за себя дѣвицу Марөу, и только была за нимъ двѣ недѣли и преставися".

Забѣлинъ справедливо отмѣчаетъ необычайность этой царской свадьбы на „авось, выздоровѣетъ" съ завѣдомо больной дѣвушкой. Необычно для московскаго царя вообще, а въ особенности для Грознаго, мнительно боязливаго за свое собственное здоровье, суевѣрно оберегавшаго себя отъ порчи волшебствомъ, не разстававшагося съ противоядіемъ отъ крамольной отравы. Очевидно, Иванъ Васильевичъ успѣлъ было крѣпко возлюбить Марөу. Смертью ея онъ настолько „много оскорбился", что, съ горя, даже „хотѣ облещися во иноческое".

Обыкновенно, каждый новый бракъ Грознаго сопровождался опалою и казнями родственниковъ предшествовавшей жены. Какъ скоро царь, овдовѣвъ отъ Марөы, женился на Аннѣ Колтовской, не ушли отъ горькой судьбы

также и Собакины. Однако, опала настигла ихъ сравнительно поздно, — слишкомъ два года спустя по кончинѣ Маѳы. А въ этотъ срокъ они продолжали быть въ чести, одни на придворныхъ должностяхъ, другіе на видныхъ воеводствахъ. Въ Ливонскомъ походѣ 1573 г. братъ Маѳы, Калистъ, былъ въ числѣ почетнѣйшихъ царскихъ оруженосцевъ: „Съ шеломы за государемъ и за царевичами Калистъ Васильевичъ Собакинъ". (Кар. IX. Пр. 412).

Наоборотъ, въ мести за предполагаемое отравленіе Маѳы царь Иванъ явилъ себя особенно быстрымъ и стремительнымъ. Едва она успѣла закрыть глаза, какъ онъ уже потянулъ на расправу заподозрѣнныхъ свойственниковъ по первымъ двумъ своимъ бракамъ, съ Анастасіей Романовной Юрьевой и, того пуще, съ Марьей Темрюковной Черкашенкой. Кого розгами засѣкъ, кого на колъ посадилъ, кого ядомъ отравилъ. Въ числѣ послѣднихъ погибъ одинъ изъ любимцевъ Грознаго, видный опричникъ, Григорій Грязной. Имя его соблазнило поэта Л. А. Мея, въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, измыслить любовную драму „Царской Невѣсты". Въ началѣ нашего вѣка, Н. А. Римскій-Корсаковъ облекъ вымыселъ Мея въ музыкальные звуки и тѣмъ сохранилъ ему, уже отжившему было свое время, жизнь — и, вѣроятно, на долгій срокъ.

3.

Исторія Маѳы Собакиной темна. Драматическому вымыслу вольно гулять вокругъ злополучной купеческой дочки, которую чья то свирѣпая зависть не пустила въ царицы. Но уже никакого вымысла не требуетъ драматическая судьба двухъ первыхъ невѣстъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

Марью Ивановну Хлопову обкормили какими-то сластями Салтыковы, бояре-фавориты матери государя, великой старицы Маѳы: ей бракъ Михаила съ Хлоповой былъ неугоденъ. „Врагъ же діаволъ научи нѣкоторымъ сродичамъ, царевѣ матери племянникомъ, остудити царевѣ ма-

тери царицу, нѣкоторымъ чародѣйствомъ ненависть возложиша и разлучиша ю отъ царя и послаша въ затокъ". (П. С. Р. Л. V. 65. — Заб. II. 239. — Сол. II. 1161 — 1164 (Т. IX. Гл. III). — Вейдем. Перв. Ром. 31 — 33).

Какъ извѣстно, Марья Хлопова, послѣ недолгаго и легкаго нездоровья, вполнѣ оправилась и прожила на свѣтѣ еще 17 лѣтъ, ссыльною то въ Тобольскѣ, то въ Верхотурьѣ, то въ Нижнемъ-Новгородѣ. Интрига, разлучившая царя съ невѣстою, была раскрыта. По розыску 1623 г., Салтыковы были уличены, впали въ опалу и отправились въ ссылку. Марьѣ Хлоповой было возвращено „царское имя" Анастасіи, нареченное ей, какъ царской невѣстѣ, въ память Анастасіи Романовны Юрьевой, первой жены Ивана Грознаго: Михаилъ Романовъ приходился ей внучатымъ племянникомъ. Малаго не доставало, чтобы Михаилъ, сохранившій къ Марьѣ Хлоповой любовь и сильно поддерживаемый въ томъ отцомъ своимъ, патріархомъ Филаретомъ, не вызвалъ ея изъ Нижняго въ Москву для бракосочетанія.

Но неустранимъ былъ главный врагъ Марьи Хлоповой: мать государя, великая старица Марѳа Ивановна. Она, самодурствуя, „клятвами себя закляла, что не быть ей въ царствѣ предъ сыномъ, если Хлопова будетъ у царя царицей". Михаилъ былъ не Иванъ Васильевичъ. Смутился, растерялся и уступилъ матери. Вопреки собственному своему недавнему заявленію:

— „Сочетался я бракомъ по закону Божію и по преданію св. Апостолъ и св. Отецъ; обручена мнѣ царица, кромѣ ея не хочу взять другую".

Вопреки поддержкѣ, настоянію и даже многимъ укоризнамъ со стороны отца: Филаретъ, какъ семьянинъ, желалъ устроить счастье сына, а, какъ патріархъ, не хотѣлъ ущерблять церковнаго обряда разлученіемъ обрученныхъ, значитъ, на половину обвѣнчанныхъ, жениха съ невѣстой.

Въ русской исторической литературѣ какъ то мало обращено вниманія на то, что ни одна изъ двухъ вѣнчанныхъ супругъ Михаила Ѳедоровича не получила „царскаго

имени", тогда какъ перво-обрученница его, дѣвица Хлопова такъ и умерла въ 1633 г. съ „царскимъ именемъ" Анастасіи. Да и вообще замѣтно, что, несмотря на несостоявшуюся свадьбу съ Хлоповой, и самъ Михаилъ, и патріархъ Филаретъ, и большинство современнаго имъ общества, признали этотъ союзъ первымъ бракомъ царя. Такъ что дальнѣйшіе браки его были, въ глазахъ вѣка, не болѣе, какъ дозволенными и терпимыми ввиду государственной необходимости, но не очень то правильными или, во всякомъ случаѣ, очень непріятно внѣобычными. По крайней мѣрѣ, такъ было до смерти Хлоповой (1631 г.).

Филаретъ не одолѣлъ сопротивленія жены. Въ 1623 г. отецъ Хлоповой былъ оффиціально извѣщенъ отъ имени государя, что „мы дочь его Марью взять за себя не изволили". А въ слѣдующемъ 1624 г. инокиня Мароа женила сына, противъ его желанія, на своей избранницѣ, княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукихъ, дочери Владиміра Тимофѣевича Долгорукова, одного изъ знатнѣйшихъ стародовитыхъ бояръ, уцѣлѣвшихъ въ немногомъ числѣ отъ истребленія „княжатъ" Иваномъ Грознымъ, Борисомъ Годуновымъ и бурею Смутнаго Времени. Роль Михаила въ этомъ бракѣ изображена лѣтописцемъ плачевно: „Аще и не хотя, но матере не преслушавъ, поять вторую царицу Марью". Первою царицею, слѣдовательно, продолжала быть, въ памяти общества, отставленная и изгнанная Марья-Анастасія Хлопова.

Выборъ великой старицы Мароы оказался неудачнымъ. „Смотрите же, что Богъ дѣлаетъ сотворшимъ по насилію!" съ видимымъ злорадствомъ повѣствуетъ лѣтописецъ. Молодая царица тяжко заболѣла уже на второй день свадьбы. „И въ первый день веселія бысть велія радость; во второй же день царица Марія Владиміровна обрѣтеся испорчена, и бысть скорбь ея велія зѣло, и отъ того дня поживъ до Богоявленіева дня точію, и преставися того же году въ Богоявленіевъ день, и погребена со многимъ плачемъ въ Вознесенскомъ монастырѣ съ прочими царицами". (Н. Лѣтописецъ, 187). Въ Никоновской лѣтописи подробнѣе: „Грѣхъ же нашихъ ради отъ начала

врагъ нашъ діаволъ, не хотяй добра роду христіанскому, научи врага человѣка своимъ дьявольскимъ ухищреніемъ испортити царицу Марью Володимеровну, и бысть государыня больна отъ радости (свадьбы) до Крещенія Господня, а въ Крещеніе предала душу свою Богу". (Ср. стр. 23: объясненіе недуга Соломоніи Б.).

Такъ что супружество царя Михаила съ Марьей Долгоруковой продолжалось всего четыре мѣсяца, съ 18 сентября по 6 января 7133 (1624—25) года.

4.

Въ лицѣ первой невѣсты царя Алексѣя Михайловича, Евфиміи Всеволожской, какъ бы повторилась Марья Хлопова. Съ тою разницею, что Хлопову окормили сластями Салтыковы, а Всеволожскую погубилъ знаменитый Борисъ Морозовъ, дядька царя и первый при немъ временщикъ, болѣе лукавымъ способомъ. По его наущенію, женщины, наряжавшія невѣсту для торжественнаго выхода къ жениху-государю, устроили что-то неладное съ ея прическою: такъ больно скрутили ей косу, что дѣвушка не вытерпѣла, сомлѣла предъ царскими очами. Этого было достаточно, чтобы приписать ей падучую болѣзнь. Вмѣсто кремлевскаго дворца, Всеволожская поѣхала въ сибирскую ссылку, въ Тюмень. Отецъ же ея, до ссылки, былъ еще подвергнутъ жестокой пыткѣ: какъ смѣлъ онъ, измѣнникъ, обманомъ представить на государевъ смотръ больную невѣсту.

Царь, успѣвшій влюбиться въ Евфимію, былъ глубоко огорченъ, даже аппетита лишился („лишенъ былъ яди") и цѣлый годъ не хотѣлъ слышать о другихъ невѣстахъ.

Розыскъ по дѣлу Всеволожскихъ, подъ давленіемъ Бориса Морозова, привелъ только къ тому, что сосланъ былъ въ Кирилловъ монастырь какой-то злополучный Мишка Ивановъ, мужиченко изъ крестьянъ боярина Никиты Ивановича Романова. Монастырю былъ данъ наказъ держать Мишку подъ крѣпкимъ началомъ и съ великимъ бере-

женьемъ — за чародѣйство и за косной разводъ и за наговоръ, что объявился въ Рафовѣ дѣлѣ Всеволожскаго.

Преступникъ несомнѣнно подставной, козелъ отпущенія за грѣхи дворцовыхъ интригановъ. Забѣлинъ полагаетъ, что, такимъ способомъ, Морозовъ упряталъ въ монастырскій каменный мѣшокъ опаснаго свидѣтеля своей собственной плутни. По мнѣнію того же историка, Морозовъ использовалъ дѣло Всеволожскихъ для того, чтобы поубрать отъ двора вліятельныхъ людей прошлаго царствованія. Такъ, по обвиненію въ волшебствѣ же, сосланъ былъ въ Вологду родной дядя царя по матери, кравчій Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ. Извѣтъ на него, по свидѣтельству знаменитаго Артамона Матвѣева, преемника Морозова въ фаворѣ у царя Алексѣя, былъ дутый: „составной и наученой, устроенной завистію и ненавистію на отлученіе его отъ государя". (Забѣлинъ. II. 256—262).

С. М. Соловьевъ отрицалъ участіе Морозова въ интригѣ противъ Всеволожскихъ, почитая обвиненіе, взведенное на временщика, сплетническимъ домысломъ иностранныхъ гостей Москвы (Колинса). А сплетню — возникшею подъ впечатлѣніемъ вскорѣ послѣдовавшей одновременной женитьбы молодого царя и старика Морозова на сестрахъ Милославскихъ. (Сол. II. 1514. 1515. Т. IX). Котошихинъ, хотя самъ былъ охочъ до злой сплетни, говоритъ только о женской интригѣ:

— „Искони въ Россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои: если человѣкъ, хотя мало прійдетъ въ славу и честь и въ богатство, не могутъ не возненавидѣть. У нѣкоторыхъ бояръ и ближнихъ людей дочери были, а царю объ нихъ къ женитьбѣ ни объ одной мысль не пришла: и тѣхъ дѣвицъ матери и сестры, которыя жили у царевнъ, завидуя о томъ, умыслили надъ тою обранною царевною, чтобъ извести, для того надѣялись, что по ней возьметъ царь дочь за себя котораго иного боярина или ближняго человѣка; и скоро то и сотворили, упоиша ее отравами".

5.

И такъ:

Мареа Собакина погибла отъ вражды „многихъ ближнихъ людей“, которыхъ на нее воздвигъ „ненавидяй добра врагъ“.

Марью Хлопову ввелъ въ „остудѣніе“ царевой матери „врагъ діаволъ“ черезъ „чародѣйство нѣкоторое“ „сродичей царевы матери племянниковъ“.

Марью Долгорукову погубилъ „отъ начала врагъ нашъ діаволъ, не хотяй добра роду христіанскому“, научивъ „врага-человѣка“ испортить ее. А все то зло сотворилось отъ злыхъ чаровниковъ и звѣрообразныхъ человѣкъ, которые не хотятъ видѣть христіанскаго покою и тишины“.

Евфимія Всеволожская отравлена завистницами, потому что „искони въ Россійской землѣ лукавый діаволъ сѣялъ плевелы свои“.

Эти четыре объясненія порчи царскихъ невѣстъ до такой степени сходятся съ пятымъ, которое повѣствователь о Соломоніи Бѣсноватой, сельской поповнѣ и женѣ мужика-пастуха, даетъ происхожденію ея недуга, что ихъ всѣ пять можно принять за варіанты одного и того же разсказа. А, въ особенности, схожа мотивировка недуга Соломоніи съ случаемъ Маріи Долгоруковой:

„Иже искони ненавидяй добра злый старый врагъ діаволъ сатана, иже не преставше человѣки боря, умысля такова самъ или посланъ отъ нѣкоего чародѣя волхва, отъ человѣка лукава, обоянника, на погубленіе жены тоя“. (Ср. стр. 21).

6.

Страхъ предъ „злыми чаровниками и звѣрообразными человѣками“ вызвалъ въ царскомъ быту XVII вѣка странное явленіе свадебъ почти что потаенныхъ.

Третью свою невѣсту и вторую жену, Евдокію Лукьяновну Стрѣшневу, Михаилъ Өедоровичъ выбралъ самъ,

даже, — не въ обычай себѣ, — нагрубивъ матери. Она разсчитывала, что Михаилъ возьметъ жену изъ большой боярской знати, а онъ,—едва ли не на зло великой старицѣ, дважды испортившей ему брачную жизнь, — выбралъ бѣдную дворянку, пріѣхавшую на смотръ невѣстъ чуть ли не въ качествѣ горничной при какой-то боярышнѣ. (Вейдем. Перв. Ром.).

Дважды наученный горькимъ опытомъ, царь принялъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы „чаровники и звѣрообразные человѣки" не успѣли испортить и эту его избранницу. Выборъ состоялся 29 января 1626 г., а 5 февраля уже сыграли свадьбу, при чемъ, ради спѣха, не посчитались съ „тяжелымъ" Агаѳьинымъ днемъ, когда „коровья смерть по дворамъ ходитъ". Отсрочить не могли, такъ какъ было воскресенье по всеястной недѣлѣ, а на слѣдующей недѣлѣ, „пестрой", играть свадьбы почиталось несчастливымъ: „На пестрой жениться — съ бѣдой породниться". „Оттого баба пестра, что на пестрой замужъ шла"—и т. д. Невѣста, Евдокія Лукьяновна, была сведена въ царевъ дворецъ и наречена царевною только за три дня до вѣнца. Сравнительно съ прежде бывшими царскими бракосочетаніями, свадьба необычайная и по стремительной быстротѣ, и по замкнутости совершенія.

Еще дальше пошелъ въ этомъ направленіи царь Алексѣй Михайловичъ. Вмѣсто Евфиміи Всеволожской, Морозовъ подставилъ юному государю Марью Ильинишну Милославскую, красавицу, нѣсколько засидѣвшуюся въ дѣвкахъ: она была на четыре года старше Алексѣя, ей шелъ уже 22-й годъ. Царская свадьба (16 января 1648 г.) изумила иностранцевъ (Олеарія и Коллинса) своею скромностью и какъ бы таинственностью.

— „Бракосочетаніе, пишетъ Олеарій, — совершилось безъ всякой торжественности и въ тихомолку, чтобы не было наслано на невѣсту и жениха какого либо чародѣйства, вредъ приносящаго: этого въ то время русскіе, будучи суевѣрны, очень боялись". (Ol. III. 15).

Извѣстію, какъ будто, противорѣчитъ сохранившійся церемоніалъ свадьбы, весьма длинный и сложный. (Сах. II.

82 — 98). Однако, несомнѣнно вѣрно, что свадьба была сыграна въ запертомъ и крѣпко охраняемомъ Кремлѣ.

Русскіе источники отмѣчаютъ, какъ новшество, что, подъ вліяніемъ царева духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, изъ „веселья" былъ совершенно изгнанъ свѣтскій разгулъ, роднившій прежнія царскія свадьбы съ языческими пережитками не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ свадьбы простонародныя. Вмѣсто того, цѣлый день, пѣвчіе дьяки, смѣняясь станицами, пѣли „строчные и демественные большіе стихи, изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи". Ненавидящему добро, старому врагу дьяволу, если бы онъ и былъ посланъ „чаровниками и звѣрообразными человѣками" мутить царскую свадьбу, оставалось, — отъ такой божественной музыки, — только зажать уши и позорно расточиться.

7.

Въ совершенную скрытность облечена была вторая свадьба Алексѣя Михайловича — съ Натальей Кирилловной Нарышкиной. Отъ царскихъ смотринъ (1 февр. 1670 г.) до бракосочетанія (22 янв. 1671 г.) прошелъ годъ безъ девяти дней, но въ этотъ долгій срокъ никто, — и менѣе всѣхъ сама невѣста, — не зналъ, что царскій выборъ палъ на Нарышкину. Однако, подозрѣвали, — ввиду дружеской близости къ Алексѣю Михайловичу Артамона Матвѣева, родственника и благодѣтеля Натальи, въ домѣ котораго она жила. И подозрѣній было уже достаточно, чтобы развилась дворцовая интрига съ подметными письмами, съ доносами и розыскомъ о волшебствѣ и т. д.

Для отвода злыхъ глазъ и для совершеннаго укрытія истинной невѣсты, кажется, изобрѣли невѣсту подложную: Авдотью Бѣляеву, Иванову дочь, племянницу нѣкоего Ивана Шихирева. По крайней мѣрѣ, Шихиревъ такъ много и громко хвасталъ по Москвѣ, будто „племянница его въ Верхъ взята, а Нарышкина свезена", что трудно допустить, чтобы онъ рискнулъ зря болтать подобно опасныя рѣчи, да еще при царедворцахъ, — не имѣя къ тому основанія.

Доболтался, однако, до застѣнка. Попалъ въ него, конечно, за безтактность, но офиціально Шихиреву предъявлено было подозрѣніе въ составленіи имъ непристойныхъ подметныхъ писемъ во вредъ Натальѣ Нарышкиной и Артамону Матвѣеву. Допрашивали Шихирева попутно, какъ водилось, также и о волшебствѣ. Но, по обыску, никакихъ отравъ, кромѣ звѣробойной настойки для выпивки, за болтуномъ не оказалось.

Дѣло это вершилось въ апрѣлѣ 1670 г. Авдотья Бѣляева была послѣднею изъ привезенныхъ на царское смотрѣніе дѣвицъ, которую Алексѣй Михайловичъ удостоилъ обозрѣть. Значитъ, вопросъ о Натальѣ Нарышкиной еще не былъ округленъ, если царь черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ намѣтилъ ее въ свои невѣсты, все-таки продолжалъ дѣвичьи смотрины. Въ настоящія невѣсты Бѣляева не прошла по единственному недостатку, что де „руки худы“.

Наталья Кириловна ни въ это время, ни послѣ, до самой свадьбы, не была объявлена царевной и не жила во дворцѣ. Свадьба была сыграна совершенно внезапно для невѣсты. Рано по утру (22 января) Артамонъ Матвѣевъ разбудилъ Наталью и объявилъ ей волю царя — немедленно вѣнчаться. Дѣвушку облекли въ царскія одежды, чуть не задавивъ ее тяжестью нашитыхъ на нихъ драгоцѣнныхъ камней, и, въ сопровожденіи немногихъ женщинъ, повезли во дворецъ. Здѣсь невѣсту провели прямо въ „верховую“ церковь Спаса за Золотой Рѣшеткой, и царскій духовникъ совершилъ вѣнчаніе въ присутствіи нѣсколькихъ придворныхъ, отъ которыхъ ни царь, ни Матвѣевъ не могли ожидать „недружбы“. Свадебный пиръ продолжался нѣсколько дней, но при самомъ ограниченномъ числѣ приглашенныхъ, и дворецъ на все это время былъ наглухо запертъ.

Тою же умышленною домашностью и огражденностью отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ закремлевскимъ міромъ отличены обѣ свадьбы царя Ѳеодора Алексѣевича (съ Аграфеной Грушевской и Марѳой Апраксиной) и царей Іоанна (съ Прасковьей Салтыковой) и Петра (съ Евдокіей

Лопухиной) Алексѣевичей. (Сах. II. 99—101. — Заб. II. 264—273. — Берхъ. Царст. Ѳ. А. 83—85. 90—93).

8.

Словомъ, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухсотъ лѣтъ, ни одна царская свадьба, за исключеніемъ несчастнѣйшей изъ всѣхъ — Димитрія съ Мариной Мнишекъ, — не была сыграна иначе, какъ подъ гнетущимъ ожиданіемъ враждебнаго колдовского вмѣшательства и безъ огражденія отъ нихъ мѣрами религіозными, полицейскими и магическими. И народъ это зналъ, и иностранные гости съ любопытствомъ это наблюдали, и за границей о томъ слыхали.

Когда въ 1621 г. Михаилъ Ѳедоровичъ, по настоянію отца, сватался за племянницу датскаго короля Христіана, Доротею Августу, русскіе послы-сваты получили очень рѣзкій отказъ. Король ихъ вовсе не принялъ, сказавшись больнымъ. А стороною дана была знать имъ и причина:

— Ѣздилъ къ вамъ въ Русь, при царѣ Борисѣ, братъ мой, — упрекалъ пословъ Христіанъ, — и царь хотѣлъ отдать за него дочь свою Ксенію. Но, не успѣлъ братъ пріѣхать въ Москву, какъ умеръ, — отравой извели его. Точно также теперь и дочь (?) мою изведете.

Послѣ такой жестокой отповѣди, царскимъ посламъ, князю Львову и дьяку Шипову, не оставалось ничего другого, какъ сдѣлать видъ, будто, за невозможностью личнаго свиданія съ королемъ, они должны вовсе отказаться отъ переговоровъ, такъ какъ считаютъ ниже своего достоинства вести ихъ съ ближними королевскими людьми. (Сол. II. 1161. 1162. т. IX. гл. III. — Заб. II. 245. — Берхъ. 133).

9.

Единство демоническаго міро-и бытовоззрѣнія одинаково покоряло суевѣрному страху и приводило къ одинаковому образу дѣйствій, какъ ничтожнаго земледѣльца Матѳея въ Устюжской лѣсной трущобѣ, такъ и царя и ве-

ликаго князя на высотѣ московскаго златоглаваго Кремля. Паника свадебной порчи лепечетъ свои жалобы одними и тѣми же словами, что изъ устъ невѣсты самодержца всея Русіи, что изъ устъ глухо-захолустной поповны, выдаваемой замужъ за „пастуха скотскаго“.

Впрочемъ, за исключеніемъ безупречной красоты и безусловнаго здоровья, требуемыхъ отъ царскихъ невѣстъ, онѣ едва-ли много чѣмъ разнились отъ Соломоніи. И не только въ культурномъ уровнѣ, о незавидности котораго у женщинъ московскаго государства сохранились весьма мрачныя свидѣтельства писателей и своихъ, и иностранныхъ, но даже и прирожденнымъ общественнымъ положеніемъ.

Цари XVII вѣка не гнались за знатностью невѣстъ и заключали браки весьма демократическіе. Конечно, ни отецъ, ни дѣдъ Петра Великаго, ни старшіе братья его, не доходили на этомъ пути до такого дерзновенія, чтобы увѣнчать своей короной плѣнную латышку-портомойницу изъ солдатскаго лагеря, какою была Марта Скавронская до своего превращенія въ императрицу Екатерину. Однако, даже этотъ ультра демократическій бракъ Преобразователя нельзя считать вполнѣ оригинальнымъ. Онъ имѣлъ подготовительные прецеденты. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, по собственнымъ словамъ своимъ, женился на „прислужницѣ“. И это была не фраза. При дворѣ помнили, что Евдокія Стрѣшнева попала въ царицы съ нищихъ низовъ захудалаго дворянства, изъ приживалокъ знатной и богатой подруги-боярышни, и, за угломъ, попрекали ее ничтожествомъ происхожденія. Въ 1633 г. царицына постельница (камеръ-юнгфера, служанка по опочивальнѣ) Люба Волосатова, недовольная сослуживицами и будучи въ подпитіи, издѣвалась надъ царицей, сказывала про нее „посмѣшное слово“.

— „Наряжу де я курку свою гречанку (курицу грецкой породы. Такъ читали Афанасьевъ, Забѣлинъ и др. Не ошибка ли? Вмѣсто безсмысленной здѣсь „курки“ не надо ли читать: „дурку“ или „курву“ — ругательную кличку распутной женщины?) въ желтые сапоги да въ шубку да

въ шапку и прикажу въ Верхъ (опредѣлю ко двору) въ постельницы: и она де будетъ такова жъ постельница, какъ и государскія постельницы. Кабы у государя и у государыни живутъ въ постельницахъ добрыя жены (порядочныя женщины)! Да и сама де царица не дорога (не много стоитъ): знали ее, коли она (тоже) хаживала въ жолтикахъ (въ желтыхъ сапогахъ, т. е. сама была постельницей), — нынѣ де Господь ее возвеличилъ".

Отецъ царицы Марьи Ильинишны, И. Д. Милославскій принадлежалъ къ самому захудалому слою дворянства. Настолько, что, по бѣдности, приживалъ при пресловутомъ тогдашнемъ аферистѣ, посольскомъ дьякѣ Иванѣ Грамотинѣ, въ должности кравчаго, т. е. метръ-д'отелемъ. Нищета заставляла дочерей его, будущихъ царицу и жену перваго министра съ диктаторскими полномочіями, промышлять грибовничествомъ: наберутъ въ лѣсу грибовъ и несутъ продавать на рынокъ, — съ того и живы! (Заб. 228).

Наталья Кирилловна, по презрительному отзыву заклятаго врага ея Өедора Шакловитаго, была взята „изъ лаптей да изъ поневы".

— „Царицу можно бы принять, — уговаривалъ Шакловитый правительницу Софью на убійство мачехи, — извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила". (Сол. III. 810. 1068. Т. XIII. Гл. II. т. XIV. гл. II.—Устр Ист. П. Вел. 40.—Заб. II. 228).

10.

Возможно, что, въ подготовительные къ свадьбѣ промежутки послѣ смотринъ, „царевенъ", взятыхъ „изъ лаптей да изъ поневы", нѣсколько обтесывали. Наталья Кирилловна, напр., имѣла къ тому полную возможность, живя въ домѣ образованнаго Артамона Матвѣева.

Но основы, залегшей въ умъ и душу съ дѣтства, не вытешешь на скорую руку. О царицѣ Евдокіи Стрѣшневой извѣстно изъ упомянутаго розыска по дѣлу Любы Волосатовой съ ея „посмѣшнымъ словомъ", что — „гдѣ найдетъ людскіе волосы, и она, государыня, съ тѣмъ во-

лосьемъ сучитъ свѣчки да ихъ жжетъ, а сказываетъ, что будто ее портятъ постельницы". (Заб. 554). А она, такимъ способомъ, тоже магическимъ, отвращала порчу отъ себя, ибо, пока горѣлъ пучекъ заподозрѣнныхъ волосъ, — предполагалось, — долженъ былъ мучиться огневицей неизвѣстный врагъ, насылавшій порчу.

Царица Марья Ильинишна, хотя приняла церковную реформу своего супруга и раздѣляла его восторгъ и уваженіе къ „собинному другу", патріарху Никону, однако, въ душѣ крѣпко держалась старой вѣры. Когда Алексѣй Михайловичъ допустилъ осудить и разстричь протопопа Аввакума, царица имѣла за то съ мужемъ „нестроеніе", то-есть сдѣлала ему жестокую сцену. (Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ).

Церковь XVII вѣка дала трещину и раздѣлилась на два православія — старое, „книгъ Іосифовыхъ и Филаретовыхъ", и новое, Никоніанское. Общей прямой вѣры не стало въ народѣ. Но исконная, первобытная „вѣра наоборотъ", — огромная сложность общихъ суевѣрій, — никогда не знала и не узнала раздѣленія и продолжала владѣть людьми обоихъ православій безъ различія.

Надъ всѣми,—сильными и слабыми, богатыми и бѣдными, городскими и сельскими, великими міра сего и малѣйшими изъ малыхъ,—равно распростерты лапы высшей демонической власти, черной и злой. Ея отношеніями къ живому міру завѣдуютъ, какъ вѣчные ея слуги, но временные господа, всевозможные „звѣрообразные человѣки": волхвы, обоянники, „опасные", чаровники, колдуны-„ерестуны" и пр., — подробнѣйшій табель о магическихъ рангахъ! И, такъ какъ русскій народъ, въ религіозномъ самоопредѣленіи, не убоялся создать откровенно дуалистическую пословицу: „Богу молись, да и черта не гнѣви", то во всѣхъ своихъ слояхъ, съ глубочайшаго низа до высочайшихъ верховъ, онъ велъ со всѣми этими разноименными „звѣрообразными человѣками" пугливый, чутко настороженный, щепетильно обдуманный и исчисленный, счетъ. Сила на силу, тайна на тайну, глубина на глубину, темнота на темноту, магія на магію.

III.

Суземная сторонка.

1.

Казалось бы, что съ идеей порчи, колдовства и всякаго бѣсовства, дающаго содержаніе повѣсти о Соломоніи, менѣе всего вяжется сословное происхожденіе бѣсноватой. Духовное званіе предполагается, во первыхъ, уже ex officio враждебнымъ всякой дьявольщинѣ, такъ какъ съ таинствомъ священства связана власть наступать на змія и скорпія, то есть укрощать сатанинскія смуты и козни. Во вторыхъ, духовенство предполагается, въ качествѣ кое чему поученаго, хотя бы и плохо, стоящимъ въ просвѣщеніи выше крестьянскаго уровня, а потому, въ демонологическихъ вопросахъ, менѣе доступнымъ суевѣрному страху, болѣе вооруженнымъ для противодѣйствія гипнозу бѣсовскаго миѳа.

Посмотримъ, однако, гдѣ мы находимся.

Мѣсто дѣйствія — Ерогоцкая волость Устюжскаго уѣзда, отстоящая за „четыръдесятъ поприщъ“ отъ города Устюга вверхъ по р. Сухонѣ.

Какъ понимать здѣсь мѣру „поприще?“

Церковное значеніе слова — „дневной переходъ“ — явно неумѣстно. Въ „Азбуковникѣ“, современномъ бѣснованію и повѣсти о Соломоніи, читаемъ: „Поприще, верста, и имать саженей 750. Сице о семъ пишется въ Златой цѣпи; иніи же глаголютъ яко поприще имать 1000 саже-

ней". (Сах. II. 179). Согласно съ тѣмъ въ Софійскомъ Сборникѣ (XVI—XVII в.): „Поприще ж саженей 700 и 50, есть же убо едино поприще стади 7 и пол. Сія убо (весьма разныя) мы отъ землемѣрецъ пріяхомъ." (Срезневскій; Матер. для сл. II. 1205). У Памвы Берынды: „Поприще, миля, на той замыкается 1000 кроковъ, або осмь стадій, стаіовъ, гоновъ,—зри стадіонъ: і връста, пятая часть мили Польской; по инѣхъ миля астрономическая кроковъ 4000, чверть милѣ 4 стопы, стопа 4 долони, долонь четыре пальцѣ" (Сах. II. 77). И у него же: „Стадіонъ стаи, гоны, 125 краковъ, 250 ступеней; по инѣхъ, до двохъ миль чинить". (Сах. II. 97). Въ старѣйшемъ языкѣ (у Нестора, въ Хожденіи Даніила Игумена и т. п.) „поприще" имѣетъ гораздо меньшую длину. Основываясь на „Житіи Ѳеодосія" („Градъ есть, отстоя отъ Кыева, града стольнаго, 50 попьрищъ, именемъ Василевъ"), Погодинъ высчиталъ мѣру поприща 360 сажень, т. е. около $^2/_3$ нынѣшней пятисотной версты.

Такъ или иначе, но, во всякомъ случаѣ, разстояніе отъ Устюга до мѣста дѣйствія повѣсти оказывается однимъ изъ тѣхъ, что, по народной насмѣшкѣ, бабы клюкою мѣряли: не то 29 верстъ (принимая Погодинскій счетъ), не то всѣ 60. Повѣрка по нынѣшнимъ даннымъ измѣренія здѣсь не въ помощь, въ виду обширности древнихъ волостей Устюжскаго уѣзда и былой подвижности селеній въ подобныхъ мѣстностахъ, гдѣ земли много, но она лишь поверхностно урожайна и скоро выпахивается, а обиліе лѣса поддерживаетъ привычку къ подсѣчному хозяйству. Еще и въ настоящемъ XX вѣкѣ въ Восточной Сибири деревни переносятся съ мѣста на мѣсто, часто за 10, 15 и болѣе верстъ, по мѣрѣ того, какъ крестьяне „заназмятся", т. е. загрязнятъ свою жилую площадь, и выпашутъ до неродихи прилегающую площадь посѣвную. Вытянутая по лѣсной рѣкѣ Ергѣ (притокъ Сухоны), Ерогоцкая волость могла отвѣчать и на 29 и на 60 верстъ. А гдѣ именно стоялъ въ ней погостъ съ церковью Пресвятой Богородицы, повѣсть не указываетъ.

Что селеніе было волостнымъ центромъ, явствуетъ изъ того, что въ немъ была церковь. Въ XVII вѣкѣ зем-

ская волость на сѣверѣ обыкновенно совпадала съ церковнымъ приходомъ. По переписи 1623—1626 гг., изъ 57 волостей Устюжскаго уѣзда только 9, не имѣя церквей, входили въ составъ сосѣднихъ приходовъ. И только 12, наоборотъ, имѣли болѣе одной церкви и дѣлились на два (въ 8 волостяхъ) или на 3 — 4 прихода (въ четырехъ). Остальныя 36 волостей были также и церковно-приходскими единицами. Въ судебникѣ сѣвернаго происхожденія, приписываемомъ царю Ѳеодору Іоанновичу, приходъ и волость равнозначущи. (Богосл. 19—21).

По всей вѣроятности, погостъ носилъ названіе Ерги, отъ рѣки, на которой онъ стоялъ. Или Усть-Ерги, если былъ при впаденіи Ерги въ Сухону, — подобно Усть-Евдѣ, Усть-Вохмѣ, Усть-Сысольску и самому Устюгу (Усть-Югу). Возможно также названіе Старой Ерги. Изъ старообрядческой литературы извѣстно, что была въ это время также и Новая Ерга. Ее повѣсть имѣть въ виду не можетъ, такъ какъ, во первыхъ, она входила уже въ составъ Важскаго уѣзда, а, во вторыхъ, и церковь въ ней была не Пресвятой Богородицы, но Богоявленская. (Лопаревъ). Имя „Ерга" упоминается въ повѣсти только одинъ разъ и безъ всякихъ эпитетовъ: „А къ отцу своему на Ергу никогда не ходи", запрещаетъ Соломоніи въ видѣніи св. Ѳеодора, неизвѣстно что опредѣляя тѣмъ — погостъ, рѣку или всю волость.

Изъ дѣйствія повѣсти ясно, что погостъ на Ергѣ при церкви Пресвятой Богородицы, гдѣ попилъ отецъ Соломоніи, былъ глухимъ лѣснымъ, по мѣстному, сузёмнымъ поселомъ. „Сузёмомъ" называется полоса дремучихъ дебрей, покрывающая водораздѣлъ между Волжскимъ и Двинскимъ бассейномъ, испещренный, по картинному выраженію Ключевскаго, „паутинною сѣтью" болотистыхъ рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ разныхъ направленіяхъ. Границы сузёма опредѣляются приблизительно, съ одной стороны, рѣками Вохмою и Кемью, съ другой Югомъ, котораго сліяніе съ Сухоною образуетъ Сѣверную Двину, и его притоками (Лузой и др.). Этотъ территоріально собирательный Суземъ, обращенный народною рѣчью въ имя

собственное, слагается непрерывною цѣпью множества суземовъ нарицательныхъ, обозначающихъ глухой, сплошной трудно проходимый лѣсъ, простирающійся на значительное разстояніе отъ расположеннаго въ немъ человѣческаго посела. „У нихъ въ суземьѣ, на Ижмѣ, по Шалгѣ, болота и лѣсъ, дичь изстари". (Даль).

Въ наличности поселовъ, хотя бы и отстоящихъ одинъ отъ другого на много верстъ, заключалась въ старину разница сузема отъ тайболы или, по сибирски, тайги и урмана. Теперь всѣ эти дебряныя опредѣленія смѣшались, но еще въ среднихъ годахъ XIX вѣка народъ помнилъ ихъ отличія. Тайбола — какъ бы превосходная степень сузема. „Тайбола пойдетъ тебѣ теперь ста на четыре верстъ, вплоть до самой отдалены", говорили С. В. Максимову въ 1856 г. мезенскіе ямщики въ селѣ Вожгорахъ, желая объяснить, что дальше уже не будетъ деревень вплоть до Усть-Цыльмы, перваго села на Печорѣ. „Тайбола то ишь какая долгая да широкая; на низъ то она къ тундрѣ подошла, а вверхъ такъ ей, сказываютъ, и конца тамъ нѣтъ".

Единственнымъ постояннымъ жильемъ въ тайболѣ были „кушни", курныя избушки, обитаемыя одинокими стариками, „кушниками", и служившія станціями для отогрѣванія перезябшихъ путешественниковъ. Вѣдь проѣздъ тайболой возможенъ былъ только зимою, когда морозы заковывали болота въ крѣпкій ледъ. Дороги не было. Ее прокладывалъ по снѣжной цѣлинѣ какой нибудь смѣлый обозъ, двигавшійся на ту или иную зимнюю ярмарку чуть не изъ за тридевяти земель, за многія сотни верстъ. Оставленные имъ слѣды — ухабы, выбоины и раскаты — указывали путь черезъ тайболу послѣдующимъ. (С. В. М. Годъ на Сѣв. Ч. 2 Соч. IX. 257)

2.

Суземъ столько же дикъ, глухъ и бездороженъ, какъ и тайбола, но это — часть ея, прилегающая къ селенію и „въѣзжая" для ея жителей, слѣдовательно, обреченная, хотя и медленному, но неотмѣнному вдвигу культуры. Пѣшкомъ,

верхами или съ волочугой, люди пробираются въ суземъ, пробивая тропинки, чтобы лѣсовать, звѣровать, курить смолу, ловить въ рѣчкахъ сладководный жемчугъ и т. д. Жгутъ лѣсъ и, проникая въ суземъ подсѣчнымъ хозяйствомъ, обнажаютъ площади плодородной (не на долгое время) почвы, которая тоже слыветъ „суземомъ“ и привлекаетъ къ себѣ новые поселки. Въ Олонецкой губерніи уединенныя лѣсныя деревушки, состоящія изъ малаго числа дворовъ и отдѣленныя одна отъ другой и вообще отъ людныхъ мѣстностей большимъ первобытнымъ лѣсомъ, какъ бы сливаются въ представленіи народномъ съ мѣстомъ своего возникновенія и также прозываются суземами. (Г. Куликовскій).

А. И. Левитовъ въ одномъ своемъ (тоже демонологическомъ) разсказѣ рисуетъ суземное вологодское село, подобное погосту на Ергѣ, словами: „Все его въ конецъ лѣсъ облелѣялъ такъ, что церкви высокой за сто шаговъ отъ села не было видно“. (Соч. I. 464. Степн. выс.). Въ лѣсу возникшій, изъ лѣса срубленный, лѣсомъ питаемый, погостъ былъ связанъ съ лѣсомъ всею матеріальною и духовною жизнью своего населенія. Это, какъ выражались древніе новгородскіе акты, лѣшая деревня. Осѣдлая въ лѣшихъ или полѣшихъ дебряхъ, она размножаетъ вокругъ себя лѣшія избушки и прокладываетъ между ними лѣшія тропы для лѣшихъ промысловъ. (Ефименко. Арханг. Дем. 50).

Въ такой тѣсной связанности людей съ лѣсомъ естественны возникновеніе и крѣпкая прочность обширнаго круга лѣсныхъ суевѣрій. Своею многочисленностью, но, въ то же время, существеннымъ однообразіемъ они образовали какъ бы особую натуральную религію лѣса, добавочную къ церковно-христіанской религіи, какъ оборотная ея сторона, частію ей враждебная, частію только непріязненно нейтральная. Божествами этой религіи, могущественными агентами исходящаго отъ лѣса добра и зла (съ перевѣсомъ послѣдняго), являлись демоны сузёма и тайболы — лѣсные, водяные, болотные, вихревые — и (уже спеціально для зла) новые поселенцы дебрей, бѣсы изъ ада, втолко-

ванные народу церковью въ словесномъ преданіи и живописи. (См. „Одержимую Русь": Эт. „Лѣсные бѣсы"). А жрецами этой „лѣсной нечисти" и медіумами для сношеній между нею и суземнымъ людомъ стали такъ называемые „опасные".

Трехсотлѣтній прогрессъ, хотя и черепашьимъ шагомъ двигался, сократилъ полосу Сузема, оттолкнулъ ее далеко въ сѣверовосточный уголъ, за Печору. Туда же передвинулись отжившіе свой вѣкъ остатки быта и нравовъ, изображаемыхъ истинно суземною повѣстью о Соломоніи. Тамъ, гдѣ дѣйствительно развивалась эта демономаническая исторія, — „въ предѣлахъ города Устюга", хотя бы и въ 29 и даже въ 60 верстахъ отъ него, — эти вѣрованія бытъ и нравы должны были давно угаснуть и едва ли оставили замѣтный слѣдъ. Но въ глубинахъ оттѣсненнаго Сузема строй XVII вѣка наблюдался еще вполнѣ неприкосновеннымъ даже въ послѣдней четверти XIX столѣтія, да, судя по фольклорнымъ находкамъ г.г. Григорьева, Ончукова и др., переползъ, довольно значительной частью, также и въ вѣкъ XX-й. Для того, чтобы вполнѣ представить себѣ Ерогоцкую волость 1660 года, полезно прочитать превосходный очеркъ извѣстнаго этнографа Потанина о сузёмномъ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губ., писанный авторомъ по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ въ 1876 г. (Др. и Нов. Россія. 1876. III. 140). Анкеты петербургскаго Этнографическаго бюро кн. Тенишева въ первыхъ годахъ XX вѣка даютъ поразительныя свидѣтельства упорства, съ какимъ народный бытъ, въ особенности, сѣверный, хранитъ свою истинную, существенную, внутреннюю старину, вопреки тому, что русскій людъ, — вообще то переимчивый даже до излишества, — умѣетъ ловко пользоваться выгодными культурными новшествами и до пошлости легко пріемлетъ и усваиваетъ себѣ ихъ внѣшнія формы и нормы.

3.

Ерга впадаетъ въ Сухону съ лѣваго берега. Ерогоцкая волость занимала уголъ ея впаденія. Теперь Ерга незначительная рѣчка, хотя намѣчаемая на картахъ новѣйшихъ

географическихъ атласовъ (напр. Никитина, Петри), но безъ названія. Допетровская старина оказывала ей больше почета. Тогда Ерга была извѣстна иностранцамъ и довольно правильно обозначалась на ихъ картахъ.

Въ 4-мъ томѣ огромнаго атласа Goudeville'а (1735) Россія представлена четырьмя картами. Двѣ старше Петербурга, потому что его на нихъ еще нѣтъ; одна ему современна, потому что онъ намѣченъ на ней невѣрно — двумя островками въ Финскомъ заливѣ, далеко отъ устья Невы, приблизительно противъ Петергофа, и съ пояснительною подписью: „Petersbourg. Ville bâtie par le czar". Четвертая карта ставитъ Петербургъ уже на должное мѣсто, но за то она наиболѣе фантастична въ обозначеніяхъ сѣверовосточной окраины. Возникновеніе Петербурга и открытіе балтійскаго пути въ Россію упразднило интересъ иностранцевъ къ пути бѣломорско-двинскому, и, очевидно, онъ, за ненадобностью для коммерсантовъ, быстро пришелъ въ забвеніе. На этой картѣ уже нѣтъ Устюга Великаго, область его показана подъ сплошнымъ лѣсомъ, теченія Сухоны, Юга и даже Сѣверной Двины намѣчены совершенно произвольно. Напротивъ, старѣйшія карты, хотя, въ общемъ, являются не болѣе, какъ нѣсколько дополненными варіантами знаменитой карты Герберштейна, очень внимательны къ Двинской рѣчной системѣ. Называютъ поименно многія, орошаемыя ею, волости, а истокъ р. Юга снабжаютъ примѣчаніемъ, цѣликомъ выписаннымъ изъ Герберштейна:

„Le Chemin de Moscou á Viatka par Costroma et Galicz est plus court que celui qui passe par Oustioug mais il est tres incommode à cause des Marais qu'il faut passer, et des Czeremis, les Peuples Idolatres qui y font des Courses".

(Дорога изъ Москвы въ Вятку на Кострому и Галичъ короче, чѣмъ черезъ Устюгъ, но очень неудобна по причинѣ болотъ, которыя надо проходить, а также изъ-за черемисовъ, идолопоклонническаго народа, дѣлающаго набѣги въ тѣхъ мѣстахъ).

Допетровскія карты отодвигаютъ дѣвственные лѣса отъ Устюга довольно далеко на сѣверозападъ, востокъ и сѣверовостокъ. Ерга-рѣка (Jorga Rio) бѣжитъ къ Сухонѣ

изъ Важскихъ лѣсовъ почти выпрямленною змѣйкою, чуть съ уклономъ къ сѣверу, по бѣлому полю. Бѣлизна эта свидѣтельствуетъ, конечно, не о безлѣсности, но лишь о томъ, что лѣса по Ергѣ уже не дѣвственная „тайбола“: они изслѣдованы, въ нихъ имѣются селенія, въ нихъ „топоръ и соха ходили“.

Значитъ ли это, что Ерогоцкая волость и Устюжскій уѣздъ, которому она принадлежала, могли почитаться сколько нибудь культурными? Нѣтъ, они стали только „жилыми“. Испещрились „починками на лѣсѣхъ“, то есть зародышами будущихъ деревень, погостовъ, селъ и даже городковъ, вродѣ Сосновца, возникшаго изъ крѣпостцы, сооруженной и содержавшейся за счетъ четырехъ сосѣднихъ волостей, которыя выбирали и завѣдующаго ею коменданта, „городчика“. (Богосл. 129). Уже самое имя Сосновца показываетъ происхожденіе городка, поставленнаго и срубленнаго въ сосновомъ бору изъ мѣстной кондовой сосны.

Для Герберштейна знакомство съ Московіей на востокъ пресѣкалось Вологдой. Дальше — гиблыя мѣста Заволочья, пустыня, гдѣ „путешественники не могутъ въ точности опредѣлять разстоянія по причинѣ частыхъ болотъ и извилистыхъ рѣкъ. Ибо, чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше встрѣчается непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ“. (Герб. — Ан. 121).

Въ Устюжской области, при Герберштейнѣ, еще господствовалъ звѣроловный бытъ, хотя уже нѣсколько поколебался и шелъ на убыль, такъ какъ истребилась лучшая добыча звѣроловов ъ — соболь. Вопросъ о мѣховой торговлѣ интересовалъ Герберштейна, онъ по этой части обстоятельно освѣдомленъ. „По сю сторону Устюга и Двинской области соболей находятъ весьма рѣдко, около же Печоры ихъ множество, и притомъ превосходнѣйшихъ“. (Тамъ же. 92). И собственно объ Устюжскомъ краѣ: „Соболей тамъ не много, да и тѣ не изъ отличныхъ; однако другіе мѣха находятся въ изобиліи, особенно мѣхъ черныхъ лисицъ“. (Тамъ же. 122). Раньше онъ упоминаетъ Устюгъ въ числѣ городовъ, поставляющихъ на Москву бѣличьи шкурки: „связками по 10 штукъ вмѣстѣ; въ каждой

связкѣ двѣ самыхъ лучшихъ, которыя называются личными (Litzschna), три и нѣсколько похуже—красны (Crasna), четыре покрасны; послѣдняя, называемая молочною (Moloischna), хуже всѣхъ. Каждая изъ этихъ связокъ продается по одной или по двѣ деньги. Изъ нихъ лучшія и отборныя купцы вывозятъ въ Германію и другія страны съ большою для себя выгодою". (Тамъ же. 93).

Земледѣліе на Устюгѣ, въ годы Герберштейна, едва зачиналось: „Хлѣба очень мало или и почти совсѣмъ нѣтъ; пищею служитъ рыба и дичь. Соль получается изъ области Двины".

Обрусѣніе развивалось, но инородческій элементъ преобладалъ: „У жителей свой языкъ, хотя они больше говорятъ по русски". (Тамъ же. 93). Это „больше", внушенное Герберштейну московскими собесѣдниками, подлежитъ сомнѣнію. Даже полтораста лѣтъ спустя (1695), сѣверовосточное крестьянство, заботясь о призрѣніи своихъ немощныхъ и убогихъ, просило московскую власть о разрѣшеніи строить мірскіе монастыри-богадѣльни мѣстнаго языка, ибо „на Русь итти многіе (желающіе постричься) русскаго языка не разумѣютъ: языкъ у насъ Пермской".

4.

Конечно, за 125 лѣтъ, отдѣляющихъ записки Герберштейна отъ повѣсти о Соломоніи, цивилизація Устюжскаго края должна была сдѣлать нѣкоторые успѣхи. Однако, не такіе, чтобы убрать отъ крестьянина лѣсъ со всѣми его чудами. Вспомнимъ, что въ XVII вѣкѣ, даже и въ гораздо болѣе культурныхъ областяхъ, деревня считалась уже безлѣсною, если строевой лѣсъ отстоялъ отъ нея болѣе десяти верстъ, дровяной же шелъ не въ счетъ.

Викторъ Гюго въ „Quatre-vingt-treize", живописуя Вандею, сдѣлалъ красивое противопоставленіе соціальной психологіи горцевъ и лѣсовиковъ. Горы развиваютъ въ своихъ обитателяхъ чувство независимости, духъ свободомыслія и свободолюбія, предпріимчивое вдохновеніе, подъемъ

личности къ новымъ исканіямъ,—словомъ, устремленіе человѣка ввысь. Наоборотъ, лѣсъ тянетъ своего жителя къ землѣ: воспитываетъ поколѣніе за поколѣніемъ въ недвижной рутинѣ бытового преданія, въ подчиненіи привычному авторитету, въ косномъ консерватизмѣ религіозномъ, общественномъ, политическомъ, экономическомъ. Обобщенія поэта болѣе эффектны, чѣмъ историчны, такъ какъ оба правила допускаютъ много исключеній, но нельзя не признать, что примѣръ русскаго суземнаго сѣверовостока оправдываетъ формулу Гюго.

Всѣ отрасли и развѣтвленія народнаго быта напитаны тамъ стойкимъ внутреннимъ консерватизмомъ, сквозящимъ, какъ несокрушимый вѣковой фундаментъ, изъ подъ всѣхъ наносимыхъ временемъ, новшествъ, перемѣнъ и переворотовъ. Въ концѣ XVII вѣка Устюжскій уѣздъ ознаменовалъ свою упорную привязанность къ дѣдовскому религіозному культу обильными „гарями“ самосожженцевъ старой вѣры. (Лопаревъ. 057, 058). А въ концѣ XIX вѣка историкъ русской общины открылъ въ Городищенской волости того же уѣзда „всѣ тѣ явленія, которыя происходили и въ волости-общинѣ XVI вѣка“. А именно: „Часть земель, отдѣленныхъ отъ деревень, принадлежитъ всей волости. Волостной землей пользуются по праву перваго захвата. Нерѣдко нѣсколько лицъ составляютъ товарищество для совокупной расчистки новины. Часть волостной земли сдается въ аренду крестьянамъ сосѣдней волости. Земли, находящіяся вблизи деревень, выдѣлены въ ихъ исключительное пользованіе и поступаютъ черезъ извѣстные сроки въ передѣлъ. Тѣ пожни, которыя было бы трудно раздѣлить уравнительно, скашиваются сообща всей деревней и продуктъ дѣлится между всѣми душами деревни. По мѣрѣ увеличенія населенія, деревни присоединяютъ къ своимъ полямъ ближнія дерюги (пахотные участки), наблюдая при этомъ, чтобы со времени захвата дерюги прошелъ такой срокъ, въ теченіе котораго захватившій могъ бы вознаградить себя за трудъ расчистки и унавоживанія. Здѣсь не рѣдки случаи, что два-три селенія соединяютъ вмѣстѣ свои пашни, пуская ихъ потомъ въ общій передѣлъ“. (П. А.

Соколовскій. Оч. ист. сельск. общ. на сѣверѣ Рос. — Якушкинъ. Обыч. Пр. III. 94).

Тамъ, гдѣ за триста лѣтъ, не шевельнулось съ мѣста важнѣйшее изъ имущественныхъ правъ, позволительно предположить съ большою вѣроятностью подобную же недвижность и народной психики, питаемой почвою столь устойчивыхъ отношеній. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ современномъ книгѣ Соколовскаго описаніи Потанина, Никольскій уѣздъ былъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ, царствомъ „опасныхъ“, какъ въ томъ краю зовутъ колдуновъ. Да и не далеко отъ того ушла и вся сѣверная лѣсная вологодчина. Четверть вѣка спустя (1899), Тенишевское этнографическое бюро, на свою фольклорную анкету, получило изъ Кадниковскаго уѣзда нижеслѣдующій отвѣтъ:

— „Оборотни бывали еще на нашей памяти, когда цѣлые свадебные поѣзда, прямо изъ за стола, колдуны пускали волками“.

5.

Деревенская свадьба — праздникъ „опаснаго“, центръ его дѣятельности и экзаменъ его знаній и могущества. Предполагается въ народѣ, что нѣтъ такой свадьбы, противъ которой не строили бы козней незримыя враждебныя силы. Самостоятельно онѣ подвигаются на то ненавистью къ роду человѣческому, стремясь препятствовать его размноженію, при чемъ христіанскій бракъ, освященный таинствомъ, имъ особенно несносенъ. Однако, самостоятельную иниціативу къ зловредному вмѣшательству въ свадьбу крещенныхъ жениха съ невѣстой нечистая сила проявляетъ крайне рѣдко. Обыкновенно она побуждается къ тому волею человѣческою, исходящею отъ какихъ либо недоброжелателей брачущейся четы и роднящихся семействъ.

Для того, чтобы злая воля человѣка вызвала злое дѣйствіе духовъ, нуженъ медіумъ, владѣющій тайною колдовскихъ заклинаній нечистой силы. Это и есть „опасный“. Въ его рукахъ, такимъ образомъ, находится великая власть, страшный произволъ—на выборъ,—погубить или помиловать

возникающую семью. Поэтому, какъ скоро затѣвается въ крестьянствѣ сватовство, одною изъ главнѣйшихъ заботъ становится оградить будущую свадьбу отъ вражды мѣстныхъ „опасныхъ“ и возможной отъ нихъ порчи.

Для этого задобриваютъ дарами и приглашеніемъ на свадебный пиръ всѣхъ въ околоткѣ, кто имѣетъ грозную репутацію колдуна или вѣдьмы. Но это еще недостаточная страховка. Подобные профессіоналы худо ладятъ между собою, соперничаютъ и, въ обществѣ, несносно мѣстничаютъ, состязаясь, кто изъ нихъ сильнѣе и больше „знаетъ“. Такимъ образомъ, сколько ни угождать, который нибудь „опасный“ непремѣнно будетъ обиженъ предпочтеніемъ, оказаннымъ другому; либо, наоборотъ,—что ему не вмѣстно принимать почетъ вровень съ менѣе сильнымъ колдуномъ. И т. п. Всѣхъ не удовольствуешь да и даровъ на всѣхъ не напасешься.

Поэтому всего чаще свадьба старается привлечь на свою сторону какого либо одного „опаснаго“, слывущаго особенно сильнымъ, — иногда съ подручными, которыхъ онъ посовѣтуетъ пригласить. Кланяются ему, чтобы принялъ молодыхъ подъ свою охрану. Тогда объ остальныхъ „опасныхъ“ можно не безпокоиться: если они и устроятъ какую нибудь пакость, то свой „опасный“ сейчасъ же ее обезвредитъ и обратитъ къ благу, а злоумышленнаго врага еще и накажетъ.

Многовѣковая традиція свадебной порчи выработала множество скверныхъ уловокъ и пріемовъ, направленныхъ къ тому, чтобы смутить и напугать брачущихся и ихъ родню. А потому, приглашаемые въ предупрежденіе колдовскихъ козней, „доки“, и въ самомъ дѣлѣ, оказываются, сверхъ ожиданія, далеко не безполезными. Зная по опыту множество ухищреній суевѣрнаго шарлатанства, они умѣютъ предупреждать многія мнимо-волшебныя штуки, въ существѣ очень простыя и натуральныя, но которыхъ секретъ не-спеціалисту сихъ дѣлъ никогда не придетъ въ голову.

Напримѣръ: обычный способъ колдовской помѣхи свадьбы — задержка свадебнаго поѣзда на пути въ церковь. Поэтому благодѣтельный „опасный“ начинаетъ свою охра-

нительную роль волхвованіемъ надъ лошадьми, предназначенными везти жениха и невѣсту къ вѣнцу. Въ дѣйствительности, онъ просто тщательнѣйше изслѣдуетъ сбрую и, въ особенности, хомутъ: не всунуто ли недоброхотами репейника или другой колючки, почувствовавъ которую на бѣгу, лошадь непремѣнно закинется, взбѣсится и понесетъ. Удалена эта опасность. Свадебный поѣздъ двинулся благополучно. Тѣмъ не менѣе, лошади въ повозкѣ жениха съ невѣстою вдругъ, ни съ того, ни съ сего, остановились и — ни съ мѣста, храпятъ, всѣ въ мылѣ. Поѣзжанъ охватываетъ ужасъ: очевидно, бѣсовское дѣйство! Но „опасный" знаетъ, какъ оно мастерится. Внимательно оглядѣвъ дорогу, онъ удаляетъ съ нея клокъ волчьей шерсти или щепку, вымазанную волчьимъ саломъ, и лошади, переставъ чуять пугающій запахъ дикаго звѣря, спокойно идутъ дальше.

Есть еще колдовская мерзость: отравлять свадьбы посредствомъ „химической обструкціи". Свадебная горница наполняется, вдругъ, безпричиннымъ смрадомъ, котораго не выдерживаетъ даже не весьма тонкое мужицкое обоняніе, — зажми носъ и бѣги вонъ. Ясно, что, кромѣ нечистаго, некому напустить подобнаго духа. Но „опасный" охранитель не зѣваетъ. Идетъ къ печкѣ и, найдя на загнеткѣ какой нибудь зловонный порошокъ или травы, убираетъ ихъ прочь и быстро прекращаетъ вонючій чадъ.

Такихъ, якобы колдовскихъ, фокусовъ на деревенскихъ свадьбахъ производится безчисленное множество. Часто авторами волшебныхъ угрозъ оказываются тѣ же самые „опасные", которые отъ нихъ охраняютъ, — въ видахъ поддержанія своего авторитета и престижа: втихомолку подстроитъ бѣсовскую штуку, а всѣмъ воочію ее заклянетъ и прекратитъ.

Но наибольшая услуга, ожидаемая отъ „опаснаго"-покровителя, выражается въ охранѣ молодой четы отъ порчи и сглазу вообще, а наипаче отъ ущербленія ихъ половыхъ способностей. Эта порча производится, большею частью, во время свадебнаго столованія, посредствомъ наговора на различныхъ кушаньяхъ и напиткахъ, а также заочнымъ насланіемъ. Но существуютъ для нея и нѣкото-

рые специальные приемы. Напримѣръ, въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, чтобы сдѣлать молодого неспособнымъ къ супружескому акту, выслѣживаютъ его во дворѣ, когда онъ вечеромъ послѣ свадьбы пойдетъ до вѣтру, и на томъ мѣстѣ, гдѣ помочится, втыкаютъ въ землю булавку. (Поповъ. Нар. быт. мед. 33).

Вообще, эти два физіологическія отправленія, мочевое и половое, ставятся народнымъ воображеніемъ въ тѣсную зависимость одно отъ другого. Половое безсиліе мужчины во многихъ мѣстностяхъ приписывается какому нибудь колдовству, произведенному надъ его мочею. Вѣроятно, этимъ объясняется странный свадебный обычай слободы Коропъ (Черниговской губ. на Деснѣ), въ быту которой много стародавнихъ курьезовъ живуче сохранилось до весьма недавняго времени, а кое что, можетъ быть, еще уцѣлѣло и теперь. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ Коропѣ молодыхъ, на всю свадебную ночь, наглухо запирали въ клѣти и не выпускали до утра ни въ коемъ случаѣ, какая бы ни была нужда.

Повѣрье, что выйти изъ свадебной клѣти значитъ прямо напрашиваться на бѣду отъ враждебныхъ чаръ, которыя неминуемо настигнутъ либо вышедшаго супруга, либо оставшагося, отмѣчено и сказочнымъ эпосомъ. Попова дочь Аленушка (Аѳ. Нар. Р. Ск. № 199), насильно обвѣнчанная съ глупымъ разбойникомъ, говоритъ мужу въ брачную ночь: „Пусти меня на дворъ—я простужусь“.— „А ну какъ наши то услышатъ?“ — „Я потихонечку; пусти хоть въ окошко“. — „Я бы пустилъ, а ну какъ ты уйдешь?“ — „Да ты привяжи меня; у меня есть славный холстъ, отъ матушки достался, обвяжи меня холстомъ и выпусти, а когда потянешь — я опять влѣзу въ окно“. Дурачекъ обвязалъ ее холстомъ. Вотъ она это спустилась, поскорѣй отвязалась, а замѣсто себя привязала за рога козу, и немного погодя говоритъ: „Тащи меня!“ — а сама убѣжала. Дурачекъ потащилъ, а коза — мекеке! мекеке! „Что ты мекекекаешь? говоритъ молодой, наши услышатъ, сейчасъ же тебя изгубятъ“. Притащилъ, хвать, — а за холстъ привязана коза. Дурачекъ испугался и не знаетъ, что дѣ-

лать"... Дальнѣйшій ходъ сказки двоится. Въ однихъ варіантахъ разбойники догадываются, что плѣнница провела ихъ, и пускаются въ погоню. Въ другихъ — убѣждаются, что кто-то, по злобѣ къ нимъ, обернулъ молодуху козою и начинаютъ хлопотать объ ея обратномъ превращеніи, въ то время, какъ Аленушка счастливо возвращается домой. Есть подобная же валахская сказка о бѣгствѣ царевны-дочери отъ царя-отца, который на ней беззаконно женился.

6.

Церковь, если не поддерживала суевѣрій свадебной порчи, то и не разрушала ихъ. Читая житіе св. Макарія Египетскаго, русскій грамотѣй находилъ въ немъ эпизодъ молодицы, обращенной въ кобылу чародѣйствомъ отвергнутаго искателя ея руки. Правда, Макарій, когда привели къ нему эту злополучную, разъяснилъ, что очарована не она, но глаза окружающихъ, которые видятъ въ ней кобылу, тогда какъ она остается женщиной, но это лишь поправка къ пониманію порчи, а не отрицаніе факта. Не вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ и допускать недѣйствительность упорно видимаго не въ средствахъ прямолинейнаго міровозрѣнія простецовъ.

Смутная идея о мірѣ, какъ представленіи, и о возможности, подъ волевымъ давленіемъ, переживать несуществующее, какъ существующее, не чужда сознанію русскаго народа. О томъ свидѣтельствуютъ многочисленные анекдоты и цѣлыя сказки о „морокѣ", т. е. гипнотическомъ внушеніи, заставляющемъ человѣка терять природную личность, упразднять границы времени и пространства. Но одною стороною души русскій человѣкъ глубокій мистикъ, а другою столько же крѣпкій реалистъ. Поэтому, встрѣчаясь съ загадкою фантастическаго явленія, онъ всегда предпочитаетъ отгадывать ее скорѣе допущеніемъ фантастическаго акта, чѣмъ галлюцинаціей, то есть лучше предположительнымъ чудеснымъ бытіемъ, чѣмъ, въ обманѣ чувствъ, небытіемъ вовсе.

Въ точномъ согласіи съ повѣрьями, свадебная порча

Соломоніи Бѣсноватой обнаружилась также въ то время, когда ея мужъ „восхотѣ отъ ложа изыти тѣлесныя ради нужды“ и оставилъ свою молодую одну въ клѣти.

Результатами свадебной порчи, кромѣ главнаго и наиболѣе частаго, — полового безсилія мужчины, — бываютъ: безплодіе, кликушество и „припадки“ женщины, а также и непреодолимое физическое отвращеніе молодухи къ мужу. „Отворожили другъ отъ друга“, такъ просто опредѣляютъ это непріязненное состояніе новобрачныхъ въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Въ бѣснованіи Соломоніи имѣлись на лицо всѣ сказанныя явленія. Иногда, въ противоположность половому безсилію мужчины и отвращенію женщины, порча насылаетъ на молодого пріапизмъ, на молодуху нимфоманію. (Поповъ. Нар. быт. мед. 34). Такъ вѣрятъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Новгородской губ., весьма однородномъ съ мѣстомъ дѣйствія нашей повѣсти. Припадки бѣсноватой Соломоніи, съ ежедневнымъ, кромѣ великихъ праздниковъ, изнасилываніемъ ея пятьюшестью чертями, приходившими въ видѣ прекрасныхъ юношей, не были лишены и этого — нимфоманическаго — оттѣнка.

Изъ данныхъ соображеній и примѣровъ достаточно ясно, почему на крестьяскихъ свадьбахъ колдунъ самый необходимый и почетный гость. Ему подносится первая чарка. Если свадьба прошла благополучно, ему за честную охрану обряда, сверхъ заранѣе условленнаго денежнаго гонорара, дѣлаютъ щедрые подарки, обыкновенно холстомъ и полотенцами, расшитыми въ узоръ, но не крестиками, — въ уваженіе знатья „опаснаго“ съ нечистою силою. Свадьба, не обезпеченная защитою сильнаго „доки“, получаетъ характеръ какъ бы авантюры на панъ или пропалъ, подверженной всевозможнымъ непріятнымъ случайностямъ. Какъ по обрядовому невѣжеству роднящихся, легкомысленно упускающему изъ вида множество спасительныхъ суевѣрій, такъ и, въ особенности, по злому умыслу лихихъ людей. А изъ нихъ, всего болѣе — самого колдуна, разобиженнаго тѣмъ, что его не пригласили на свадьбу, оставили безъ угощенія, почета и даровъ.

Свадьба Соломонiи, по всей вѣроятности, совершилась именно въ такомъ несчастномъ, не защищенномъ отъ чаръ, порядкѣ. Соломонiя была попова дочь, а попъ колдуну прямой врагъ. Если не всегда дѣйствительный, то всегда оффицiальный. Въ захолустьяхъ, подобныхъ Устюжскому уѣзду XVII вѣка, антагонизмъ жрецовъ бѣлой вѣры съ жрецами вѣры черной часто бывалъ больше показнымъ, чѣмъ ярымъ. Невѣжественные попы двоевѣрствовали и, какъ говорятъ въ Сибири „пришаманивали" не лучше своихъ темныхъ прихожанъ. Но, во всякомъ случаѣ, выдавая дочь замужъ, ерогоцкiй попъ Дмитрiй едва ли могъ открыто пригласить на веселье мѣстнаго „опаснаго" и воздавать ему, попу бѣсовскому, привычный первый почетъ. Слѣдовательно, тѣмъ легче было на свадьбѣ Соломонiи ожидать порчи и бѣсовскаго навожденiя, тѣмъ больше было подготовлено къ недоброму исходу воображенiе суевѣрной среды.

7.

Берега Сухоны и Юга были послѣднимъ этапомъ финнскаго заселенiя, въ послѣдовательномъ оттѣсненiи его русскою колонизацiей отъ Оки и верхней Волги къ Уралу и Ледовитому океану. Здѣсь „Чудь" волею-неволею должна была принять культуру Новгорода и Москвы, потому что бороться съ ихъ напоромъ она не умѣла, а отступать передъ нимъ дальше стало уже некуда — кромѣ какъ въ тайболу, въ „Камень" и въ тундру.

Чудь была поглощена Русью, но и Русь не могла проглотить такую громадную инородческую величину безъ рѣшительныхъ послѣдствiй для своего собственнаго организма. Великоруссъ даже и въ центрѣ Россiи, какъ физически, такъ морально, славянофиннскiй метисъ. Чѣмъ дальше углубляемся мы въ сѣверовосточный уголъ территорiи, тѣмъ ярче сказывается метисизацiя расы. Антропологически, финнская примѣсь очень уклонила типъ великорусса отъ общеславянскихъ чертъ. Фонетически снабдила русскiй

языкъ акающими говорами, настолько побѣдоносными, что съ теченіемъ времени наилучшимъ и правильнѣйшимъ русскимъ нарѣчіемъ стало почитаться московское, въ сущности, наиболѣе удалившееся отъ древняго славянорусскаго произношенія. Религіозно — широкимъ потокомъ перелила въ русскую душу демоническую миѳологію финновъ, напитанную стихійнымъ дуализмомъ.

Извѣстна великолѣпная поправка Ключевскаго къ мѣткому выраженію Ѳеодосія Печерскаго о современникахъ своихъ, русскихъ XI вѣка, недавно окрещенныхъ язычниковъ и очень шаткихъ христіанъ. Неопредѣленное религіозное состояніе ихъ преподобный опредѣлилъ двоевѣріемъ. Ѳеодосій былъ югоруссъ и говорилъ объ югоруссахъ. „Но, — замѣчаетъ Ключевскій, — если бы онъ увидѣлъ, какъ потомъ къ христіанству прививалось вмѣстѣ съ язычествомъ русскимъ еще чудское, онъ, можетъ быть, назвалъ бы столь пестрое религіозное сознаніе троевѣріемъ". (Кл. К. I. 381).

Религіозное устремленіе финно-тюрковъ, т. е. былой Чуди, было всегда направлено къ эклектизму, мѣшая вѣрность преданію старины съ желаніемъ новшества. Религіозный идеалъ финно-тюрка — пріять видимо прогрессивное чужое начало, сохранивъ, по возможности, еще не отжившее свое. Поэтому финны плохо поддавались религіямъ безусловно повелительной требовательности, не знающей компромиссовъ: исламу, іудаизму, римскому католицизму, православію въ византійскомъ періодѣ. Напротивъ, они легко уступали побѣду религіямъ, не связывающимъ свободу мысли, какъ протестантизмъ, съ его пестрымъ диссидентствомъ, и религіямъ, которыя, настаивая на обрядѣ, мало вмѣшиваются во внутреннюю жизнь души. Таково и было дреднее православіе, чрезъ то самое расколовшееся въ концѣ концовъ на неисчислимыя секты и толки пуще „Люторской вѣры".

Взаимная податливость русскаго христіанства и финскаго язычества наиболѣе содѣйствовала сліянію славо-чуди и переработкѣ ея въ великорусское племя. Но она же устроила въ великорусскомъ племени ту великую рели-

гіозную „путаницу“ (какъ выразился Ключевскій), которая, въ темныхъ слояхъ великорусскаго народа, стирала, до едва различимости, границу между религіей Христова имени и магіей во имя шайтана.

Русскій славо-чудской сѣверъ переживалъ XVII вѣкъ въ очень странномъ религіозномъ состояніи. Никогда и нигдѣ не была такъ сильна на Руси православная набожность и никогда и нигдѣ не была она столь густо пропитана язычествомъ. Срединное православное (старой или Никоновой церкви) обывательство держалось преимущественно въ городахъ и, такъ какъ страна была деревенская, то, значитъ представляло собою меньшинство. Оно бурно колыхалось подъ дуновеніемъ совершавшейся на Москвѣ церковной революціи, однако, состояніе его можно назвать умѣреннымъ въ сравненіи съ духовнымъ хаосомъ деревенскаго большинства.

Какъ скоро тогдашній путникъ, оставивъ за собою Великій Устюгъ, Хлыновъ, Тотьму, Соль Вычегодскую, переставалъ видѣть, изъ-за лѣса, главы соборовъ и монастырей, его охватывалъ міръ дикой религіозной неразберихи. На пути своемъ онъ встрѣчалъ язычниковъ, которые, однако, были христіанами больше крещеныхъ христіанъ: держали въ домахъ иконы святыхъ, жгли передъ ними свѣчи, теплили лампады, справляли православные праздники, принимали и дѣтямъ своимъ давали христіанскія имена; въ распряхъ своихъ обращались къ посредничеству православнаго духовенства и къ суду мѣстныхъ епископовъ; дѣлали вклады въ монастыри съ условіемъ, что, буде, молъ я крещусь и захочу постричься, то монастырь обязанъ меня принять и постричь. (Ключ. к. I.).

А рядомъ жили христіане, которые считали и звали себя православными, но едва умѣли лобъ перекрестить, хотя до смертнаго боя спорили между собою, надо ли креститься двумя перстами или тремя. Слыхали что то про Троицу, но думали, что въ ней четыре лица, и главное изъ нихъ — Микола Чудотворецъ. Живя за десятки верстъ отъ церкви, не только никогда въ ней не бывали, но никогда ея не видали. Молились „пенью да и то съ лѣнью“,

кланялись въ красномъ углу избы закоптѣлымъ Спасу и Богородицѣ, а въ сузёмѣ „Праведному Лѣсу“, т. е. лѣшему, и, вырывъ въ полѣ древній чудской болванчикъ съ рогами, благоговѣйно ставили его въ божницу рядомъ съ иконами. Не умѣли затвердить „Отчу“, но изумительно крѣпко держали въ памяти безчисленныя самодѣльныя молитвы-заговоры, въ которыхъ, фантастическою окрошкою, смѣшались христіанскіе святые, древніе славо-чудскіе боги, черти, стихійные духи, покойники, предметные фетиши, а Дѣва Марія превращалась то въ Мать Сыру Землю, то въ звѣздное небо, то въ Царицу Молонью, то въ Змѣю Марею. Не имѣли понятія объ евангеліи и священномъ писаніи, но заучивали на слухъ Сонъ Богородицы, Двѣнадцать пятницъ и „отреченныя басни болгарскаго попа Богумила“, а Псалтырь почитали гадательною книгою, въ которую грамотѣй ткнетъ пальцемъ, — она правду скажетъ.

Отъ наѣзжающаго разъ въ годъ, а то и рѣже, попа эти православные разбѣгались прятаться въ лѣса, какъ отъ опаснаго колдуна: сглазитъ! Либо самъ попъ терялся, что ему дѣлать съ дикарскою семьею, перепутавшею, въ своемъ первобытномъ строѣ, всѣ отношенія родства и свойства и перевернувшею вверхъ дномъ Кормчую. Въ брачной четѣ ему часто приходилось сперва окрестить жениха либо невѣсту, потомъ повѣнчать ихъ и окрестить прижитыхъ ими добрачно дѣтей. Не видя знакомыхъ по прежнимъ пріѣздамъ стариковъ и старухъ, попъ спрашивалъ: „гдѣ дѣдъ? гдѣ бабка?“ и слышалъ простодушный отвѣтъ: „въ лѣсу зарыли“. И, когда шелъ отпѣть ихъ, часто находилъ на могилахъ воткнутый осиновый колъ, чтобы покойники не вставали изъ земли и не скитались по ночамъ кровопійцами-упырями.

Обѣ стороны этого удивительнаго міра, и христіанствующіе язычники, и язычествующіе христіане, были глубоко религіозны по природѣ и страстно жаждали религіознаго озаренія, пріобщенія къ смутно чаемому религіозному познанію. Но, когда носитель таковаго, интеллигентъ XVII вѣка, благочестивый начетчикъ, проникалъ въ эту сумбурную гущу, онъ оказывался ей не въ помощь, а въ новую

погибель. Будучи самъ глубокимъ пессимистомъ и ненавистникомъ живого міра, онъ не умѣлъ преподать ничего кромѣ аскетическаго экстаза, въ которомъ уживались рядомъ, эпидемически захватывая массы, самосожженіе и свальный грѣхъ. Владѣли сѣвернымъ народомъ пополамъ старецъ Капитонъ и богъ Ярила и то и дѣло одинъ превращался въ другого.

Это былъ одинъ полюсъ. А на другомъ нарождался, какъ плодъ усталости отъ религіознаго сумбура, первобытный нигилизмъ, упразднявшій въ ненадобность всякую вѣру. Любознательный Олеарій вздумалъ распросить обрусѣлаго черемиса, кто, по его мнѣнію, сотворилъ небо и землю. Черемисъ расхохотался и возразилъ:

— А чортъ ихъ знаетъ!

Но, такъ какъ даже этотъ веселый нигилистъ, столь равнодушный къ вопросамъ мірозданія, всетаки, допускалъ существованіе черта, который кое что знаетъ, то, — въ мысляхъ и страхахъ XVII вѣка, — древніе чудскіе боги „черни, крилати и хвосты имуще“ возъимѣли значеніе и популярность, едва ли не большія, чѣмъ въ XI вѣкѣ — въ дни наивной катехизаторской полемики Яна Вышатича съ ростовскими волхвами. Бѣсъ и его полуповелитель, полуслуга, колдунъ чувствовали себя полными хозяевами въ лѣсномъ сумракѣ обрусѣлаго славо-чудскаго края.

Не только въ XVII столѣтіи, но и до конца XIX сѣверянинъ не успѣлъ разстаться съ наслѣдіями своего чудскаго прошлаго, какъ въ крови, такъ и въ бытѣ и вѣрованіяхъ. Объязычилъ онъ и самое христіанство свое—тѣмъ легче, что оно пришло къ нему въ формѣ внѣшней, смутной и безтолковой. Несли его сюда, за рѣдкими исключеніями, люди, почти столько же невѣжественные въ проповѣдуемой и насаждаемой ими вѣрѣ, какъ и врученная ихъ духовному руководительству паства „новокрещеновъ“ — инородцевъ и финно-русскихъ метисовъ.

III

Между православіемъ и волшбою.

1.

На протяженіи „Повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи“ предъ нами проходитъ довольно длинная вереница лицъ духовнаго званія, прямо или косвенно характерныхъ для состоянія сословія въ провинціальныхъ условіяхъ Россіи XVII вѣка.

1. Родитель Соломоніи, о. Димитрій, священникъ приходскаго храма Пресвятыя Богородицы въ Ерогоцкой волости Устюжскаго уѣзда, впослѣдствіи монахъ Діонисій въ Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ подъ Великимъ Устюгомъ. При немъ жена Улита и сынъ Андрей.

2. Неизвѣстный грамотѣй, записавшій повѣсть со словъ Соломоніи и попа Дмитрія, — несомнѣнный церковникъ, весьма охочій щеголять своею начитанностью отъ Священнаго Писанія, что особенно выпукло выступаетъ на видъ въ Буслаевскомъ спискѣ повѣсти.

3. Устюжской соборной церкви Пресвятыя Богородицы священникъ Никита и протодьяконъ Димитрій, неудачные заклинатели засѣвшихъ въ Соломонію бѣсовъ. Духовныя лица этихъ именъ дѣйствительно имѣлись въ устюжскомъ соборномъ клирѣ той эпохи. Отъ протодьякона Дмитрія сохранилась интереснѣйшая переписка его съ устюжскимъ соборнымъ протопопомъ изъ Москвы, куда протодьяконъ

былъ посыланъ ходатаемъ по мѣстнымъ церковнымъ нуждамъ и тяжбамъ.

4. Устюжскій соборный же священникъ Симеонъ, духовникъ Соломоніи.

5. Весь устюжскій „освященный соборъ: Архангельскаго монастыря архимандритъ Арсеній да соборныя церкви протопопъ Владиміръ съ братіею".

6. Лицо, не появляющееся на сцену повѣсти и лишь упоминаемое, но, по существу, самое для нея важное изъ всѣхъ сказанныхъ духовныхъ лицъ, такъ какъ причинное въ бѣснованіи Соломоніи: попъ, который крестилъ ее, будучи пьянъ, и половины крещенія не исполнилъ.

Никто изъ перечисленнаго духовенства ни на минуту не усумнился въ истинѣ бредовыхъ разсказовъ Соломоніи и въ бѣсовскомъ происхожденіи ея недуга. Это въ XVII вѣкѣ, конечно, не могло считаться признакомъ невѣжества. Западная Европа вѣрила въ бѣсноватость гораздо больше, тверже и опаснѣе, чѣмъ Московія. Разработавъ вопросъ объ одержимости съ совершенною казуистическою тонкостью, она боролась съ бѣсомъ въ человѣкѣ средствами не медицинскими, но религіозными, въ союзѣ съ судебно-юридическими. Болѣе того: бѣсноватая Соломонія могла бы, по праву и съ полнымъ основаніемъ, благодарить свою судьбу за то, что родилась она въ медвѣжьемъ углу Ерогоцкой волости, за 42 поприща отъ Устюга Великаго, а не въ какомъ либо просвѣщенномъ центрѣ тогдашней Европы.

Можно утверждать съ совершенной увѣренностью, что ни католическое, ни протестантское благочестіе не позволило бы бѣсноватой, столь опредѣленно и откровенно близкой къ сатанѣ, бродить цѣлою и невредимою на свободѣ впродолженіи одинадцати лѣтъ и пяти мѣсяцевъ, какъ терпѣли Соломонію Ерогоцкая волость и Устюгъ Великій. Въ 1670 г., значитъ, десятью годами позже того, какъ Соломоніей овладѣли бѣсы, въ протестантской Швеціи въ графствѣ Эльодаленъ сожгли на кострѣ, въ одинъ пріемъ, не больше, ни меньше, какъ 85 такихъ же Соломоній, обвиненныхъ въ такихъ же сношеніяхъ съ бѣсомъ и съ полной готовностью въ нихъ сознавшихся. А въ католи-

ческой Франціи, въ томъ же году, Руанскій парламентъ энергически протестовалъ противъ помилованія юнымъ королемъ Людовикомъ XIV семнадцати полоумныхъ изъ La Haye Dupuis, приговоренныхъ къ смертной казни за колдовство и участіе въ сатанинскихъ шабашахъ.

То обстоятельство, что въ Московіи, хотя и вспыхивали костры для демономановъ и демономанокъ, но никогда ни даже въ сотую долю того эпидемическаго количества, какъ въ западной Европѣ XV—XVII вв., надо приписать, — какъ ни странно, какъ ни парадоксально прозвучатъ эти слова, тогдашнему русскому невѣжеству. Изучая исторію европейской борьбы съ волшебствомъ, теперь уже никакъ нельзя ссылаться на старое, XVIII-мъ вѣкомъ выработанное, положеніе, будто она, со всѣми ужасами вѣдовскихъ процессовъ, была плодомъ „средневѣковаго мрака“ и свирѣпости дико невѣжественныхъ монаховъ. Во первыхъ, острѣйшій періодъ ея падаетъ совсѣмъ не на средніе вѣка, знакомые съ нею очень мало, а на позднее Возрожденіе и Реформацію. Во вторыхъ, руководили ею и разрабатывали ее законодательно и юридически, совсѣмъ не невѣжды и монастырскіе отупѣлые затворники, а умнѣйшіе и образованнѣйшіе люди эпохи, включая Мартина Лютера, Пико де ла Мирандола, Меланхтона и др.

Вѣдовскіе процессы были дѣломъ не прямолинейнаго народнаго суевѣрія, но сбившейся съ пути, чрезъ неправильныя посылки, теологической интеллигенціи, которая, чѣмъ болѣе была учена, богата эрудиціей, искусна въ логической діалектикѣ, тѣмъ къ ужаснѣйшимъ выводамъ приходила и, клинъ клиномъ вышибая, ужаснѣйшія мѣры предлагала. Къ великому счастію Московіи, ей именно, по пословицѣ, „несчастье помогло“. Низкій уровень ея образованности не позволилъ появиться и утвердиться въ ней породѣ и школѣ теологовъ-юристовъ, содѣйствовавшихъ оправданію и развитію этой страшной эпидеміи детальнѣйшимъ анализомъ и изящной систематизаціей демономанической преступности: вродѣ хотя бы того ужаснаго руководства, которое не погнушался составить столь замѣча-

тельный и яркаго, передового ума мыслитель, какъ Ж. Боденъ Анжерскій.

Опасность, что на Руси начнется преслѣдованіе магіи по научнымъ методамъ Запада, явилась только съ реформою Петра Великаго. Въ 1706 г. въ учебную программу Московской Славяно-греко-латинской академіи былъ введенъ спеціальный курсъ „О договорахъ съ дьяволомъ“. Онъ читался на латинскомъ языкѣ и представлялъ собою сколокъ съ протестантскихъ контръ-магическихъ руководствъ (Б. Карпцова и др.). Но было уже поздно. Въ самой Европѣ и магія умирала, и костры контръ-магіи догорали. Русская переимчивость не подобрала ихъ зловоннаго пепла, а, перескочивъ черезъ него, пошла за отрицательными философскими новшествами „Вѣка Разума“.

Русскіе вѣдовскіе процессы XVII—XVIII в. рѣдки и низменно жалки; западный юристъ-демонологъ отвернулся бы съ презрѣніемъ отъ этихъ неуклюжихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о сиволапости и судимыхъ, и судей. Вскорѣ они и вовсе прекратились, сданные въ архивъ, какъ непозволительная ветошь, и русское волшебство осталось уже всецѣло и навсегда въ вѣдѣніи именно религіозно-бытовой пережиточной сиволапости. Она же, хотя, по временамъ, и не прочь бывала отъ крутыхъ самосудовъ, но, въ общемъ, оказалась и болѣе здравомысленною, и болѣе гуманною, и несравненно меньше убійства и мучительства внесла въ жизнь человѣчества, чѣмъ изощренное усердіе европейскихъ эрудитовъ во всеоружіи богословской догматики и юридической діалектики.

2.

Повѣсть о Соломоніи не даетъ никакихъ основаній къ высокому мнѣнію объ интеллигентности упоминаемаго въ ней городского духовенства. Напротивъ, даетъ намеки, для него не очень то лестные. Представитель же сельскаго духовенства, ерогоцкій попъ Дмитрій, по всей вѣроятности, очень сожалѣлъ и сокрушался, что іерейскій санъ не позволилъ ему поставить свадьбу дочери подъ охрану мѣ-

стнаго „спаснаго“, какъ то сдѣлалъ бы любой его прихожанинъ. Потому что въ дальнѣйшемъ развитіи повѣсти попъ Дмитрій типическій двоевѣръ. Истинный сынъ того вѣка, когда, по удачному выраженію Щапова, „великорусское, чудско-славянское кудесничество и шаманство стало все болѣе и болѣе преобразовываться въ секту волшебно-расколоучительную, шаманско-пророческую“. Я только расширилъ бы здѣсь слово „расколоучительную“ въ „церковноучительную“, потому что это двоевѣрное священство-жречество отнюдь не ограничивалось кругомъ раскола.

Священникъ XVI и XVII вв. въ лѣсныхъ и озерно-рѣчныхъ мѣстностяхъ русскаго сѣвера, конечно, вѣрилъ въ божественную благодать, дарованную ему по силѣ рукоположенія въ санъ. Но не менѣе того онъ вѣрилъ въ противо-благодать волхва, который цѣною своей души, закабаленной дьяволу, купилъ возможность напущать на людей злобу лѣшихъ, водяныхъ и всякія бѣсовскія чары. И, втайнѣ, про себя, взвѣшивая двѣ благодати, иной священникъ, по совѣсти, не очень-то былъ увѣренъ, которая изъ двухъ сильнѣе. Мы увидимъ, какъ попъ Дмитрій осѣкся на священнодѣйственномъ заклинаніи бѣсовъ, терзавшихъ его дочь. А потомъ онъ былъ свидѣтелемъ такой же осѣчки у заклинателей изъ устюжскаго соборнаго духовенства. Бѣсы ихъ мало, что не послушали, но еще обругали и высмѣяли. Получалось, слѣдовательно, такое впечатлѣніе, что одна благодать хороша, а двѣ лучше: вотъ, если бы обѣ соединить, чтобы обѣими дѣйствовать, глядя по случаю!

И вотъ — было волхвующее духовенство и, обратно, были волхвы, старавшіеся прицѣпиться какъ нибудь бочкомъ къ церковному авторитету. Живую картину такого полуволхва, полуцерковника рисуетъ житіе св. Никиты Переяславскаго. Крестьянинъ промышлялъ въ своемъ селѣ ворожбою. Потомъ постригся въ монахи и пономарствовалъ въ монастырѣ св. Никиты. Но тайно продолжалъ колдовать. Богомольцевъ, приходившихъ въ монастырь искать исцѣленія болѣзнямъ, волхвъ-пономарь переманивалъ, говоря: — „Что понапрасну тратитесь? Приходите лучше ко

м..ѣ. Когда я еще въ міру жилъ, многія болѣзни врачевалъ, нечистыхъ духовъ своимъ волшебствомъ прогонялъ, не только человѣкамъ, но и скотамъ помогалъ".

Одиннадцатый царскій вопросъ пятой главы „Стоглава", нападая на „безчинія у проскурницъ", отмѣчаетъ, какъ повсемѣстное и постоянное явленіе, волхвующее соглашеніе между просвирнями и священниками. Благочестивые де люди даютъ просвирнямъ деньги на просвиры за здравіе или за упокой, а „она спроситъ имя о здравіи, да надъ проскурою сами приговариваютъ, якоже арбуи въ Чюди; и за упокой также мертвыхъ имянъ спрашиваютъ. А тѣ проскуры попу даетъ, а попъ людемъ дастъ, и къ себѣ относятъ, а на жертвенницехъ тѣхъ проскуръ о здравіи и за упокой не проскомисаетъ": довольно, значитъ уже того, что онѣ нашептаны, — восприняли другую, колдовскую благодать.

Двоевѣрію, по справедливому замѣчанію Щапова, помогала даже новорожденная (или воскресшая послѣ долгаго умертвія) грамотность. Она немедленно направилась на сочинительство и на переписку, съ произвольными вставками и варіаціями, апокрифовъ, раскрашивавшихъ священное писаніе и преданіе въ цвѣта чудской миѳологіи и космогоніи. Создалась, фантазіей и руками духовныхъ грамотеевъ, „на пакость невѣждамъ попамъ и дьяконамъ", обширная лукаво-двоевѣрная, „отреченнная литература": „льстивые сельскіе сборники, худые номоканунцы по молитвенникамъ у неразсудныхъ поповъ, лживыя молитвы о трясавицахъ — о нежитехъ н о недузѣхъ". Ожили и размножились въ спискахъ басни и притчи „отъ болгарскихъ книгъ", т. е. отголоски богумильской дуалистической ереси: „Слово святыхъ апостолъ Петра и Андрея, Матѳея и Руфа и Александра"; „Слово о Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ или О прѣніи Господни со діаволомъ въ пустынѣ"; притча о человѣкѣ, хотѣвшемъ убѣжать отъ старости и смерти; слова о злыхъ женахъ; слова, притчи и сказанія, направленныя противъ винопитія и винорадарства; слова о сотвореніи Адама и о главѣ Адамовой, о Древѣ Крестнѣмъ и т. п. (Голуб. 168. 169).

Древній языческій заговоръ сталъ облекаться въ форму христіанской молитвы. (См. ниже). Въ безчисленно размножавшихся экстатическихъ сектахъ расколотой церкви появились колдовскія таинства. Одинъ христіанскій кудесникъ-ересіархъ вводилъ причастіе какою-то пьяною клюквою, „дѣланною изъ нѣкія муки"; наглотавшись ея, люди какъ бы влюблялись въ огонь и страстно устремлялись къ самосожженію. Если русскихъ православныхъ христіанъ сравнительно мало жгли на кострахъ духовенство и правительство за черное колдовство, то сами православные христіане съ лихвой пополняли этотъ недочетъ противъ Запада, тысячами сожигаясь въ срубахъ, подъ руководствомъ христіанскихъ колдуновъ, волхвовавшихъ объ имени Христовомъ. Другой ересіархъ, отправляя своихъ учениковъ на проповѣдь, снабжалъ ихъ порошкомъ, будто бы сдѣланнымъ изъ высушеннаго и истолченнаго сердца новорожденнаго младенца. „И аще васъ не послушаютъ, вы отъ сего даннаго истолченія тайно влагайте имъ въ брашно или въ питіе или въ сосудъ, гдѣ у нихъ бываетъ вода или въ кладезь: егда отъ того вкусятъ, тогда къ намъ обратятся и имутъ вѣру словесамъ вашимъ". (Щаповъ. I. 70. 599—602).

Въ XVI—XVII вв. многія духовныя лица подвергались обвиненію въ сознательномъ и умышленномъ чародѣйствѣ. Оставляю въ сторонѣ случаи обвиненія высокопоставленныхъ іерарховъ (Филиппъ Митрополитъ, патріархъ Никонъ, кандидатъ въ патріархи Сильвестръ Медвѣдевъ), такъ какъ въ нихъ на мнимомъ колдовствѣ играла политика. Впрочемъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, участвуя въ заговорѣ съ правительницей Софьей и В. В. Голицынымъ, дѣйствительно совѣщался съ волхвами Дмитріемъ Силинымъ и Ваською Иконниковымъ. (Сол. III. 1081).

Но въ 1625 г. вытребованъ былъ въ Москву для розыска верхотурскій протопопъ Яковъ, за держаніе у себя въ коробьѣ волшебныхъ травъ и корней. Въ 1628 г. дьячокъ нижегородскаго Печерскаго монастыря, Семейко, уличенъ былъ, что держитъ „недобрыя ересныя" тетради (гадательную книгу „Рафли") да „приговору" нѣсколько строкъ.

Это стоило дьячку ссылки на монастырскія черныя работы, въ ножныхъ кандалахъ, „а причастія не давать ему впредь до патріаршаго разрѣшенія, исключая только смертнаго часу“. Другой дьячокъ Иванъ Харитоновъ (1660) былъ судимъ за собираніе по лугамъ волшебныхъ травъ и кореньевъ, а также по подозрѣнію, что онъ „свадьбы отпущаетъ“ (т. е. приглашается охранять ихъ отъ другихъ „опасныхъ“), и что „жены съ младенцами къ нему часто приходятъ“.

Обвиненіе, идущее изъ глубокой древности: еще въ Кириковыхъ вопросахъ прозвучала церковная жалоба на женщинъ, которыя носили больныхъ дѣтей „не къ попови на молитву“, но къ волхвамъ либо къ варяжскимъ (латинскимъ) попамъ. (Пам. XII в. 202). Возможно, что послѣдніе въ древнемъ новгородскомъ славянствѣ пользовались такою же чародѣйною репутаціей, какъ среди югославовъ еще въ XIX вѣкѣ поздніе преемники „варяжскихъ“ поповъ, францисканскіе „фратры“. „Нѣтъ въ Босніи простолюдина, — писалъ въ 1858 г. Гильфердингъ, — который не былъ бы увѣренъ, что „фратръ“ владѣетъ чародѣйственною силою. И замѣчательно, что это убѣжденіе одинаково принадлежитъ и католикамъ, и православнымъ, и мусульманамъ. Православные говорятъ, что ихъ попъ не въ состояніи прогнать или связать бѣса и написать талисманъ, но францисканецъ имѣетъ власть надъ нечистою силою“. Тотъ же путешественникъ разсказываетъ о широкой торговлѣ „фратровъ“ талисманами противъ болѣзней, дурного глазу и навожденія дьявольскаго (Zapis protiva avakoj zasidi djavaoskoj), приводя и тексты. (Гильферд. Соч. III. 319).

О подобныхъ талисманахъ много распространяется древняя противо-языческая полемика, обозначая ихъ именемъ „наузы, наюзы“, т. е. навязки, а колдуна, спеціалиста по приготовленію талисмановъ, именемъ „наузника“ или „узольника“. Въ безграмотной древности амулеты эти состояли изъ разной колдовской дряни, — кореньевъ, травокъ, косточекъ, змѣиныхъ головокъ и т. п., — зашитой въ тряпицу для ношенія на тѣлѣ. Иногда же наузомъ на-

зывался и служилъ просто нашептанный кусокъ матеріи, которымъ обвязывалось больное мѣсто, „язвено". Знаменитъ лѣтописный примѣръ въ эпизодѣ о Всеславѣ, князѣ полоцкомъ. Онъ родился, повидимому съ раскрытымъ теменемъ — „бѣ ему на главѣ знамя язвено — яма на главѣ его" — и, такъ какъ оно не заросло, то „рекоша волсви матери его: се язвено, навяжи на нь, да носить е́ до живота своего на себѣ". (Соф. лѣт. подъ 1044 г.).

Съ распространеніемъ христіанства колдовскія вещества стали замѣняться ладаномъ, съ такимъ успѣхомъ, что со временемъ за словомъ „ладанка" забылось слово „наузъ" или, по скольку сохранилось въ языкѣ, приняло значеніе уже исключительно черно-колдовское. По чешски navasovati прямо обозначаетъ колдовать. Грамотность внесла въ фабрикацію талисмановъ новшество, заимствованное или отъ германскихъ сосѣдей, или отъ евреевъ, черезъ хазаръ: въ наузы стали включаться заклинательныя письмена. Варяги могли познакомить переимчивую Русь съ руническими талисманами, хазары съ филактеріями, изъ Византіи славочудь, вмѣстѣ съ церковнымъ учительствомъ, слышала отголоски также и малоазіатской и сирійской магіи, охристіаненной въ сектанствѣ гностическомъ и манихейскомъ. Извѣстно, какую огромную роль играли и до настоящаго времени играютъ въ восточной магіи именно словесные талисманы.

Что русскіе наузы содержали въ себѣ заговоры не рѣзко языческаго содержанія, но смѣшаннаго, двоевѣрнаго, полумолитвеннаго характера, это видно изъ большей части полемическихъ противъ нихъ выпадовъ со стороны церкви. Напр., въ Словѣ св. Кирилла о злыхъ духахъ, возстающемъ на лицемѣріе бабъ-колдовокъ, которыя „не Бога призываютъ, а оны прокляты и скверны и злокозньны наузы много вѣрныя прельщають, начнеть на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще наземьлю, рекше бѣса проклинаетъ, а она его болѣ призываетъ, творится дѣти врачующе". (Срезн. II. 343.—Аѳ. Поэт. Воззр. III. 429—433). Въ Новгородскомъ Чиновникѣ XIV вѣка (Софійской библіотеки) въ чинѣ исповѣди — вопросъ духовника: „Креста или иконы ци взималъ еси на нѣкоторыя потворы (колдовство) или наузы".

3.

Направленныя на духовенство обвиненія въ чародѣйствѣ сравнительно мало касались іерейскаго чина, хотя, впрочемъ, уже въ XIV вѣкѣ былъ схваченъ на берегахъ Вожи и, по многомъ истязаніи, отправленъ въ заточеніе на Лачь-озеро какой-то лихой попъ, пробиравшійся изъ орды съ мѣшкомъ „злыхъ и лютыхъ зелій“. (Аѳ. П. В. III. 625). Здравый смыслъ, логическое чутье народа трудно допускали, чтобы могъ вязаться съ чортомъ человѣкъ, Божественнымъ таинствомъ посвященный и, благодатью посвященія, таинства совершающій. Хотя, съ другой стороны, живучесть въ народѣ дурной примѣты встрѣчи съ попомъ, языческаго обряда „катать попа“ по жнивью, чтобы хлѣбъ хорошо родился, и т. п. указываетъ на долговременность твердо убѣжденнаго суевѣрія, которое не умѣло дѣлать разницы между волхвомъ и священникомъ.

Зато о причетникахъ церковныхъ можно почти съ увѣренностью сказать, что, послѣ мельниковъ и повитухъ, они всегда были наиболѣе заподозрѣнными по колдовству. Зырянскій волхвъ Памъ Сотникъ оправдывалъ свое пораженіе отъ Стефана Пермскаго—тѣмъ, что онъ отъ своего батька не навыкъ тѣмъ колдовскимъ хитростямъ, которыя Стефанъ перенялъ отъ своего отца. А отецъ Стефана, Симеонъ, былъ дьячкомъ при устюжской соборной церкви и ближайшимъ другомъ знаменитаго устюжскаго чудотворца, юродиваго Прокопія. (См. въ „Одерж. Руси“ этюдъ „Городъ юродивыхъ“). Пономарь житія св. Никиты Переяславскаго, проскурницы „Стоглава“, черный дьяконъ Гришка Отрепьевъ, волшебствомъ взобравшійся на царскій престолъ, дьячки вѣдовскихъ процессовъ 1628 и 1660 г.— достаточные тому примѣры для допетровской старины. Этнографическій разсказъ Левитова „Сказка и правда“ о пономарѣ, мнимомъ колдунѣ, и о дочери его, на которую безвинно перешло проклятіе того же предубѣжденія, — свидѣтель тому, что настороженность народа противъ предрасположенія церковнослужителей къ волшебству оказалась весьма живучею.

Причину надо видѣть въ чрезвычайно твердомъ мистическомъ консерватизмѣ русскаго сельскаго причетничества. До семидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка, когда, съ церковною реформою, въ замкнутую среду эту стали проникать лица не духовнаго происхожденія, сельскіе причты были хранителями двоевѣрныхъ преданій, болѣе надежными, чѣмъ даже темное крестьянство, между которымъ они были разсѣяны. Левитовъ не упустилъ отмѣтить и это бытовое явленіе въ „Степной дорогѣ ночью“, вложивъ рядъ, записанныхъ имъ, демоническихъ разсказовъ въ уста встрѣчнаго сельскаго дьячка. А въ „Сказкѣ и правдѣ“ несчастному лже-колдуну, пономарю Григорію, оказывается всего труднѣе убѣдить въ своей непричастности къ зловредному волшебству тестя своего, престарѣлаго выжившаго изъ ума, заштатнаго попика.

Заштатный священникъ, древній, сѣдой старичекъ, наслушавшись такихъ разговоровъ про Евсѣева, очень долго увѣщевалъ его „прекратить дружбу съ нечистью водяною, лѣсною, избяною и заугольною, трущебною и подкаменною, болотною, трясинною“ и т. д., и т. д.

„Всѣми крестами открещивался Евсѣевъ отъ такой пропасти, рѣшительно невѣдомыхъ ему, друзей, — старичекъ продолжалъ все грознѣе и грознѣе настаивать на томъ, чтобы пономарь, какъ можно скорѣе, исправлялся и переставалъ бы напускать на православныхъ лихія болѣсти, „какъ по вѣтру буйному, такъ и по вѣтру тихому, — въ рѣчки быстрыя, на погибель мужицкой животинки, тоже ты, Гришутка, смотри, — яда своего не пущай больше... Закляну!“

— Батюшка!.. За что наказываешь, старичекъ Божій? Ни въ одномъ я въ такомъ грѣхѣ, умереть на мѣстѣ, ничуть не повиненъ. Знать я тѣхъ грѣховъ не знаю, — вѣдать не вѣдаю...

— Цыцъ! — сердито покрикивалъ сѣдой дѣдъ, постукивая палкой и наклоняясь къ поучаемому всѣмъ своимъ старчески-сморщеннымъ, разсерженнымъ лицомъ. — Не грѣши и слушай отца своего духовнаго! Отецъ твой духовный и саномъ и годами на четыре ступени старше тебя!

Не смѣй ты теперь отнюдь у меня мутить своимъ наговоромъ „ни свѣтлой водицы, ни хмѣлевой бражки, ни стакана съ винцомъ, ни лѣкарствица знахарскаго, ни...“

— „Отецъ! отецъ! Занапрасно обижаешь меня,—будь я анаѳема проклятъ! — не вытерпѣвши болѣе, закричалъ Евсѣевъ такимъ страшнымъ голосомъ, что „міръ“, слушавшій, какъ поучалъ его старый священникъ, въ ужасѣ разбѣжался отъ этой сцены по избамъ и окончательно убѣдился въ томъ, что отъ пономарскаго злого могущества небезопасны въ себѣ — ни люди, ни животныя, ни вода, ни лѣсъ, ни даже стаканъ водки“...

Однимъ словомъ, побѣда, въ мнѣніи народномъ, осталась за чернымъ волхвомъ. Предпологаемый колдунъ сказался не подъ силу священнику. Черти, которыми командуетъ пономарь, не уступили благодати іерея, хотя онъ „и саномъ, и годами на четыре ступени выше“. По всей вѣроятности, не только „міръ“ разбѣжался въ ужасѣ по избамъ, но и старенькій батюшка пошелъ домой, безпокойно размышляя, что нѣтъ, мнѣ съ такимъ извергомъ не справиться, тутъ нужна власть святѣе моей...

Инстинктъ житейской правды руководилъ молодымъ Гоголемъ, когда онъ сельскаго дьячка выбралъ въ повѣствователи „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“, и молодымъ Чеховымъ, когда онъ въ хату сельскаго дьячка помѣстилъ дѣйствіе своей великолѣпной „Вѣдьмы“. Пушкинъ когда то совѣтовалъ писателямъ учиться русскому языку у московскихъ просвиренъ. Непоколебимому консерватизму сельскихъ просвиренъ, дьячихъ, дьяконицъ, попадей, а также черничекъ-дѣвушекъ и старообрядческихъ начетчицъ русскіе фольклористы обязаны сбереженіемъ большей части молитвенныхъ заговоровъ, самодѣльныхъ молитвъ и церковно-волшебныхъ обрядовъ.

Проскурницы, ненавистныя Ивану Грозному, благополучно дожили до XX вѣка и, по анкетѣ „Народно-бытовой медицины“ (1903), обнаружились въ Городищенскомъ уѣздѣ Пензенской губ., Малмыжскомъ Вятской и Черепо-

вецкомъ Новгородской. „Во многихъ мѣстахъ, — пишетъ д-ръ Поповъ, — особенное значеніе, преимущественно при разнаго рода дѣтскихъ заболѣваніяхъ, придается печаткѣ („дорникъ“), которою печатаютъ просфоры. Заболѣвшихъ дѣтей приносятъ къ просвирнѣ, и она мнетъ ребенку этой печаткой животъ. Другія же изъ нихъ (просвирень) совершаютъ въ этихъ случаяхъ нѣчто въ родѣ священнодѣйствія. Пензенско-Городищенская просвирня прикладываетъ печать сначала къ головѣ ребенка, дѣлая изображеніе креста, затѣмъ къ груди, рукамъ, ногамъ и спинѣ, произнося каждый разъ: „Господи Іисусе Христе“. Такой способъ леченія называется: „поколоть больного“. Въ другихъ случаяхъ эта печатка обмывается водой, которой поятъ и сбрызгиваютъ ребятъ, особенно тогда, когда ихъ „сглазили“ или „взяли уроки“. (Op. cit. 264)

Вѣроятно, эти проскурницы весьма изумились бы, если бы кто либо сталъ имъ доказывать, что онѣ волхвуютъ и творятъ тѣ же древніе „наузы“, нанося на тѣло ребенка христіанскія „руны“, знаки и надпись просфорной печати.

Въ XVII вѣкѣ безсознательное чародѣйство церковными обрядами и даже таинствами было присуще едва ли не всему сплошь духовенству. По крайней мѣрѣ, въ славо-чудскихъ медвѣжьихъ углахъ, вродѣ тогдашняго Устюжскаго уѣзда, гдѣ глубокое невѣжество духовныхъ пастырей, непросвѣщенныхъ просвѣтителей, и пережиточная яз ческая темнота полудикой паствы сосуществовали въ п стоянномъ взаимовліяніи. Въ „толстыхъ сборникахъ“, к торыми питалась благочестивая мысль сѣвернаго грам ника, мудрено провести раздѣльную черту между ре гіей и магіей. Настроеніе въ высшей степени религіозн но религія принимаетъ формы магіи, а магія переодѣвае религіей. Заговоръ звучитъ, какъ молитва, а молитва об щается въ заговоръ. Иногда же заговоръ записывается р домъ съ молитвою во всей своей колдовской обнажен сти, чѣмъ составитель сборника нисколько не смущается.- онъ просто не замѣчаетъ своей наивной неловкости и смѣло хромаетъ, по очереди, на обѣ ноги.

Въ одномъ соловецкомъ сборникѣ читаемъ такой молитвенный заговоръ — на возвращеніе бѣжавшаго раба: „Святіи Божіи исповѣдницы: Гуріе и Самоне и Іавиве: якоже есте возвратили дѣвицу погибшую въ градъ свой во Едесъ, тако и сего возвратите погибшаго имрекъ: Аврааме свяжи, Исааче пожени, Іакове путь ему замети и путь ему сотвори теменъ, ангелъ пожени, во имя Отца и Сына и Свят. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь". А вслѣдъ за этой самодѣльщиной подъ церковность, призывающей на бѣжавшаго раба и Святую Троицу, и соединенныя силы угодниковъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, вписано, въ полной равносильности, откровенно волшебное заклинаніе противъ червей, чтобы въ ранахъ не заводились: „Какъ зайдетъ солнце, плюни на камени, (на камени), или на рану (руку) глаголя: си падмаси (глаголя сіе надъ масломъ), или надъ солью; да примолви сице (сіе): сѣдла гремятъ, а узды звячутъ, порожные мѣхи ѣхати... по хмѣль, по легкой товаръ, червемь и полѣте за море, тамо у червей свадьба, а здѣсь червямъ огонь, сѣра горячая и смола кипящая, — побѣгите черви отселѣ за море!" Годится „се глаголати" также на червя „въ человѣцѣ или въ нивѣ". (Тих. Пам. отреч. лит. II. 428. Зелейникъ по спискамъ Добротворскаго и Пермскаго сборника. — Щаповъ. I. 246).

Какъ примѣръ дѣйственнаго священническаго волхвованія, можно указать странный обычай заочной дачи молитвы родильницамъ и нареченія имени новорожденнымъ. Священникъ вычитывалъ молитву и имя „въ шапку" пріѣхавшему за нею мужу или другому родственнику роженицы, а тотъ, мгновенно нахлобучивъ освященную шапку на голову, бережно везъ ее домой, чтобы вытрясти изъ нея молитву надъ больною. Обычай этотъ, порожденный, конечно, обширностью сельскихъ приходовъ и дальностью путей сообщенія, держался много столѣтій. Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской губерніи лѣнивые двигаться попики еще наговаривали „въ шапку", тайкомъ отъ благочиннаго, которымъ тогда былъ тамъ мой отецъ. Что обычай этотъ наивно не считался

предосудительнымъ, доказываетъ уже то обстоятельство, что Лажечниковъ имѣлъ возможность описать его въ „Ледяномъ Домѣ“ при строгой николаевской цензурѣ. Мужъ трудной роженицы, съ молитвою въ наговоренной шапкѣ, на обратномъ пути отъ попа, встрѣтился съ чертями въ видѣ проѣзжихъ, которые такъ раздразнили его, что онъ въ сердцахъ сорвалъ съ себя шапку и швырнулъ ею въ своихъ обидчиковъ. Чертямъ только того и надо было. Молитва, начитанная попомъ, изъ шапки вылетѣла, а бѣсы вселились на ея мѣсто. Злополучный мужикъ, не подозрѣвая коварнаго подмѣна, добросовѣстно вытрясъ шапку надъ женою и самъ вселилъ, такимъ образомъ, легіонъ чертей, какъ въ жену, такъ и въ новорожденную дочку.

4.

Безсознательное церковное волшебство дышитъ и въ повѣсти о бѣсноватой Соломоніи. Однажды, когда Соломонія была въ плѣну у бѣсовъ и терпѣла отъ нихъ жестокія мученія, приставленная къ ней, нѣкая „дѣвка Ярославка“, сама вродѣ полубѣсовки (изъ „прѽклятыхъ“), сжалилась надъ страдалицей-полонянкой и научила, какъ ей избыть свою напасть. Для этого дѣвка Ярославка заставила Соломонію выучить наизустъ имена всѣхъ, ее терзавшихъ, демоновъ. Въ повѣсти нѣтъ этихъ именъ, но, судя по тѣмъ, которыя встрѣчаются въ заговорахъ и апокрифахъ, трудъ Соломоніи предстоялъ не легкій, ибо имена чертей, подначальныхъ Сатанѣ Сатановичу, премудреныя: Зеследеръ, Пореастонъ, Коржанъ, Купалолака, Ардунъ и т. п. (Лѣт. рус. лит. и др. III. отд. III. 91). А вызубрить такихъ странныхъ кличекъ Соломонія должна была очень много.

Учила же де та Ярославка преже по десяткамъ, тотъ выучитъ, потомъ другой десятокъ, тоже третій и четвертый. Она же, Соломония,	А учила та Ярославка (Соломонію) сначала по десяткамъ: одинъ десятокъ (заставитъ) выучить, потомъ другой, третій, четвертый.

по десяткамъ уча, всѣмъ имъ імена позна. Посемъ же рече Ярославка: Соломония! какъ тебя отпустятъ ко отцу проститися, и ты вели отцу своему тѣхъ именъ переписати, которыя тебѣ сказахъ, и вели ихъ окаянныхъ проклинати во святомъ олтарѣ, идѣ же безкровная жертва приносится Господу Богу, і посемъ имъ окаяннымъ уже невозможно будетъ тебя увести, ни приближитися. И приіде та дѣвка Ярославка ко онымъ темнозрачнымъ демономъ, и глагола имъ: отпустите Соломонию ко отцу проститися; и простясь она со отцемъ, будетъ здѣсь вѣчно жити. Они же послушаша ея, и понесоша Соломонию ко отцу...

...Узрѣвше же ея отецъ и мати, зѣло возрадовашася, понеже отчаявшеся, яко уже вѣчно ей не быти из воды от нихъ окаянныхъ демоновъ. Она же, Соломония, нача повѣдати отцу своему, како ея черніи демони мучили, і како отдаша дѣвцѣ Ярославкѣ, и что ей Ярославка наказывала, какъ ей от демоновъ отбыти, і како ихъ іменами зовутъ, выучила і імена велѣла ихъ написать і проклинать. І то все по-

Такъ, по десяткамъ уча, Соломонія узнала имена всѣхъ бѣсовъ. И тогда сказала ей Ярославка: „Соломонія! когда тебя отпустятъ къ отцу проститься, то вели ты своему отцу переписать эти имена, что я тебѣ назвала, и вели проклинать ихъ, окаянныхъ, во святомъ алтарѣ, гдѣ приносится безкровная жертва Господу Богу; и послѣ того имъ, окаяннымъ, невозможно станетъ ни тебя увести, ни къ тебѣ приблизиться". И пошла та дѣвка Ярославка къ темновиднымъ тѣмъ демонамъ и сказала имъ: — „Отпустите Соломонію къ отцу — проститься; и, простясь съ отцомъ, она останется жить здѣсь навсегда". Они послушались ея и понесли Соломонію къ отцу...

.... Увидѣвъ Соломонію, отецъ и мать очень обрадовались, такъ какъ уже отчаялись было, что она когда либо вернется изъ воды отъ нихъ, окаянныхъ демоновъ. А она, Соломонія, принялась разсказывать отцу своему, какъ мучили ее черные демоны, какъ они отдали ее дѣвкѣ Ярославкѣ, и что ей Ярославка наказывала, чтобы отдѣлаться отъ

дробну сказала отцу. Отецъ же и мати ея і вси сердоболи, слышавше глаголемая от нея, плакахуся зѣло, і едва престаша отъ слезъ; отецъ же ея написа темная і мрачная імена ихъ, яже слыша от нея, і нача ихъ окаянныхъ проклинати во святомъ олтарѣ, идѣже тайная жертва совершается.

демоновъ: выучила ее, какъ ихъ зовутъ поименно, и велѣла имена ихъ записать и проклинать. И все это Соломонія подробно объяснила отцу. Отецъ же и мать ея и вся родня, слыша, что она разсказываетъ, горько плакали и едва могли уняться отъ слезъ. И написалъ отецъ Соломоніи темныя и мрачныя бѣсовскія имена, какъ слышалъ ихъ отъ дочери, и началъ ихъ, окаянныхъ, проклинать въ святомъ алтарѣ, гдѣ совершается жертва Св. Таинъ.

Повѣствователь проходитъ мимо этихъ заклинательныхъ упражненій ерогоцкаго священника безъ малѣйшей оговорки: значитъ, и онъ, подобно самому о. Дмитрію, не имѣлъ сомнѣній въ дозволенности такого алтарнаго волхвованія.

Да и почему же было имъ сомнѣваться въ законности волхвованія проклинающаго, когда обычай эпохи упорствовалъ видѣть въ алтарѣ мѣсто волхвованія благословляющаго? Иванъ Грозный въ 36-мъ своемъ вопросѣ къ Стоглавому собору жалуется, что москвичи вносятъ въ алтарь „кутію и канонъ за здравіе, и за упокой, и на великъ день Пасхи сыръ и яйцы, и рибы печены, во иныя дни, колачи и пироги, и блины и коровай и всякіе овощи". Вотъ, говоритъ царь, въ Новгородѣ и Псковѣ дѣйствуютъ по уставу: „тамъ на то устрояется въ каждой церкви „кутейникъ", а въ алтарь допускаются отъ боголюбцевъ только „ладонъ и ѳиміанъ, и свѣчи и проскуры". „Здѣ же убо вся та потребная (съѣдобные припасы) вносится въ Жертвенникъ и во святой Олтарь; а правила Святыхъ Отецъ и Апостолъ о семъ запрещаютъ. И впредь како сему достоитъ быти?" (Стоглавъ).

Повѣсть умалчиваетъ о томъ, какими именно заклинаніями пользовался отецъ Соломоніи въ своемъ священнодѣйственномъ волхвованіи. Русскій экзорцизмъ не получилъ того широкаго и мелочно-подробнаго развитія, какъ въ Западной Европѣ, у насъ не возникло даже духовнаго института экзорцистовъ, установленнаго католическою церковью. Поэтому и на Руси формулы церковнаго заклинанія бѣсовъ множились и изощрялись преимущественно въ югозападныхъ областяхъ, порубежныхъ съ Украиною, которая, въ свою очередь, плодила ихъ подъ католическими вѣяніями изъ Польши. Украинское духовенство XVII вѣка было очень усердно въ демонологическомъ сочинительствѣ: „Номоканонъ или Законоправильникъ“ Захаріи Копыстенскаго (1620), „Зерцало Богословія“ Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго (1618) и т. п. И, наконецъ, въ 1646 г. знаменитый „Требникъ Петра Могилы“ („Евхологіонъ“), долгое время служившій руководствомъ по всей Россіи, но впослѣдствіи изъятый изъ употребленія за многія двусмысленныя соприкосновенія съ латинскимъ обрядомъ и, въ частности, за слишкомъ усердное вниманіе къ экзорцизму.

Это послѣднее качество, мало по малу, дало требнику Петра Могилы репутацію книги, обладающей силою не только побороть и отгонять злыхъ духовъ, но и призывать ихъ. Въ настоящее время, требникъ этотъ, уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ слывшій библіографической рѣдкостью, изыскивается любителями черной мистики и книжной старины, какъ драгоцѣннѣйшій кладъ, и, если находится, то цѣнится даже дороже, чѣмъ на вѣсъ золота. Покойный Н. С. Лѣсковъ владѣлъ экземпляромъ требника Петра Могилы и въ своихъ „Русскихъ демономанахъ“ разсказываетъ довольно невѣроятныя вещи объ опытахъ съ его заклинательными молитвами.

5.

Въ требникѣ Петра Могилы „Вослѣдованіе молебное о избавленіи недугующаго отъ обуреванія и насилія ду-

ховъ нечистыхъ и молитвы заклинательныя тѣхжде лукавыхъ духовъ" сопровождается девятью спеціальными молитвами, извлеченными изъ твореній Василія Великаго, Григорія Чудотворца, Іоанна Златоуста, Кипріана и др.

Нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ оказали сильное вліяніе на русскую демонологическую словесность и почти что принадлежатъ уже фольклору.

„Вострепещи, убойся, устрашися, сокрушися, бѣжи, ниспадый съ небесе, и съ тобой вся лукавыя духи: духъ нечистоты, духъ лукавства, духъ ночный и дневный, полуденный же и вечерній, духъ полунощный, духъ привидѣнный, духъ срѣщательный или водный, или въ дубравахъ, или въ трости, или въ стремнинахъ, или въ двопутіяхъ или трепутіяхъ, въ езерахъ или рѣкахъ, въ домѣхъ, въ дворѣхъ и въ банѣхъ приходяй и враждаяй, и отъемляй умъ человѣческій" (Іоанна Златоуста).

Или „запрещальная" молитва священно-мученика Кипріана, который, по легендѣ, до обращенія своего ко Христу самъ былъ колдуномъ и знался съ нечистой силой: „И ты, душе лукавый, аще и не хотя воздаждь славу имени святому Его, идеже аще вѣдиши въ удеси тѣла созданія сего: или въ главѣ, или въ темени, или въ бровѣ, или въ очію, или въ ушію, или въ устѣхъ, или въ языцѣ, или въ выи, или въ плещу, или между плещима, или въ мышцѣ, или въ персехъ или въ души, или въ сердцѣ, или въ плюцахъ, (легкихъ), или въ чревѣ, или подъ чревомъ, или въ точилѣ (въ мочевомъ пузырѣ), или въ естественныхъ предѣлехъ (половыхъ органахъ), или въ крѣпости, или въ жилахъ или въ колѣнахъ, или въ лыстахъ (берцовыхъ костяхъ), или въ голенѣ, или въ руку, или въ ногу, или въ жилицахъ, или въ кровавици (артеріи), или въ костехъ, или въ мозгу, или въ крови, или въ власехъ, или въ ногтехъ, или во всемъ тѣлѣ — отлучися, отстранися и изыди, душе лукавый".

Изъ молитвы Василія Великаго: „Убойся, умолкни, бѣжи и не возвратися, ниже сокрыйся съ инѣми злобы нечистыми духи; но отыди въ землю безводную, пустую, недѣланную, на ней же человѣкъ не обитаетъ, но Богъ одинъ

презираетъ, связаяй всѣхъ уязвляющихъ и злосовѣтствующихъ на имя Его"... И т. д.

Для сравненія — нѣсколько народныхъ заговоровъ:

I. Надъ новорожденнымъ отъ похищенія его злымъ духомъ — Орловской губ. и уѣзда.

„На морѣ-океанѣ, на островѣ на Буянѣ, подлѣ рѣки Іордана, стоитъ Никитій, на злыхъ духовъ побѣдитель и Іоаннъ Креститель. Воду изъ рѣки черпаютъ, повитухамъ раздаваютъ и приказываютъ имъ, приговариваютъ: обрызните и напойте этой водой родительницу и младенчика некрещенаго, но крещеной порожденнаго, отъ лихого брата, врага супостата, отъ лѣсовиковъ, отъ водяниковъ, отъ домовиковъ, отъ луговиковъ, отъ полуношниковъ, отъ полуденниковъ, отъ часовиковъ, отъ получасовиковъ, отъ злого духа крылатаго, рогатаго, лохматаго, летучаго, ползучаго, ходячаго. Заклинаемъ васъ, враги лютые, не смѣйте вы подступать къ рабѣ (имя) и ею порожденному дитю, хотя некрещенному, но крещеной порожденному"... И т. д.

II. Воронежскій, Коротоякскаго у. — отъ лихого глаза.

„Сохрани, Господи, и помилуй раба твоего, больного (такого-то), отъ чернаго глаза, отъ мужского, отъ женскаго, отъ деннаго, отъ полуденнаго, отъ часового, отъ получасового, отъ ночнаго, отъ полуночнаго, отъ всѣхъ жилъ, отъ всѣхъ поджилковъ, отъ всѣхъ суставовъ, отъ бѣлаго тѣла, отъ желтой кости, отъ родимца, игреца, отъ черной печени, отъ горячей крови"... И т. д.

III. Рязанскій, Зарайскаго у. — отъ лихорадки.

„Тетки, лихоманки, васъ 12 сестеръ, идольныхъ дочерей, отстаньте отъ раба Божія (имя), по сей день и по сей часъ и будетъ вамъ его трясти и трепать. Я буду просить Матвѣя св., Марко св., Луку св., Іоанна св.. Они васъ пошлютъ по пнямъ, по лугамъ, по болотамъ, по колодамъ, гдѣ человѣчьяго голоса не слыхать".(Въ вологодскомъ, Кадниковскаго у. заговорѣ, гонимыя лихорадки обѣщаютъ „отъ роду человѣческаго бѣжать за триста поприщъ"). (Нар. Быт. Мед. 225. 237. 392—395).

IV. Нижегородскій, старообрядческій, на отогнаніе злыхъ духовъ.

„Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, діаволе, не блазни мя мерзкими и лукавыми мечтаніями, отступи отъ мене и отыди отъ мене, проклатая сила непріязни, въ мѣсто пусто, въ мѣсто безплодно, въ мѣсто безводно, идеже огнь и жупелъ и червь неусыпный“... (П. И. Мельниковъ).

Въ нынѣ дѣйствующемъ Большомъ требникѣ „отчетныхъ“ (т. е. для отчитыванія бѣсныхъ предназнаемыхъ) молитвъ только двѣ: „Боже вѣчный, избавлей насъ отъ плѣненія діаволя“ и „Услыши ты, Господи, Боже, Спасителю нашъ! Еже во утѣсненіе душа и духа во уныніи зовущихъ къ Тебѣ да не попустиши насъ искуситися паче еже мощи носити“. (Молитвы надъ обуреваемыми отъ духовъ нечистыхъ).

Народному воображенію мало этихъ холодноватыхъ молитвъ, изъ которыхъ вторая даже какъ бы затѣняетъ грозную фигуру виновника бѣсноватости, словно и не очень то въ его бытіе и силу вѣруя. Поэтому особымъ уваженіемъ пользуются и усердно изыскиваются заклинатели, обладающіе библіографическою рѣдкостью требника Петра Могилы, или чаще, какимъ либо рукописнымъ изъ него извлеченіемъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть печатный требникъ Петра Могилы, но тетрадки съ заимствованіями изъ его демонологической части далеко не такъ рѣдки. Лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ подобный полу-требникъ, полу-гримуаръ можно было найти, хорошо порывшись въ старыхъ сундукахъ и чуланахъ, едва ли не въ любой захолустной семьѣ духовнаго происхожденія, если только родъ былъ не изъ новыхъ. а могъ насчитать предковъ въ XVIII вѣкѣ („до Платона“), а тѣмъ паче — „за царя Петра“.

По запрещеніи знаменитаго требника, съ истощеніемъ его печатныхъ экземпляровъ, распространеніе священно-чародѣйной книги, конечно, ушло въ подполье, чтобы продолжаться рукописными копіями, отчасти сокращенными, въ извлеченіи, отчасти, напротивъ, пріукрашенными добавленіемъ самодѣльныхъ молитвъ и полуязыческихъ

заговоровъ. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка священникъ такого захолустья, какъ Ерогоцкая волость, едва ли могъ располагать такою, сравнительно, новостью тогда, какъ требникъ Петра Могилы. Но какой нибудь рукописный требникъ съ „врачевальными молитвами“ о. Дмитрій долженъ былъ имѣть, какъ и теперь имѣютъ подобныя драгоцѣнныя тетрадки и берегутъ ихъ паче зѣницы ока спеціалисты по отчитыванію, не исключая и священниковъ и монаховъ, дозволяющихъ себѣ этотъ выгодный приработокъ.

По русскимъ понятіямъ, „отчитывать“ бѣсноватыхъ въ состояніи всякій и всякая — мірской человѣкъ, начетчикъ, монашка, келейница, священникъ, лишь бы были безупречно благочестивой и — не обязательно, но лучше, если строго трезвой жизни. „Отчитыванье“ священникомъ предпочтительно потому, что, кромѣ чтенія псалмовъ канлоновъ, Евангелія и особыхъ заклинательныхъ молитвъ, заимствованныхъ изъ старыхъ рукописныхъ или церковныхъ, нынѣ выведенныхъ изъ употребленія, требниковъ,— каковымъ чтеніемъ ограничиваются лица, не имѣющія посвященія въ іерейскій санъ, — священникъ можетъ еще отслужить такъ называемый „отчетный“ молебенъ, со спеціальными „молитвами надъ обуреваемыми отъ духовъ нечистыхъ“. (См. выше 70. 72). При незнаніи спеціальныхъ бѣсогонныхъ молитвъ, отчитываютъ главами изъ Евангелія, канонами, псалмами. Изъ послѣднихъ въ особенности сильными считаются 90-й („Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится“), спасающій „отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни (зловреднаго повѣтрія), отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ сряща (дурной встрѣчи), и бѣса полуденнаго“, и 67-й, первый стихъ котораго („Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его“) есть сильнѣйшее заклинаніе противъ всякой нечистой силы.

6.

Молебное вослѣдованіе Петра Могилы рекомендуетъ заклинателю не приступать къ отчитыванію раньше, чѣмъ

онъ тщательнымъ діагнозомъ не убѣдится, что имѣетъ дѣло съ „бѣснымъ", а не страдающимъ „черною желчью" (меланхоліей) или какимъ либо инымъ недугомъ естественнаго происхожденія. Признаками бѣсовской одержимости „Вослѣдованіе" указываетъ способность больного — „иноязычно глаголати многими словесы, или глаголющаго разумѣти: далече сущая и сокровенная открыти: силы паче возраста или паче естественныя мѣры показати и иная симъ подобная, яже многа суть".

Установивъ фактъ одержимости, заклинатель допрашиваетъ бѣса, сидящаго въ больномъ, какъ его имя, одинъ онъ или имѣетъ товарищей, когда вошелъ, какимъ способомъ, по какой причинѣ и поводу. Отчитывать должно въ какомъ либо уединенномъ мѣстѣ или въ церкви, въ присутствіи только ближайшей родни больного. (См. въ „Одержимой Руси" этюдъ „Сава Грудцынъ", 94—96). Всѣ предварительныя молитвы, псалмы, эктеніи и каноны произносятся и поются „тихимъ гласомъ и съ умиленіемъ", а Евангеліе читается съ возложеніемъ рукъ на болящаго. Самыя же заклинательныя молитвы должно читать колѣнопреклоненно и „со всякимъ умиленіемъ, аще мощно, со слезами", но содержимыя въ нихъ угрозы нечистой силѣ заклинателю предписывается произносить твердымъ и мощнымъ голосомъ, а нѣкоторыя строки и слова даже „съ веліимъ дерзновеніемъ". Смѣны этой декламаціи обозначены въ текстѣ точными ремарками.

Вообще, чинъ отчитыванія по требнику Петра Могилы цѣлая мистерія и, притомъ, составленная весьма искусно и цѣлесообразно, въ смыслѣ психологическаго воздѣйствія на болящаго набожнаго и суевѣрнаго. „Психологической и очень важной особенностью этихъ заклинательныхъ молитвъ, — говоритъ д-ръ Г. Поповъ, — является то, что каждая изъ нихъ чередуется съ обыкновенной молитвой, гдѣ страхъ и угрозы смѣняются тихой мольбой, надеждой и радостью". (Н. Б. Мед. 394).

Но весь этотъ чинъ устрашаетъ бѣса только въ томъ случаѣ, если заклинатель удовлетворяетъ весьма высокимъ нравственнымъ требованіямъ: искренне и пламенно вѣруетъ,

истинно человѣколюбивъ и доброжелателенъ къ ближнему, не блудникъ, не пьяница, не грѣшитъ гордостью и тщеславіемъ, не гонится за корыстью. Наиболѣе успѣшные и прославленные въ народѣ заклинатели никогда не берутъ никакого вознагражденія за свой молитвенный трудъ, хотя, конечно, благодарные паціенты стараются выразить имъ свою признательность какими либо вещественными подношеніями или услугами окольнымъ путемъ, изобрѣтая для того далекіе отъ дѣла, но болѣе или менѣе правдоподобные предлоги. Но нельзя не сказать, что, за исключеніемъ шарлатановъ, коихъ, конечно, въ этой профессіи изрядно много, русскіе заклинатели настоящіе, т. е. дѣйствительно одаренные энергіей внушенія, способнаго силою вѣры, горы движущей, торжествовать надъ ужасомъ и страданіями суевѣрныхъ самовнушеній, — обыкновенно, и впрямь, безсребренники и бѣдняки.

По большей части, это люди, отсѣкшіе себя, ради спасенія души, отъ мірскихъ благъ и замкнувшіеся въ бытъ одинокій и удаленный отъ свѣта. Искать ихъ надо въ скиту (валаамскій схимникъ Алексій, старецъ Зосима, портретно списанный Достоевскимъ съ оптинскаго старца Амвросія), въ монастырскомъ затворѣ, въ юродивомъ странничествѣ, въ боголюбивомъ пустынножительствѣ (у вѣрующихъ стараго обряда). Если они остаются въ міру, то кормятся исключительно трудами рукъ своихъ отъ какого нибудь безобиднаго промысла (никакъ не кровопролитнаго и не торговаго), дающаго имъ возможность отстраниться отъ общества въ полуотшельничество созерцательной и богомысленной жизни. Особенно излюбленно ими пчелинство. Изъ бѣлаго духовенства извѣстность, въ качествѣ бѣсогонителей, пріобрѣтаютъ исключительно вдовцы, потому что женатый попъ согрѣшаетъ съ попадейкой, а бѣсъ тому и радъ. Вѣроятно, на этомъ же основаніи въ западномъ славянствѣ (по Адріатическому поморью) даже православные, для заклятія бѣсовъ, охотнѣе прибѣгаютъ къ помощи католическихъ безбрачныхъ „фратровъ“, чѣмъ своихъ священниковъ. (См. выше).

Призванный къ отчитыванію бѣсноватаго, заклинатель

обязанъ подготовиться къ предстоящему подвигу молитвою и постомъ. Старинныя русскія заклинанія нечистой силы подробно и съ наивною простотою глубокой вѣры описаны протопопомъ Аваакумомъ, много ихъ практивовавшимъ. По его словамъ, бѣсъ выходитъ изъ-подъ власти заклинателя, какъ скоро этотъ послѣдній не чувствуетъ себя въ моментъ заклинанія безупречнымъ отъ грѣха, хотя бы и не весьма значительнаго. Въ такихъ случаяхъ заклинателю надо, прежде всего, самому покаяться въ сознанномъ грѣхѣ и понести какую либо эпитимью. Если онъ безъ покаянія подступится къ одержимому, то не бѣсу отъ него, а ему отъ бѣса плохо будетъ. Разсказываетъ Аввакумъ случай изъ своей практики:

„Да у меня жъ былъ на Москвѣ бѣшаной, — Филиппомъ звали, какъ я ис Сибири выѣхалъ. Въ углу в ызбѣ прикованъ къ стѣнѣ: понеже въ немъ былъ бѣсъ суровъ и жестокъ, бился и дрался, и не смѣли домашніе ладить съ нимъ. Егда же азъ грѣшный и со крестомъ и съ водою пріиду, повиненъ бываетъ, и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ, и ничего не смѣетъ дѣлать надо мною. А въ дому моемъ въ то время учинилося нестройство: протопопица з домочадицею Фетиніею побранились, — дьяволъ ссорилъ не за што. И я пришелъ; не утерпя, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ гораздо въ печали своей. Да и всегда такой я, окаянной, сердитъ, дратца лихой. Горе мнѣ за сіе: согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсъ въ Филиппѣ вздивьялъ и началъ кричать и вопить и чепь ломать, бѣсясь. На всѣхъ домашнихъ ужасъ нападе и голка (смятеніе) бысть велика зѣло... Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотя ево укрѣпить, но бысть не по прежнему. Ухватилъ меня и учалъ бить и драть всяко; яко паучину, терзаетъ меня, а самъ говоритъ: попалъ ты въ руки мнѣ! Я токмо молитву говорю, да безъ дѣлъ молитва не пользуетъ ничто. Домашніе не могутъ отнять, а я самъ отдался. Вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ. Но, — чюденъ Господь! — бьетъ, а ничто не болитъ. Потомъ бросилъ меня отъ себя, а самъ говоритъ: не боюсь я тебя! Такъ мнѣ стало горько зѣло: бѣсъ, реку, надо мною волю

взялъ. Полежавъ маленько, собрался съ совѣстью, вставше, жену свою сыскалъ и предъ нею прощатца сталъ. А самъ ей, кланяяся въ землю, говорю: согрѣшилъ, Настасья Марковна, прости мя грѣшнаго. Она мнѣ также кланяется. Посемъ и съ Фетиніею тѣмъ же подобіемъ прощался. Также средѣ горницы легъ и велѣлъ всякому человѣку себя бить, по пяти ударовъ плетью по окаянной спинѣ: человѣкъ было десятокъ, другой, — и жена, и дѣти стегали за епитимію. И плачютъ бѣдные и бьютъ, а я говорю: аще меня кто не біетъ, да не имать со мною части и жребія въ будущемъ вѣце. И онѣ нехотя бьютъ, а я ко всякому удару по молитвѣ Ісусовой говорю. Егда же отбили всѣ, и я, вставъ, прощеніе предъ ними жь сотворилъ. Бѣсъ же, видѣвъ бѣду неминучую, опять ис Филиппа вышелъ вонъ. Я Филиппа крестомъ благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ".

Одинъ изъ паціентовъ протопопа Аввакума былъ наказанъ бѣшенствомъ за то, что соблудилъ съ женою въ праздникъ. Служанка его Анна также подверглась мукамъ отъ бѣсовъ, влюбившись въ своего прежняго господина. По Аввакуму, за малѣйшее нарушеніе церковныхъ правилъ, иногда чисто-мелочныхъ внѣшнихъ предписаній благочестія, за работу въ праздникъ, за лѣнь въ молитвѣ и т. д., насылаются на человѣка бѣсы. Бѣсы насылались на самого Аввакума: разъ за то, что онъ промѣнялъ на лошадь книгу, данную ему Стефаномъ Вонифатьевымъ, въ другой разъ за никоніянскую просвиру.

Разсказываетъ Аввакумъ:

„Егда еще я былъ попомъ, духовникъ царевъ Стефанъ Вонифаньтьевичъ благословилъ меня образомъ Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина, себя пользовать, прочитая, и людей. А я, окаянный, презрѣвъ благословеніе отеческое и приказъ, ту книгу брату двоюродному, по докуке его, на лошадь промѣнялъ. У меня же въ дому былъ братъ мой родной, именемъ Евфимей, зѣло грамотѣ былъ гораздъ и о церкви велико прилежаніе имѣлъ: напослѣдокъ былъ взятъ къ большой царевнѣ вверхъ, а въ моръ и з женою преставилса. Сей Евфимей лошедь сію поилъ и

кормилъ, и гораздо объ ней прилѣжалъ, презирая и правило многажды. И видѣ Богъ неправду з братомъ въ насъ, яко неправо ходимъ по истинѣ, — я книгу промѣнялъ, отцову заповѣдь преступилъ, а братъ правило презирая, о скотинѣ прилѣжалъ, — изволилъ насъ Владыко сице наказать: лошедь ту по ночамъ и въ день стали бѣси мучить,—всегда заезжена, мокра, и еле стала жива. Я недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ озлобляетъ насъ такъ. И въ день недѣльный послѣ ужины въ келейномъ правилѣ, на полунощнице, братъ мой Евфимей говорилъ каѳизму непорочную и завопилъ высокимъ голосомъ: призри на мя и помилуй мя!—и, испустя книгу изъ рукъ, ударился о землю, отъ бѣсовъ бысть пораженъ—началъ неудобно кричать и вопить, понеже бѣси жестоко мучища его. Въ дому же моемъ иные родные два брата,—Козма и Герасимъ... болши ево, а не смѣли ево держать; и всѣхъ домашнихъ, человѣкъ съ тритцеть, держа ево, плачютъ предъ Христомъ и, моляся, кричатъ: Господи, помилуй!“

Бѣсъ, напавшій на Евфимія, оказался чрезвычайно упорнымъ. Насилу вызвалъ его Аввакумъ изъ брата при помощи святой воды, кадила и молитвы Василія Великаго. „Воставше, въ третье ту же Васильеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ созданія сего. Бѣсъ же скорчилъ въ колцо брата и, пружався, изыде, и сѣлъ на окошке. Братъ же бывъ яко мертвъ. Азъ же покропилъ ево святою водою: онъ же, очнясь, перстомъ мнѣ на окошко, на бѣса сидящаго указуетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его. Азъ же покропилъ водою окошко: и бѣсъ сошелъ въ жерновый уголъ. Братъ же паки за нимъ перстомъ указуетъ. Азъ же и тамъ покропилъ водою: бѣсъ же оттоля пошелъ на печь. Братъ же и тамъ ево указуетъ. Азъ же и тамъ тою же водою. Братъ же указалъ подъ печь, а самъ перекрестился. И я не пошелъ за бѣсомъ, но напоилъ брата во имя Господне святою водою. Онъ же, вздохня изъ глубины сердца, ко мнѣ проглагола сице: спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и у двухъ князей бѣсовскихъ! Будетъ тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за доброту твою. Да и малчику тому спаси Богъ,

который ходилъ въ церковь по книгу и по воду ту святую, пособлялъ тебѣ съ ними битца. Подобіемъ онъ, что и Симеонъ другъ мой. Подлѣ реки Сундовика меня водили и били, а сами говорятъ: намъ де ты отданъ за то, что братъ твой на лошедь промѣнялъ книгу, а ты ее любишъ".

Такимъ образомъ, бѣсноватый, хотя и очувствовался, но не узналъ своихъ. „И я ему говорю: я, реку, свѣтъ, братъ твой Аввакумъ! И онъ отвѣщалъ: какой ты мнѣ братъ? Ты мнѣ батько! отнялъ ты меня у царевича и у князей: а братъ мой на Лопатищахъ живетъ — будетъ тебѣ бить челомъ. Вотъ вы здѣсь съ нами же на Лопатищахъ, а кажется ему подле реки Сундовика. А Сундовикъ верстъ съ пятнадцать отъ насъ подъ Мурашкинымъ да подъ Лысковымъ течетъ". Три недѣли Аввакумъ „бился съ бѣсами, что съ собаками", и не отступили они отъ Евфимія, пока протопопъ не выкупилъ святую книгу.

Разъ даже человѣку столь святой жизни, какъ протопопъ Аввакумъ, приходилось иной разъ биться съ бѣсами, какъ съ собаками, тѣмъ труднѣе было справиться съ ними заурядному духовенству. Весьма часто заклинатель, вмѣсто того, чтобы изгнать бѣса, самъ бывалъ отъ него обруганъ и обличенъ въ такихъ грѣхахъ, что — со стыда сгорѣть.

— Охъ, вы, пожиратели! — кричалъ попамъ дьяволъ, бушевавшій въ Москвѣ „у Спаса на Куличкахъ". Ну, гдѣ вамъ справиться со мною? Сами пьяны, какъ свиньи, а хотѣли меня выгнать... Священный санъ нисколько не пугалъ этого проказливаго бѣса. Побаивался онъ только одного священника благочестивой жизни, по имени Иларіона. Одинъ изъ заклинателей, дьяконъ, уснулъ. Дьяволъ же дерзнулъ поцѣловать его въ губы и громко воскликнулъ, обращаясь къ самому Иларіону: „Я поцѣловалъ въ уста дьякона вашего, что на полатяхъ лежитъ: долгіе у него волосы, но студеныя губы". — „Какъ ты смѣлъ, окаянный, на это ерзнуть!" — спрашивалъ Иларіонъ. — „А я узналъ, что онъ, не перекрестясь, заснулъ", — отвѣтствовалъ дьяволъ. Да и Иларіону онъ мѣшалъ молиться, подкатываясь, когда

священникъ клалъ земные поклоны, ему подъ ноги въ видѣ сѣраго кота. (Буслаевъ. Бѣсъ).

Дьяволы, которые одержали Соломонію Бѣсноватую, также наговорили непріятныхъ правдъ попамъ, явившимся ихъ заклинать изъ Устюга Великаго, привели духовенство въ стыдъ и заставили замолчать: — „і каковъ человѣкъ в какихъ рѣчахъ оспоритъ ихъ, или учнетъ бранить, і они, окаяннiі враги, всякихъ людей бранящe і обличающе всякими грѣховными виды, кто что сотворилъ каковъ грѣхъ, і обнажающе совѣсть всякаго человѣка, и много прящеся отхожаху". (См. „Одерж. Русь", 171—172).

7.

Алтарное проклятіе бѣсовъ, однако, не помогло Соломоніи. Тогда бѣсноватую поповну начали лѣчить въ родительскомъ дому уже откровенно колдовскими средствами, прибѣгли къ помощи мѣстныхъ „опасныхъ". Повѣсть не сообщаетъ о томъ прямыми словами, но такъ оно явствуетъ изъ слѣдующихъ ея строкъ. По возвращеніи изъ бѣсовскаго плѣна домой и послѣ алтарнаго волхвованія, Соломонія тяжко заболѣла.

Оттолѣ же Соломония оттого демонскаго мучения і от ранъ в болѣзнь впаде близь смерти, і во единъ от дней мало усну отъ тоя болѣзни, і видѣ во снѣ нѣкую жену святолѣпну, пришедшу к ней, і глагола: Соломоние! поиди ты ко граду Устюгу, а здѣ не живи ни мало, і от волхвовъ себѣ не ищи исцѣления; не будетъ тебѣ от нихъ помощи. Соломония же вопрошаше імени ея. Она же рече: азъ есмь нарицаюся

А съ того времени Соломонія отъ демонскаго мученія и отъ ранъ, впала въ болѣзнь и была близка къ смерти. Но однажды немножко забылась она отъ той болѣзни сномъ и увидѣла во снѣ, что пришла къ ней нѣкая женщина, святой и прекрасной наружности, и говоритъ: „Соломонія! Иди ка ты въ городъ Устюгъ, а здѣсь не оставайся жить ни на малое время, и не ищи себѣ исцѣленія у волхвовъ: не

преподобная Өеодора! І абие невидима бысть. Она же убудися от сна и повѣда видѣние отцу своему.

будетъ тебѣ отъ нихъ помощи". Тутъ Соломонія спросила женщину объ имени, и та отвѣтила: „Меня зовутъ — преподобная Өеодора". И въ тотъ же мигъ стала невидима. Соломонія же пробудилась отъ сна и разсказала видѣніе отцу своему.

Удивляться тому, что малограмотный сельскій попъ въ полудикой глуши XVII вѣка, отчаявшись въ цѣлительныхъ силахъ своей іерейской благодати, прибѣгъ къ лѣченію больной дочери колдовскими средствами, — не приходится. Подобныхъ примѣровъ много мы имѣемъ и отъ позднѣйшихъ вѣковъ. Весьма извѣстный писатель прошлаго столѣтія, Е. Л. Марковъ, курскій помѣщикъ, свидѣтельствуетъ, что въ его уѣздѣ, — стало быть, въ среднерусской черноземной полосѣ, гораздо культурнѣйшей Заволочья и Задвинья, въ которыхъ мы вращаемся, — бывали на его памяти священники, довѣрявшіе чарамъ колдуновъ гораздо больше, чѣмъ церковному богослуженію и своимъ молитвамъ. (Ист. В. 1887. IV. 10—11). Въ 1902 г., живя въ Минусинскѣ, я неоднократно слыхалъ о нѣкоторыхъ священникахъ въ разбросанныхъ по степи селахъ, что батюшки „пришаманиваютъ" и, если сами не „камлаютъ", то весьма не прочь посмотрѣть и послушать досужаго „кама" съ его расписнымъ волшебнымъ бубномъ. Н. С. Лѣсковъ въ превосходномъ своемъ разсказѣ „На краю свѣта" сообщаетъ, со словъ знаменитаго сибирскаго епископа-миссіонера Иннокентія, впослѣдствіи московскаго митрополита, какъ нѣкій соборный протопопъ допился сибирской наливки на ягодѣ облѣпихѣ до галлюцинаціи, будто въ него въѣхалъ возъ сѣна. И, лежа въ окнѣ, на которомъ это бѣдствіе съ нимъ приключилось, „ни за что не соглашался встать, потому что въ немъ возъ сидитъ; лѣкарь не находилъ лѣкарства противъ сего недуга; тогда шаманку призвали; та повертѣлась, постучала и велѣла на дворѣ возъ сѣна наложить и назадъ выѣхать; больной принялъ, что

это изъ него выѣхало, и исцѣлѣлъ". (Н. С. Л. Изд. Маркса. VII. 113).

Такимъ образомъ, двоевѣріе, господствовавшее въ Ерогоцкой волости, вполнѣ раздѣлялось обитателями мѣстной поповки, — и даже не безъ предпочтенія въ сторону черной силы. Семья попа Дмитрія, вмѣстѣ съ нимъ самимъ, искренно вѣрила во всѣ таинственныя похожденія злополучной Соломоніи и признавала себя безсильною противъ дьявольскаго напущенія: „Отецъ же і мати ея, видя таковую гибель дщери своея, плакахуся зѣло и недоумѣвахуся"... „Отецъ же и мати ея і вси сердоболи, слышавше глаголемая от нея, плакахуся зѣло і едва престаша от слезъ"... Только и всего противодѣйствія. Мало того: попъ Дмитрій не только суевѣрно покорствовалъ дикимъ галлюцинаціямъ бѣсноватой дочери, но мало по малу и самъ ими заражался и вскорѣ, въ свою очередь, сталъ галлюцинировать, а за нимъ и вся семья. (См. въ „Одерж. Руси" стр. 171).

Примѣчаніе. Недавно я прочиталъ гдѣ то, но, къ сожалѣнію, не помню, гдѣ, что іерархъ, изображенный Лѣсковымъ въ разсказѣ „На краю свѣта" (см. выше 81) не митр. Иннокентій, но архіеп. Нилъ Тобольскій.

V.

„Никола Знаменскій“.

1.

Чтобы живо вообразить край и народъ, среди котораго бѣсновалась Соломонія, полезно перечитать „Подлиповцевъ“ Ѳ. М. Рѣшетникова. А для того, чтобы вообразить поповскую семью, дѣлившую съ нею ужасъ и горе ея бѣснованія, тотъ же авторъ предлагаетъ намъ въ надежное пособіе разсказъ „Никола Знаменскій“: фотографическій портретъ дикаго попа, затеряннаго среди дикихъ прихожанъ въ дикой глуши Березовскаго края.

„Лицомъ, походкой, одеждой и словами мой родитель (разсказъ ведется отъ имени сына Николы Знаменскаго) нисколько не отличался отъ крестьянъ Березовскаго уѣзда. Лицо у него было желтое, глаза большіе съ большими рыжими бровями, которыя росли въ разныя стороны и потому придавали лицу угрожающій видъ; носъ широкій, а когда онъ хохоталъ, то ноздри дѣлались очень широки, оттопыриваясь кверху; борода и волосы были пепельнаго цвѣта, большіе, какъ у крестьянъ, и никогда не чесались. Отецъ мой не любилъ большихъ волосъ и всегда смѣялся надъ тѣми, которые носили косичку: „чортъ не чортъ, чучело не чучело“, говорилъ онъ и плевалъ въ сторону. Роста онъ былъ средняго, но мужикъ здоровенный; говорилъ басомъ, и его, пьянаго, было далеко слышно. У него была только одна ряса изъ зеленаго сукна, доставшаяся

ему отъ тестя. Эту рясу онъ надѣвалъ только въ Пасху, въ Троицу, въ Николинъ день, въ Рождество, да когда ѣздилъ въ городъ къ благочинному, а въ остальное время она висѣла въ чуланчикѣ, гдѣ крысы порядочно ее портили каждый годъ, и моей матери, забывавшей о ней въ обыкновенное время, было не мало хлопотъ законопатить ее, что̀ она исправляла посредствомъ холста или просто тряпокъ“.

Богъ вѣсть, какой почтенной древности могла быть эта ряса. Описаніе ея точнѣйше сходится съ разсказами о цвѣтномъ суконномъ одѣяніи московскаго духовенства въ запискахъ Вармунда, Павла Дьякона, Коллинса и др., — и чаще всего именно о зеленомъ или багровомъ. (Рущинскій. 128). Предметы одежды, а также посохи, скуфьи, камилавки, наперсные кресты, тѣльники, въ старинномъ русскомъ духовенствѣ, передавались наслѣдственно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и по родству, и по свойству; обозначались съ примѣтами въ рядныхъ записяхъ, какъ цѣнныя части приданаго; вымѣнивались по пріятельству изъ фамиліи въ фамилію одного и того же рода, рѣдко выходя въ чужой родъ. Духовенство было бережливо и скопидомно (конечно, за исключеніемъ пьяницъ). Мой дѣдъ съ материнской стороны, масальскій протоіерей Иванъ Филипповичъ Чупровъ, скончавшійся въ 1873 году старикомъ за семьдесятъ лѣтъ, оставилъ по себѣ множество шитыхъ поясовъ и тростей. Изъ послѣднихъ многія (и лучшія) достались дѣду отъ прадѣда, а тотъ, въ свою очередь, получилъ ихъ при женитьбѣ (слѣдовательно, около 1800 года) отъ тестя, бывшаго также не первымъ ихъ владѣльцемъ. По разсказамъ моего отца, у дѣда въ обиходной утвари были вещи, считавшія себѣ полтораста и больше лѣтъ. Потомство, ушедшее изъ духовнаго званія, слишкомъ мало дорожило этимъ стариннымъ добромъ и равнодушно допустило его расточиться неизвѣстно куда, въ большей части — раздаривъ наслѣдственную рухлядь бѣднымъ родственникамъ, оставшимся въ духовенствѣ. Никола Знаменскій былъ старше дѣда, по крайней мѣрѣ, на два поколѣнія. Поэтому неудивительно было бы, если бы его зеленая суконная ряса

помнила XVII вѣкъ и, будучи современницей Соломоніи, въ ея годы украшала какого нибудь устюжскаго, чердынскаго или вычегодскаго протопопа.

„Носилъ Никола Знаменскій лапти собственнаго издѣлія и крестьянскую шапку, сшитую изъ бараньей шкуры съ шерстью, и эта шапка, ношенная имъ не одинъ десятокъ лѣтъ, была очень тяжела отъ починиванья и была очень ему дорога. Другого одѣянія на ноги и на голову отецъ не имѣлъ. Зимой и лѣтомъ онъ носилъ длинный полушубокъ, состоящій изъ телячьей, овечьей и козлиной шкуръ съ шерстью, съ тою разницею, что зимой шерсть была внутрь, а лѣтомъ снаружи. Этотъ полушубокъ былъ ужасно тяжелъ для насъ, восьмилѣтнихъ мальчугановъ, и мы удивлялись, какъ это отецъ можетъ носить такую тяжесть. Былъ у него и коричневый армякъ, но онъ былъ отцу дороже рясы и надѣвался рѣдко“.

„Представьте себѣ его сидящимъ въ кабакѣ въ полушубкѣ, опоясанномъ веревкой изъ лыка, съ рукавицами или безъ рукавицъ, въ лаптяхъ, съ перевязанными до колѣнъ штанинами лычной бичевкой, и разсуждающимъ съ мужиками о разныхъ разностяхъ, а преимущественно о ловлѣ звѣрей и птицъ; или представляйте его отправляющимся съ дьячкомъ Сергунькой въ лѣсъ, въ такой же одеждѣ, только у отца на спинѣ болтается мѣшокъ съ хлѣбомъ, солью и ножикомъ, въ правой рукѣ чугунный ломъ, которымъ онъ подпирался, какъ палкой, а за веревку, опоясывавшую полушубокъ, вдѣтъ топоръ съ топорищемъ — это онъ идетъ бить медвѣдей; или идетъ отецъ съ Сергунькой, концы толстой палки у того и у другого на плечахъ, а на этой палкѣ виситъ убитый медвѣдь, ломъ затянутъ въ веревку, топоръ за опояску дьячка Сергуньки“.

По всей вѣроятности, такимъ христіанскимъ пастыремъ остался бы доволенъ даже Памъ Сотникъ, который, предъ Стефаномъ Пермскимъ, насмѣхался надъ русскими, что они не умѣютъ охотиться на медвѣдей иначе, какъ облавой, тогда какъ пермякъ, подъ покровительствомъ своихъ боговъ, привыкъ бить медвѣдя въ одиночку. Въ картинѣ

Рѣшетникова нѣтъ преувеличенія. Въ „Годѣ на сѣверѣ“ С. В. Максимова то же самое разсказывалъ писатель и общественный дѣятель Печорскаго края, М. Ѳ. Истоминъ, о родномъ дѣдѣ своемъ, священникѣ, отцѣ Иванѣ Истоминѣ. „Епархіальному архіерею сдѣлали доносъ на дѣда, будто бы онъ, съ нѣкоторыми крестьянами, ходилъ на медвѣдя. Не знаю, справедливъ ли былъ этотъ доносъ, но не могу и сомнѣваться. По преданію, дѣдъ былъ человѣкомъ общительнымъ, откровеннымъ, веселаго характера и могъ быть за панибрата съ зырянами. Къ тому же онъ былъ одаренъ необыкновенною силою, которая могла, во всякое время, особенно подъ хмѣлькомъ, соблазнить его потягаться съ медвѣдемъ“. (С. В. М. IX. 276).

Продолжая, можно представить себѣ Николу Знаменскаго въ богатырской роли умыкателя невѣсты, отбивающимъ, съ топоромъ въ рукахъ, свою любезную у строптиваго и гордаго отца.

— „Пошелъ я къ попу, — разсказывалъ про свою женитьбу Никола Знаменскій: — топоръ для страха взялъ. Прихожу къ нему, онъ жену за косы теребитъ. Вотъ я какъ крикну: видишь это? и показалъ ему топоръ; у попа руки опустились и языкъ высунулся. А жена его выбѣжала на улку и кричитъ: „ой, попа рѣжутъ! ой, попа рѣжутъ!“ А я тѣмъ временемъ схватилъ попа и кричу: коли Настьку за меня не отдашь, косички твои обрублю... Попъ испугался и кричитъ: „отдамъ! отдамъ!“ Врешь? — баю. „Вотъ тѣ Христосъ!“ баетъ. Ну, и начали же мы плясать съ нимъ! Народъ было собрался въ избу, да мы его брагой угостили. А Настьку, какъ слѣдуетъ по божьему закону, я къ отцу привелъ, наказалъ до свадьбы не обижать ее, а то, ей Богу, молъ, косу обрублю и попу, и попадьѣ“.

Можно, пожалуй, представить себѣ Николу Знаменскаго лѣснымъ колдуномъ, какимъ и почитали его враждовавшія съ нимъ, глупыя свояченицы, распуская слухъ, будто онъ „посадилъ имъ по килѣ; у нихъ было по грыжѣ подъ подбородкомъ — мѣстная болѣзнь, происходящая тамъ и теперь отъ нечистоты и вліянія климата“.

2.

Единственно, кѣмъ мудрено современному читателю представить себѣ Николу Знаменскаго, это—христіанскимъ священникомъ. Что не помѣшало ему, однако, привести въ христіанскую вѣру цѣлый черемисскій околотокъ, съ язычествомъ котораго, ни до Николы Знаменскаго, ни послѣ Николы, не могли совладать настоящіе, православно-вѣрующіе и богословски обученные, попы.

Правда, христіанство, насажденное этимъ страннымъ миссіонеромъ, походило, какъ нельзя болѣе, на новое язычество. Правда, безграмотный, посвященный изъ дьячковъ въ попы за 80 рублей ассигнаціями данной благочинному взятки, Никола Знаменскій не іерействовалъ, а волхвовалъ и кудесилъ именемъ Христа, вертя церковнымъ обрядомъ, едва ему знакомымъ по наслышкѣ, какъ воображеніе подсказывало. Но именно такой первобытный попъ-колдунъ и пришелся ко двору знаменскимъ лѣсовикамъ, прихожанамъ. Стоя на уровнѣ подлиповской культуры, они не въ состояніи были понять истинно религіознаго священника, да не очень то понималъ и самъ просвѣтитель Никола.

О своемъ предшественникѣ, присланномъ утверждать полуязыческую Знаменскую паству въ православной вѣрѣ изъ далекой Рязанской губерніи, человѣкѣ, замѣтно, искренне религіозномъ, Никола разсказывалъ, какъ о непостижимомъ для него какомъ то шутѣ гороховомъ. Священникъ никакъ не могъ заманить прихожанъ въ церковь и, вмѣсто того, чтобы просвѣтить дикарей, самъ, среди нихъ одичалъ. „Черезъ три года, какъ въ село пріѣхалъ, половину обѣдни позабылъ. А книжки одново раза подлецы черемисы со всѣми иконами, ризой, поповской рясой, что въ алтарѣ висѣла, и сосудами, растащили и виноватыхъ не нашли“...

„— Найдетъ на моего попа благой стихъ, позоветъ меня да старосту, и пойдемъ служить обѣдню: я часы кое какъ прочитаю, онъ эктенью скажетъ черезъ два въ третій, евангеліе прочитаетъ, „иже херувимы“ пропоемъ... Онъ придурой, што ли былъ — не знаю: какъ я запою: отло-

жимъ попеченіе... онъ плачетъ, и плачетъ — што есть жалко его... Я и баю: чево ты нюни то распустилъ? Вылѣзай, баю... Ладно што людевъ то не было, окромя старосты, да и тотъ едва мизюкаетъ"...

Религіозное умиленіе, существо и смыслъ богослуженія были доступны этому православному попу едва ли въ много большей мѣрѣ, чѣмъ подлиповцу Пилѣ, который, можетъ быть, былъ его прихожаниномъ. Добротою и простотою сердца Никола Знаменскій могъ бы служить примѣромъ любому христіанину, но то былъ даръ природы, а не религіи. Въ вѣрѣ онъ разумѣлъ только внѣшній культъ, но сложности православнаго культа и не въ состояніи былъ, и не старался усвоить. Память подсказывала ему кое какіе обрывки богослуженія и церковныхъ правилъ, схваченныхъ въ молодости, когда онъ дьячилъ при священникѣ-рязанцѣ. Изъ этихъ обрывковъ онъ мастерилъ собственный самодѣльный культъ, безсознательно приближаясь въ немъ къ естественной религіи окружающихъ дикарей — къ поклоненію, подъ христіанскими именами, явленіямъ природы, смѣнамъ временъ трудового и кормящаго года.

По наблюденіямъ г. Плотникова, нарымскіе остяки,— „младенцы христіанской вѣры", какъ опредѣлилъ ихъ томскій епископъ Макарій, — „на пути съ чествованіемъ идоловъ, исполняютъ христіанскія требы и соблюдаютъ праздники. Для исполненія требъ обращаются къ священнику, въ избахъ своихъ въ переднемъ углу имѣютъ иконы, молятся передъ ними, возжигаютъ свѣчи, носятъ шейные крестики и называются всѣ христіанскими именами. Праздники инородцы чтутъ ничего-недѣланіемъ въ эти дни, а нѣкоторые возжиганіемъ свѣчей передъ иконами и поклонами безъ молитвъ (которыхъ не знаютъ), или какой нибудь импровизированной молитвой, вродѣ слѣдующей: „Золотой Богъ! Мать и Отецъ! мнѣ звѣря пошли!" (Плотн. 60—61). Нельзя поручиться за то, чтобы въ эктеньи Николы Знаменскаго не вкрадывались подобныя же практическія моленія, болѣе понятныя и любезныя и звѣроловной паствѣ, и ему самому, медвѣжатнику, чѣмъ объ отдален-

номъ за тридевять земель царственномъ градѣ, епархіальномъ архіереѣ, мирѣ всего міра и спасеніи душъ.

Г. Плотниковъ указываетъ, что нарымскіе остяки-христіане, справляя русскіе праздники, называютъ ихъ именами изъ своего натуральнаго календаря. Пасха — „Лонъ-Катылъ", Гусиный День, потому что около пасхальныхъ чиселъ начинается въ Нарымскомъ краѣ прилетъ дикихъ гусей. Петровъ день — Утячій праздникъ и т. д. Подобно остяцкимъ и вотяцкимъ „младенцамъ христіанства", попъ Никола Знаменскій не умѣлъ считаться съ церковнымъ календаремъ, а руководился натуральнымъ, по соображенію стоявшей погоды, нисколько не заботясь, совпадаютъ ли его праздники и посты съ назначенными для нихъ числами. Поэтому знаменцы часто „капусту ѣли да рѣдьку хлебали" въ мясоѣдъ („молостъ") и, наоборотъ, отгуливали „Петро-Павлу" за недѣлю до праздника и разговѣнья.

„У отца выходило такъ: стаялъ снѣгъ, появилась трава — это значитъ Вознесенье, а тутъ скоро и Никола, а за Николой и Троица.

„ — А што, Микола скоро? спрашиваютъ крестьяне.

„ — Какъ снѣгъ стаетъ, да первый дождь будетъ, тутъ значитъ и Микола.

„ — А скоро?

„ — Да вишь ты, все снѣгъ. Съ горъ то снѣгъ стаялъ, а у насъ нѣтъ.

„А если на другой день пойдетъ утромъ дождь, онъ, не справившись въ городѣ (у сестры, авторитетъ которой по церковному обряду замѣнялъ Николѣ Знаменскому уставъ) служитъ обѣдню".

Какъ служитъ, открылось только при новомъ, ретивомъ благочинномъ. Никола не успѣлъ ублаготворить его, какъ прежняго, равнодушнаго взяточника, отпускавшаго дикому попу, за лукошко яицъ, грѣхъ „отгуливать Петро-Павлу" за недѣлю до срока. Страшно провалился Никола на экзаменѣ у новаго благочиннаго. „Пошелъ отецъ въ церковь съ благочиннымъ и дьячка Сергуньку взялъ. Облекся отецъ въ холщевую ризу и началъ обѣдню. Церковь была полна любопытными. Съ самаго приступа, бла-

гочинный замѣтилъ отцу, что онъ вретъ, и потомъ, вдругъ пріостановивъ службу, одѣлся въ привезенныя изъ города облаченія и сталъ самъ продолжать службу со своимъ дьячкомъ. Отцу было стыдно; Сергунька сердился. Народъ, видя, что служитъ не Никола Знаменскій, вышелъ изъ церкви".

. Послѣднее указаніе особенно замѣчательно. Когда Николу, за невѣжество и не пристойные сану поступки (въ числѣ послѣднихъ, не забыты были его единоборства съ медвѣдями), былъ посланъ сперва на покаяніе, потомъ отданъ подъ судъ и лишенъ священства (за неведеніе метрикъ, значенія которыхъ онъ не понималъ), прихожане возмутились и не хотѣли принимать другихъ священниковъ. За это начальство уморило Николу въ острогѣ, но съ крестьянами ничего не могло сдѣлать. Они твердили, что „не бывать ужъ такому доброму попу, каковъ былъ Никола Знаменскій", и новыхъ поповъ выживали отъ себя бойкотомъ, ничего имъ не давая и ни за чѣмъ къ нимъ не обращаясь.

Въ такихъ дикихъ мѣстахъ не могло, конечно, сохраниться памяти о выборномъ приходскомъ священствѣ XVII в., но — проявился естественный инстинктъ выборнаго права. Приходъ желалъ своего выборнаго попа, а не назначеннаго начальствомъ чужака. Такая пассивная борьба приходовъ за выборное священство продолжалась въ теченіе всего XVIII вѣка и, пережитками, въ компромиссахъ, перебралась даже въ XIX. Въ несравненно болѣе культурныхъ мѣстностяхъ, не исключая Украйны и подмосковныхъ городовъ, положеніе священнослужителей по назначенію было не легче, чѣмъ привелось преемникамъ Николы Знаменскаго. Передъ „присланнымъ" попомъ запирали двери, когда онъ ходилъ съ молитвой, обращались за требами къ другимъ священникамъ, отказывали ему въ ругѣ, говоря: „кто тебя прислалъ, тотъ пусть тебѣ и платитъ". Малѣйшее требованіе вознагражденія за трудъ, безпрекословно платимаго выборному попу, вызывало противъ попа назначеннаго ропотъ и опасныя жалобы по начальству, какъ на вымогателя. (П. Знам. 754).

Горемычную судьбу священника по назначенію въ XVIII вѣкѣ подробно изобразилъ Сушковъ, біографъ знаменитаго московскаго митрополита Филарета Дроздова. Отецъ будущаго іерарха, Михаилъ Федоровичъ Дроздовъ, священствовалъ въ Коломнѣ „не по желанію прихожанъ, а по выбору епархіальнаго начальника“. „Отсюда недоброжелательство прихожанъ къ ихъ смиренному пастырю. Въ намѣреніи заставить его удалиться, они умалили до крайней степени свои ему приношенія на хлѣбъ насущный при исполненіи духовныхъ требъ. Такъ ни радостное рожденіе младенца, ни благоговѣйное напутствованіе умирающаго, ни свадьба, ни похороны, ни крестины, ни молебствія въ храмовые и семейные праздники, даже свѣтлый день воскресенія не сопровождались тѣми по силѣ каждаго приношеніями, безъ которыхъ трудъ и лишенія усугубляются въ безпомощной семьѣ... Супруги Дроздовы истинно по Евангелію „всякій день брали крестъ свой“. (Зап. о жизни и вр. Фил. 30—31).

3.

Не справившемуся съ упрямствомъ поклонниковъ Николы Знаменскаго, начальству пришлось перевести приходъ въ другое село. Церковь недолго устояла: сгорѣла отъ молніи. Народъ же, оставленный безъ попа и безъ церкви, конечно, не замедлилъ утратить изъ своего двоевѣрія даже и ту долю сомнительнаго христіанства, которую Никола Знаменскій успѣлъ вбить въ своихъ скептическихъ прихожанъ отчасти крѣпкимъ кулакомъ, а пуще религіознымъ волхвованіемъ.

Съ крещеными черемисами этотъ священно-волхвъ продѣлывалъ удивительныя штуки. Черемису, какъ христіанину только по имени и регистраціи, конечно, — куда какъ не въ охоту держать въ избѣ, на виду, въ красномъ углу, православный образъ. Поэтому онъ, на все время,— Миколу Чудотворца подъ лавку, а, въ случаѣ, если ждетъ посѣщенія приходскаго попа, вѣшаетъ икону, на тотъ срокъ, съ должнымъ почетомъ въ красный уголъ. Николѣ

Знаменскому эти продѣлки новокрещеновъ надоѣли. Рѣшилъ отучить, да кстати и покормиться.

„Отецъ условился съ дьячкомъ, чтобы тотъ сталъ у угла дома на улицѣ и отвѣчалъ на его слова. Барыши они условились дѣлить поровну и пошли вечеромъ. Сталъ дьячокъ непримѣтно у угла избы, а отецъ входитъ въ избу и видитъ, черемисъ вѣситъ образъ въ уголъ.

„ — А! обманывать?! Ты думаешь, я не знаю, что ты снимаешь образъ? кричитъ отецъ.

„ — Упалъ.

„ — Врешь, собака! А вотъ я спрошу образъ...

„ Черемисъ улыбается.

„ — Што, смѣшно? Ты не вѣришь, што онъ баетъ?

„ Черемисъ хохочетъ.

„ — Такъ вотъ тѣ сказъ: коли образъ баять будетъ, я всѣхъ твоихъ чучелъ спалю, а ты долженъ всю жизнь молиться ему.

„ Черемисъ хохочетъ.

„ Отецъ ударилъ черемиса по лицу и сказалъ:

„ — Такъ ты, образина ты эдакая, надъ святымъ ликомъ хохочешь? Никола дождика даетъ, Никола здоровье даетъ, Никола хлѣбъ даетъ, Никола тебя сичасъ громомъ убьетъ...

„ — Не убьетъ.

„ А дьячокъ между тѣмъ провертѣлъ въ углу въ пазахъ дыру, какъ разъ около иконы, и кричитъ:

„ — Убью!!

„ Черемисъ испугался.

„ — Што? сказалъ сердито отецъ и кричитъ: — Скажи батюшка, Микола угодникъ, пошто онъ тебя снялъ?

„ — Своимъ богамъ молится, нашу вѣру не любитъ. Скажи ему, што я ему большую болѣзнь пошлю, коли онъ своихъ боговъ не сожжетъ.

„ — Слышишь?

„ Черемисъ въ землю сталъ молиться и шепчетъ:

„ — Не жги моя бога; моя бога лучше твоя бога.

„ — Только ты скажи одно слово, раздавлю тебя. Никола, поберегись! — кричитъ дьячокъ.

„ — Ай-ай-ай! закричалъ черемисъ и побѣжалъ за чучелами.“

Когда онъ приносилъ чучелъ, то отецъ топталъ ихъ ногами, такъ какъ онѣ были глиняныя. Потомъ черемисъ далъ моему отцу двухъ свиней.

„Послѣ этого чуда бѣдный черемисъ долго глядѣлъ на икону, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, лепеталъ что то по своему и повѣсилъ опять на стѣнку; потомъ онъ сталъ молиться и спрашивать икону, даже кричалъ, да икона не давала отвѣта. Пошелъ черемисъ съ жалобой къ отцу, что образъ говорить не хочетъ; отецъ взялъ съ собой дьячка, и образъ опять заговорилъ. Послѣ этого черемисъ не снималъ образа и даже сталъ ходить въ церковь, думая, что попъ Микола съ образами разговариваетъ; его примѣру послѣдовало нѣсколько черемисовъ“.

Микола Знаменскій скончалъ свое житіе въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда подобныя „людища аки чудища“ были уже исключительною рѣдкостью, вообразимою лишь въ суземныхъ пустыняхъ за Чердынью, — въ 50 верстахъ отъ нея и попилъ Никола. Въ среднихъ годахъ XVII столѣтія дикій попъ былъ для сѣверовосточной русской окраины не исключеніемъ, но почти правиломъ. О. Дмитрій, священствовавшій на два слишкомъ градуса южнѣе, въ 42 поприщахъ отъ бойкаго Устюга Великаго, являлъ собою пастыря, едва ли много отличнаго отъ Николы Знаменскаго. Возможно, что онъ не былъ такимъ богатыремъ и не билъ медвѣдей одинъ на одинъ чугуннымъ ломомъ. Возможно, что онъ былъ религіознѣе Николы, что показываетъ его позднѣйшее постриженіе въ монахи. Но въ суевѣріи онъ много превосходилъ Николу, изряднаго скептика на счетъ нечистой силы, и, въ довѣрчивой растерянности страха предъ невѣдомымъ, приближался скорѣе къ черемису, котораго Никола такъ безповоротно запугалъ говорящимъ образомъ. По быту и всему житейскому складу, попъ Дмитрій лишь скуфейкою да стриженымъ гуменцомъ

отличался отъ прихожанъ своихъ: былъ мужикъ среди мужиковъ, лѣсакъ среди лѣсаковъ. Крестьянствовалъ, видимо, дружилъ съ крестьянствомъ, судя по замѣтно участливому отношенію сосѣдей къ его семейному несчастію, — и даже роднился не въ своей духовной средѣ, а выдалъ дочь за крестьянина.

VI.

Каста.

1.

Судя по браку Соломоніи, попъ Дмитрій имѣлъ не малую семью, и Соломонія была не единственною его дочерью, хотя повѣсть не говоритъ, чтобы она имѣла сестеръ, а упоминаетъ только о братѣ. Будь Соломонія единственною или даже хотя бы старшею дочерью, выдача ея за крестьянина была бы чрезвычайно необыкновенна, чтобы не сказать: невозможна. Браки дѣвицъ духовнаго сословія съ женихами другихъ званій были рѣдкостью даже въ первой половинѣ XIX столѣтія, ранѣе же — почти неслыханными. Казалось бы, такой замкнутости брачнаго круга должно было противодѣйствовать выборное начало, открывавшее доступъ въ духовное званіе лицу любого происхожденія, лишь бы оно было угодно избирателямъ. Въ дѣйствительности же, выборное начало не противодѣйствовало, а скорѣе содѣйствовало.

Кандидатъ, желавшій занять мѣсто священника въ приходѣ, обращался съ просьбой о томъ къ приходскому міру. Правомъ міра было его избрать, обязанностью — избравъ, обезпечить. Но на томъ компетенція міра кончалась. Поставить своего избранника себѣ въ попы онъ не могъ; это дѣло власти духовной, дѣло архіерея. Къ нему и направлялъ міръ челобитную о посвященіи своего „излюбленнаго“. Архіерей могъ удовлетворить просьбу міра только

въ томъ случаѣ, если „излюбленный" удовлетворялъ каноническимъ требованіямъ отъ посвящаемаго въ іерейскій санъ. Такимъ образомъ, избраніе сводилось, собственно говоря, только къ предпочтительному праву избранника на архіерейскій экзаменъ. Выдержишь, — попъ будешь; провалишься — не бывать тебѣ въ попахъ, хотя ты и излюбленный. (Такъ было въ принципѣ, практика XV—XVII вв. говоритъ совсѣмъ иное). Слѣдовательно, міръ долженъ былъ избирать такого излюбленнаго, чтобы архіерей не имѣлъ каноническихъ основаній его отвести: прежде всего, человѣка съ подготовкою къ священнослуженію и требоисправленію. Понятно, что подходящій кандидатъ легче всего находился въ духовной семьѣ, чѣмъ въ семьяхъ мірскихъ.

Поэтому, хотя бывали посвященія изъ крестьянъ и посадскихъ, притомъ иногда даже не членовъ общины, а приглашенныхъ со стороны, но, въ подавляющемъ большинствѣ, на мѣсто священника, умершаго или покинувшаго служеніе за старостью либо вдовствомъ, выставлялъ свою кандидатуру, избирался и посвящался его сынъ, братъ, внукъ, племянникъ, зять. Такъ повелось твердо еще съ XVI вѣка. Соборный приговоръ 1551 г. безусловно наказываетъ: „А который попъ или дьяконъ овдовѣетъ и останется у него сынъ или братъ, или зять, или племянникъ, на его мѣсто пригожій, грамотѣ гораздый и искусный, то его въ попы на мѣсто поставить. (Сол. II. 417. Т. гл.).

Въ XVII же столѣтіи идея наслѣдственности духовнаго служенія сдѣлала, въ порядкѣ обычнаго права, широкій шагъ впередъ. Стала развиваться и укрѣпляться мысль и практика наслѣдственности не только духовнаго званія вообще, но и, въ частности, правъ на священнослужительство при извѣстной родовой церкви и въ извѣстномъ санѣ. Наслѣдственность въ первомъ смыслѣ, кастовую, XVIII вѣкъ засталъ уже совершенно развитою и крѣпкою. Дальнѣйшая ея практика быстро привела къ рѣшительному устраненію отъ служенія церкви всѣхъ постороннихъ кандидатовъ и къ полной замкнутости самого духовнаго званія.

Просвѣщенные современники-здравомыслы, вродѣ По-

сошкова (I. 20), и самое законодательство Петра Великаго оспаривали эту исключительность, требуя, чтобы „въ пресвитерство отсылались люди достойные, а не по отечеству ни по заступѣ“. Но безуспѣшно. Обычай узаконился и распространилъ свою власть съ священнослужительства уже и на церковнослужительство, выборъ людей для котораго въ XVII вѣкѣ, при выборномъ священствѣ, зависѣлъ, обыкновенно, всецѣло отъ священника, а иногда и отъ приходскаго міра. Въ концѣ же XVIII вѣка человѣку, не родившемуся въ духовномъ званіи, трудно было попасть даже въ церковные сторожа. Отъ времени знаменитаго московскаго архіепископа, Амвросія Зертисъ Каменскаго (убитаго въ московскомъ чумномъ бунтѣ 1771 г.), имѣется консисторское постановленіе, коимъ, въ видѣ совершенно исключительной милости, въ уваженіе усердныхъ просьбъ священника и прихожанъ, опредѣляется какая то купеческая вдова на мѣсто... просвирни! Да и то съ оговоркою: „Хотя означенную вдову, въ разсужденіи того, что она не изъ духовнаго званія, а изъ купеческаго чину, на просимое мѣсто къ преобидѣнію духовнаго чину вдовъ опредѣлять и не слѣдовало“... (Знам. 81. 109).

Кастовая наслѣдственность дробилась и суживалась въ наслѣдственность родовую и семейную. Уже въ XVII вѣкѣ приходская церковь, то и дѣло, какъ бы закабалялась въ неотъемлемое достояніе священно - и церковнослужительскихъ родовъ, члены которыхъ занимали при ней всѣ должности, ни подъ какимъ видомъ не допуская къ нимъ чужеродцевъ, хотя бы и духовнаго же званія. Члены духовнаго семейства, бывшаго зерномъ такого рода, служа изъ поколѣнія въ поколѣніе при захваченной ими церкви, соблюдали въ наслѣдованіи степеней клира послѣдовательное старшинство.

Положимъ, что у отца-священника было три сына: старшій — дьяконъ, средній — дьячокъ, меньшой — пономарь. Со смертью отца, сынъ-дьяконъ занималъ его мѣсто, сынъ-дьячокъ повышался въ дьякона, сынъ-пономарь — въ дьячка; освободившееся пономарство поступало уже въ слѣдующее поколѣніе, доставалось сыну старшаго брата,

или, если онъ не имѣлъ дѣтей мужского пола, то сыну слѣдующаго и т. д.; если этотъ новый наслѣдникъ былъ еще малолѣтенъ, то мѣсто зачислялось за нимъ до возраста. „Одинъ за другимъ переходили по разнымъ степенямъ клира, точно древніе князья по своимъ столамъ“, — характеризуетъ этотъ порядокъ историкъ русскаго приходскаго духовенства, П. В. Знаменскій. (Стр. 121). Борьба съ маленькими, но безчисленными церковными династіями, открытая при Петрѣ Духовнымъ Регламентомъ и синодскою политикою первыхъ временъ, оказалась неудачною: обычай побѣдилъ — и надолго.

2.

Еще болѣе побѣдоноснымъ оказалось и упрочилось обычаемъ наслѣдованіе церковныхъ должностей въ женскую линію духовныхъ родовъ: мѣсто шло въ приданое за дочерью, внучкою, сестрою, племянницею выбывшаго духовнаго лица, и передавалось зятю, шурину или свояку. Часто такое наслѣдованіе предпочиталось наслѣдованію по мужской линіи, а впослѣдствіи и вовсе взяло надъ нимъ верхъ.

Причиною тому было ясное сознаніе и отцами, и высшею духовною властью жалкой необезпеченности сиротѣвшихъ дѣвицъ духовнаго званія. Сыновья предполагаются способными найти себѣ какія нибудь новыя мѣста и помимо наслѣдственнаго отцовскаго. Дочерямъ же, въ прошлыхъ вѣкахъ, не было другого исхода, какъ замужъ (либо въ монастырь, для чего, однако, требовался вкладъ, а духовныя дѣвицы рѣдко бывали состоятельны). Закрѣпляя за этими безприданницами отцовскія мѣста, обычай дѣлалъ ихъ завидными, желанными невѣстами для молодыхъ людей ихъ званія и уровня. Попова, дьяконова, дьячкова дочь, даже будучи такъ бѣдна, что не приносила мужу въ приданое ни тряпки, давала ему за то должность, неотъемлемую до конца его дней, которою оба они были въ состояніи, хорошо ли, худо ли, кормиться, дѣтей выкормить

и поднять на ноги и кому либо изъ нихъ оставить ту же должность въ наслѣдство.

Порядокъ этотъ никогда не былъ признанъ высшею духовною властью оффиціально; напротивъ, въ теоріи онъ былъ осуждаемъ, какъ весьма щекотливый для авторитета Церкви, вынуждаемой здѣсь играть роль свахи, да еще и въ бракахъ случайныхъ, часто безъ малѣйшаго взаимнаго расположенія жениха и невѣсты, а иногда и съ насиліемъ надъ ихъ волею. На практикѣ же, вопіющая бѣдность духовенства заставляла значительнѣйшихъ русскихъ іерарховъ быть горячими защитниками обычая, въ которомъ они видѣли единственное средство спасать женскихъ сиротъ своего сословія отъ нищеты со всѣми ея, опасными для нравственности, послѣдствіями.

Амвросій Зертисъ Каменскій, указомъ по московской епархіи, вовсе запретилъ постороннимъ искателямъ перебивать у сиротъ наслѣдственныя мѣста и обозвалъ подобныя претензіи „предосудительною алчностью", „противною человѣколюбію и христіанскому благочестію". Насколько прочно держался такой взглядъ въ архіерействѣ и какъ рано установился его авторитетъ, можетъ служить примѣромъ слѣдующее дѣло 1721 г. Нѣкій попъ, за разные свои пороки, былъ лишенъ сана и сосланъ въ Соловки на вѣчныя времена. Попадья, оставшаяся вдовою отъ живого мужа безъ всякихъ средствъ, просила синодъ пріискать для ея дочери жениха, чтобы посвятить его на мѣсто сосланнаго распопа. Синодъ удовлетворилъ просьбу. Такимъ образомъ, сила обычая, толкуемаго, какъ „христіанскій долгъ милосердія къ сирымъ и убогимъ", торжествовала даже надъ лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ, — и еще при такомъ государѣ, какъ Петръ Великій! (Знам. 130).

Въ порядкѣ двойной наслѣдственности, слагались духовныя родословныя, не менѣе длинныя, чѣмъ дворянскія, исходящія изъ царскаго періода. Такъ, напр., въ селѣ Домнинѣ Костромской губ. (родина легендарнаго Сусанина) еще въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка церковью владѣлъ священническій родъ, начавшій въ ней свое служеніе чуть ли еще не въ XVI вѣкѣ и, во всякомъ случаѣ, ранѣе во-

царенія Михаила Θедоровича Романова (1613). Въ с. Заглухинѣ Каширскаго у. Тульской губ. преемственность священническаго служенія отъ отца къ сыну продолжается съ 1650 г. (Р. Арх. 1871. Кн. 2).Изслѣдованіе этихъ родословныхъ могло бы быть чрезвычайно интересною задачею для историка, тѣмъ болѣе, что поле совершенно еще не тронуто.

Продолжительность многихъ церковныхъ династій затемнѣна для простого глаза нелѣпымъ семинарскимъ обычаемъ, вошедшимъ въ моду въ XVIII вѣкѣ и удержавшимся до половины XIX-го, — замѣнять простыя родовыя фамиліи учениковъ новыми, якобы благозвучными, въ дѣйствительности вычурными, обыкновенно, латинскаго и греческаго корня. Фантазія архіереевъ и семинарскихъ ректоровъ, творившихъ эти новыя фамиліи, работала весьма необузданно и, въ капризахъ своихъ, была неограниченно плодовита. Отсюда получались странныя семьи, въ которыхъ отецъ былъ, по старинному, скажемъ, Воробьевъ, а сыновья — одинъ Беневоленскій, другой Апостоловъ, третій Боссюэтовъ. Н. С. Лѣсковъ увѣряетъ даже, будто секретарь какой то провинціальной консисторіи получилъ, по прихоти архіерея, очевидно, любителя французской литературы, фамилію Дюмафисъ.

Въ подобныхъ псевдонимахъ очень часто исчезали древніе духовные роды, такъ что и воспоминанія о нихъ погасали. Беневоленскій, Апостоловъ и Боссюэтовъ еще помнили, что они, по рожденію, братья Боробьевы, но въ послѣдующихъ поколѣніяхъ основная фамилія терялась окончательно, и родъ дробился на самостоятельныя вѣтви, считавшія свое начало уже не отъ дѣда или прадѣда Воробьева, но отъ перваго Беневоленскаго, перваго Апостолова, перваго Боссюэтова.

Въ особенности легко постигало подобное дробленіе духовные роды сравнительно новаго происхожденія, съ родоначальниками, проникшими въ духовное званіе изъ крестьянъ или дворовыхъ людей: воспоминаніе, не слишкомъ пріятное для иныхъ, „вышедшихъ въ люди“, потомковъ. Такъ, напр., фамилія автора этой книги, Амфитеат-

ровъ, появляется впервые около половины XVIII вѣка и была дана какому то Монастыреву или Монастырскому, происходившему, судя по фамиліи, изъ монастырскихъ крестьянъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи рода, отпала отъ Амфитеатровыхъ, черезъ переименованіе, вѣтвь Раичей (извѣстный литераторъ пушкинской эпохи, С. Е. Раичъ, переводчикъ Торквато Тассо и Аріосто, былъ родной братъ кіевскому митрополиту Филарету Амфитеатрову), Александровыхъ и др. Расшифрованные отъ псевдонимной путаницы, десятки, если не сотни, духовныхъ родовъ должны будутъ искать и найти свой корень и перваго сословнаго предка въ XVII, XVI и даже въ XV вѣкахъ.

Отрицательною стороною „христіанскаго долга милосердія къ сирымъ и убогимъ", съ теченіемъ времени совершенно подавившею его положительную сторону, явился понудительный методъ, тяжкій и для женской, но, въ особенности, для мужской половины сословія. Принадлежность къ духовному званію, черезъ брачную въ немъ же повинность, стала не только признакомъ и факторомъ касты, но порабощала мужчину въ крѣпостную зависимость. „Безъ преувеличенія можно сказать, — утверждаетъ П. В. Знаменскій, — что изъ всѣхъ лицъ бѣлаго духовенства едва ли найдется $^1/_{20}$ такихъ, которые бы поступили на совершенно свободныя мѣста, т. е. безъ всякихъ обязательствъ семейству предшественника, или безъ взятія замужъ дѣвицы, за которой было предоставлено мѣсто. Такъ какъ для нашего бѣднаго духовенства тяжело устроеніе участи не столько сыновей, сколько дочерей, то церковныя должности постоянно зачислялись и предоставлялись именно за дѣвицами духовнаго званія; для выхода замужъ духовной дѣвицы нужно было не столько приданое, сколько зачисленное за нею мѣсто; „невѣста безъ мѣста" на языкѣ духовенства означаетъ что то очень плохое, даже презрительное"

По милости этой системы пристроенія духовныхъ дѣвицъ, во многихъ епархіяхъ совершенно невозможно было найти церковное мѣсто „безъ взятія" какой нибудь дѣвицы не только воспитаннику семинаріи, но и почтенному профессору; если послѣдній имѣлъ несчастіе жениться по

своему избранію, особенно на дѣвицѣ свѣтскаго званія, онъ долженъ былъ навсегда отказаться отъ надежды посвятить себя когда нибудь священному служенію, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, и даже долженъ былъ оставлять иногда самое духовное званіе. Не было ни одного закона „ни гражданскаго, ни церковнаго, о томъ, чтобы духовныя лица не вступали въ супружества со свѣтскими дѣвицами, а между тѣмъ давно утверждалось подобное требованіе и поддерживалось очень настойчиво епархіальными властями, даже оффиціально прописывалось въ консисторскихъ билетахъ ставленникамъ на женитьбу". „Въ подмосковныхъ епархіяхъ (подъ властною рукою митрополита Филарета, убѣжденнаго стоятеля за сдачу мѣстъ въ порядкѣ приданаго) требовалось даже, чтобы духовныя лица брали себѣ невѣстъ непремѣнно въ предѣлахъ своей епархіи; этого мало, требовалось, чтобы ищущіе священства женились на дочеряхъ священниковъ, будущіе дьякона — на дьяконскихъ и т. д.; каста, не допускавшая браковъ съ посторонними, дробилась такимъ образомъ на другія мельчайшія касты по степенямъ іерархіи". (Знам. 169—170).

Въ русской художественной литературѣ этотъ странный, принудительный для мужчины, бракъ въ нѣдрахъ касты, — эндогамія своего рода, — нашелъ яркое отраженіе, въ большинствѣ случаевъ, съ окраскою рѣзкаго протеста. Самый извѣстный очеркъ такого содержанія — „Женихи и спасенные бурсы" Н. Г. Помяловскаго. Н. С. Лѣсковъ въ „Захудаломъ родѣ" разсказываетъ любопытный случай, относящійся къ концу XVIII вѣка: блестящій юноша-семинаристъ, по волѣ архіерея, вынужденъ, въ наказаніе за франтовство, взять съ мѣстомъ невѣстою старую дѣву, почти старуху. Къ общему удивленію, бракъ этотъ оказался очень счастливымъ. Глѣбъ Успенскій, Николай Успенскій, Левитовъ, Преображенскій, Забытый, Марко Вовчекъ и множество другихъ касались вопроса о мѣстахъ со „взятіемъ". Въ пережиточной формѣ оно есть даже въ „Рясѣ" Альбова, хотя здѣсь дѣйствуетъ уже культурное столичное духовенство 70-хъ — 80-хъ годовъ XIX вѣка.

3.

Въ соображенiи всего вышеизложеннаго: разъ ерогоцкiй попъ, о. Дмитрiй, долженъ былъ вывести дочь Соломонiю изъ духовнаго званiя и отдать ее за крестьянина, ясно, что Соломонiя, по какимъ то причинамъ, была „невѣста безъ мѣста", и взять ее, въ своемъ сословiи, могъ бы только „женихъ безъ ума" (по второй половинѣ той же пословицы). Но этого мало. Надо еще принять во вниманiе, что земледѣлецъ Матвѣй, за котораго выдали Соломонiю, „бысть пастухъ скотскiй". Пастухъ, по народнымъ понятiямъ, не партiя не только для поповны, но и для хорошей крестьянской дѣвушки. „За пастуха отдамъ!" — постоянная, въ зажиточномъ крестьянствѣ, угроза „строптивымъ или провинившимся дѣвицамъ. (Ср. въ „Одержимой Руси", Стр. 52—54).

Если поповну Соломонiю отецъ отдалъ въ лѣсную деревню, да еще и за пастуха, тому возможны два объясненiя.

1. Дѣвица была ославлена какимъ либо изъяномъ, за который не брали ее лучшiе женихи. Подъ изъяномъ отнюдь не необходимо подозрѣвать ни видимаго физическаго недостатка, ни зазорнаго для дѣвушки проступка. Достаточно было уже и того, чтобы истерическая предрасположенность Соломонiи была замѣчена въ сосѣдствѣ еще въ бытность ея въ дѣвицахъ. А это тѣмъ возможнѣе, что повѣсть застаетъ Соломонiю уже въ состоянiи очень развитаго нервнаго разстройства, съ истероэпилептическими припадками. Оно не могло выpасти въ ней такъ молнiеносно, требовало подготовки, „инкубацiоннаго перiода".

По всей вѣроятности, Соломонiя была дѣвушка со странностями, „чудила", а въ крестьянствѣ такихъ невѣстъ не любятъ: онѣ плохiя, ненадежныя работницы. Вѣдь, и вообще то крестьяне не особенно охочи до женитьбы на дѣвушкахъ изъ иныхъ сословiй, при чемъ народныя пословицы, съ наибольшимъ усердiемъ, предостерегаютъ противъ невѣстъ духовнаго званiя: „Церковнаго чину взять—

кутейникомъ станутъ звать"; „Не купи у цыганъ лошади, не женись на поповой дочери: поповы дочери — что голубыя лошади, — рѣдкая удается". (Иллюстровъ. 83).

По наблюденіямъ П. Ефименко, на русскомъ сѣверѣ дѣвушки, сознающія за собой недостатокъ истерическаго предрасположенія, часто сами совѣстятся идти замужъ. „Такъ и осталась дѣвкой, — разсказываетъ названная наблюдательница про пинежскую дѣвку, икотницу (кликушу), — а сватали: „куда, — говоритъ, — я пойду съ этимъ нездоровьемъ, чужого вѣку заѣдать". (Арх. Демон. 89).

2. Либо въ дому попа Дмитрія была ужъ очень большая бѣдность, и семья спустила Соломонію, какъ „невѣсту безъ мѣста" (потому что „мѣсто" оставалось за старшею сестрою, которая замолчана въ повѣсти, или, можетъ быть, предназначалось брату, который въ ней упоминается), за перваго, кто заслалъ сватовъ: пусть хоть и пастухъ, да только бы сплавить съ рукъ лишній ротъ; какъ ни плохъ женихъ, — авось, не уморитъ жену голодомъ, будетъ хлѣбомъ кормить.

Примѣры такихъ браковъ, изъ духовенства въ крестьянство, по бѣдности, засидѣвшейся въ дѣвкахъ, невѣсты, бывали нерѣдки даже и въ позднѣйшія времена, когда обычай ставленничества подъ условіемъ „взятія" вполнѣ утвердился и лучше обезпечивалъ брачныя упованія духовныхъ дѣвицъ. Даже на Украйнѣ, гдѣ матеріальное положеніе духовенства было несравненно лучше сѣвернаго, а кастовая брачность соблюдалась далеко не съ такою строгостью, жалкая судьба „невѣсты безъ мѣста", тщетно мечтающей о супружествѣ, породила насмѣшливыя крестьянскія пословицы: „Хватаеться, якъ попивна замужъ", „Попивна замижъ хопалася, да й доси сыдыть". (Иллюстровъ. 83). А на сѣверѣ: „Рада бы Маша за попа, да попъ не беретъ", „У Сидора попа не одна хлопота: дочь пристроить да жену уберечь". (Даль.).

Можно думать, что обиліемъ на Руси засидѣвшихся въ дѣвкахъ, перезрѣлыхъ духовныхъ невѣстъ, объясняется также и обиліе непристойныхъ о нихъ сказокъ, анекдотовъ и пѣсенъ въ запретномъ мужицкомъ фольклорѣ. Поповна,

въ народномъ воображенiи, была излюбленною героинею фантастическихъ приключенiй съ участiемъ злыхъ духовъ и разбойниковъ. (См. въ „Од. Руси“ стр. 178—182).

Бѣдность заставляла иногда родителей сбывать засидѣвшихся духовныхъ невѣстъ въ крестьянскiе браки даже и съ понужденiемъ, что могло быть и въ случаѣ Соломонiи.

Въ 1797 г. въ Арзамасскомъ уѣздномъ судѣ возникло дѣло „О поступленiи села Орѣховца съ крестьяниномъ Егоромъ Ѳедоровымъ за увозъ священнической дочери Елены и о вступленiи съ нею въ блудное житiе по законамъ“. Столь удивительно озаглавленный, сельскiй романъ разъясняется въ прошенiи, поданномъ дѣвицею Еленою нижегородскому епископу Павлу, въ такомъ порядкѣ. „По смерти отца, моя мать, пришедши въ крайнюю бѣдность, намѣренiе имѣетъ выдать меня замужъ за одного крестьянина, обѣщающаго ей дать на исправленiе житейскихъ надобностей нѣсколько денегъ, но поелику оной женихъ мнѣ не нравится, то я не желаю быть его женою, напротивъ же того я желаю быть таковою крестьянина села Орѣховца Егора Ѳедорова“.

Орѣховецкiй священникъ отказался обвѣнчать Ѳедорова съ умыкнутою поповною, почему Елена и обратилась съ прошенiемъ къ архiерею. Епископъ Павелъ запретилъ вѣнчать Елену безъ материнскаго благословенiя и, вообще, возвратилъ ея судьбу всецѣло въ руки матери: „Если же мать за кого пожелаетъ выдать дочь и тотъ женихъ состоянiя добраго, то уговаривать протопопу дочь, чтобы она повиновалась матери“. Священникъ, допрошенный о поведенiи поповны, показалъ, что „напередъ сего была поведенiя добраго, а нынѣ, по наружному слуху, находится въ распутствѣ съ крестьяниномъ Ѳедоровымъ“. Однако, вопреки „наружному слуху“, женихъ и невѣста, привлеченныя было къ суду за прелюбодѣянiе, „по недоказанности учинены отъ суда свободными“. (Дѣйст. Ниж. губ. уч. арх. ком. 1888. I. 184).

VII.

Сословная нищета.

1.

Нищета сельскаго духовенства въ московской Руси— фактъ хроническій, стойко длительный, дружно засвидѣтельствованный иностранными посѣтителями Московіи XVI—XVII вѣковъ.

По словамъ Петра Петрея, только городское и столичное духовенство получало большіе доходы отъ царей и отъ своихъ прихожанъ, а сельскіе священники были такъ бѣдны и жалки, что едва имѣли насущный хлѣбъ для утоленія голода: настолько мало давали имъ крестьяне. Имъ не шло ни муки, ни десятины деньгами, а только за крестины, вѣнчаніе, погребеніе получали они съ крестьянъ не больше гроша, да еще большой бѣлый хлѣбъ съ начинкою изъ ячменной крупы (пирогъ). (П. П. 419—420). Ранѣе Петрея обратилъ вниманіе на скудость матеріальнаго быта сельскаго духовенства въ Россіи Флетчеръ и указывалъ причиною неравномѣрность распредѣленія прихожанъ по приходамъ. (Фл. 84). Послѣ Петрея совершенно нищее духовенство наблюдалъ Павелъ Дьяконъ на пути между Москвою и Новгородомъ: „Они, — говоритъ сконфуженный сиріецъ, — просили милостыни у насъ, а мы сами шли къ нимъ за подаяніемъ!“ (Рущинскій. 139).

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бѣдности было неряшество, чернорабочій или бродяжническій видъ, несоблюденіе, да и

незнаніе внѣшнихъ приличій, зазорное для пастырей церкви поведеніе. Съ брезгливостью и издѣвательствомъ описываетъ Майербергъ: „Русскіе священники такъ мало заботятся о своемъ достоинствѣ, что не стѣсняются сами заниматься извозомъ, почему они вѣчно въ пыли и грязи: часто видишь, какъ они ѣдятъ подъ открытымъ небомъ, среди шумной улицы, а то въ какой нибудь трущобной харчевнѣ, а если есть у нихъ деньжонки въ кошелькѣ, то идутъ въ кабакъ и тамъ напиваются до послѣдней воможности". (Mayerb. 27).

Не только трудно, — невозможно было русскому сельскому духовенству имѣть опрятный видъ и хорошія манеры, къ которымъ западные гости Московіи привыкли въ наблюденіи своего собственнаго духовенства. Бѣдность до нищеты, отчаянная, но малоуспѣшная борьба за существованіе отнимали у стариннаго русскаго попа возможность быть священникомъ въ прямомъ смыслѣ и назначеніи званія. Голодъ, угрожавшій ему и семьѣ его, если бы онъ посвятилъ себя только богослуженію, требоисправленію и молитвѣ, приковывали его къ черному труду и, волей-неволей, вгоняли въ мужичество.

„У насъ въ Россіи, — писалъ въ началѣ XVIII вѣка Посошковъ, — сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху; мужикъ за косу, и попъ за косу; а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И сіе како бы поисправити, не вѣмъ. Жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міру имъ никакого подаянія нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться, Богъ вѣсть... У коихъ церквей по одному попу, то чаю и во весь годъ обѣденъ десятка не отслужитъ; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть". (Между тѣмъ, по Петру Петрею, каждый сващенникъ долженъ былъ бы служить еженедѣльно три обѣдни, не считая воскреснаго дня и праздниковъ). „И ради земледѣльства поповскаго стоятъ церкви Божіи, яко пустыя храмины, безъ славословія Божія, а православные христіане умираютъ за ихъ земледѣльствомъ ничѣмъ не

отмѣнно отъ скота. И сельскіе пресвитеры ничѣмъ не отмѣнны отъ простыхъ мужиковъ". (Пос. І. 23. 27).

Справедливую по существу мысль Посошкова о несовмѣстимости духовнаго пастырства съ тяжкою страдою земледѣльческаго труда („въ таковыхъ суетахъ живуще, не токмо стадо Христово, но и себя не упасти") раздѣляли многіе „птенцы Петровы". В. Н. Татищевъ въ извѣстномъ своемъ „Завѣщаніи сыну" писалъ: „Награди попа безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобы отъ него навозомъ не пахло. Голодный, хотя бъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ. За деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ неприлично, и чрезъ то надлежащее почтеніе потеряютъ". (П. Поповъ. Тат. и его вр. 227—227).

Татищевъ же, какъ бы повторяя давнюю мысль Флетчера, предлагалъ проектъ обезпечить духовенство уравненіемъ приходовъ, со штатомъ въ каждомъ по 1000 душъ обоего пола, обложенныхъ въ пользу своего причта сборомъ по 3 коп. въ годъ. (Тамъ же. 733). Артемій Волынскій въ „Разсужденіи о поправленіи государственныхъ дѣлъ" тоже предлагалъ „учредить по приходамъ сборъ для содержанія священниковъ, не допуская ихъ въ необходимость заниматься хлѣбопашествомъ". Соотвѣтственная попытка законодательства при Петрѣ Великомъ, проектированная Духовнымъ Регламентомъ, была очень краснорѣчива и много обѣщала, но, вмѣсто приходскаго правильнаго обложенія въ закономѣрномъ порядкѣ, изъ нея вышло только штрафное обложеніе старовѣровъ. (Знам.).

Вопросъ не двигался съ мѣста. Почти четвертью вѣка позже Татищева, знаменитый стоятель за церковныя имущества, врагъ и обличитель Екатерины II, архіепископъ Арсеній Мацѣевичъ рисовалъ въ своемъ доношеніи синоду все ту же неизмѣнную картину: „Приходскіе священники по большей части въ крайней бѣдности находятся, податьми государевыми не меньше мужиковъ обложенные, дѣлая землю къ своему пропитанію: ежели будетъ богословъ или астрономъ, то больше ничего не получитъ... У насъ нынѣш-

няго вѣка мнози изволятъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ, церковниковъ и монаховъ"... (Знам. 723).

Среди причинъ, которыми обусловливался практическій неуспѣхъ этой агитаціи, главнѣшею было пассивное противодѣйствіе ей со стороны самого духовенства. Своимъ мужичествомъ оно отнюдь не было счастливо, но отъ мужичества могло хоть какъ нибудь прокормиться. Въ обезпеченіе же своего существованія отъ правительства иначе, какъ землею, оно не вѣрило и имѣло къ тому разумныя основанія. Вѣковыя, потому что, на протяженіи трехъ столѣтій, въ бюджетѣ сельскаго духовенства измѣнялись и росли только расходныя статьи (чрезъ новыя обложенія), источники же прихода оставались все тѣ же.

2.

Въ XVII вѣкѣ доходы сельскаго духовенства слагались:

1. Изъ немногихъ и небольшихъ окладовъ царской руги и отведенныхъ ко многимъ церквамъ писцовыхъ земель.

Этотъ разрядъ доходовъ мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ ерогоцкій попъ Дмитрій къ нему былъ, навѣрное, непричастенъ. Эти милости касались только селъ подмосковныхъ либо, хотя бы и отдаленныхъ, но расположенныхъ на государевыхъ земляхъ, вблизи постоянныхъ или временныхъ царскихъ резиденцій. Таковыхъ въ Устюжскомъ краю никогда не было. Великій Устюгъ не видалъ царей до Петра Великаго, дважды его посѣтившаго проѣздомъ изъ Вологды въ Архангельскъ.

2. Изъ доброхотнаго даянія прихожанъ. Сюда входили:

а) Плата за требоисправленія.

б) Запросы или сборы по приходу.

в) Приходская руга хлѣбомъ или деньгами.

г) Земля, отводимая прихожанами на содержаніе причтовъ, большею частью, въ замѣнъ руги.

Въ этомъ разрядѣ, на первой очереди, конечно, стоитъ доходъ отъ требъ. Во времена выборнаго духовенства, неопредѣленность этой статьи нѣсколько исправлялась договорами между прихожанами и новыми священниками. За-

ключались твердо и подробно таксированныя условія съ тѣмъ, „чтобы попъ больше этого ничего не вымогалъ". Тамъ же, гдѣ договоровъ не было, требы превращались въ духовный товаръ и дѣлались предметомъ самаго постыднаго торга. Онъ подрывалъ уваженіе къ духовенству, создавалъ ему репутацію сословія алчнаго и продажнаго: „семиовчинныя утробы!" „Родись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги подавай!" „Попъ со всего возьметъ, а съ попа ничего не возьмешь"; „Деньга попа купитъ и Бога обманетъ"; „Завистливъ, что поповскіе глаза"; „У попа карманы — мѣшки" и т. д. (Даль).

И, при всемъ томъ позорѣ, торгъ, унижавшійся даже до шантажа (напр. при погребеніи, когда алчный попъ не спускалъ запрошенной высокой цѣны за отпѣваніе, въ расчетѣ, что разложеніе тѣла вынудитъ семью покойника заплатить по запросу), нисколько не обезпечивалъ духовенства. Для опредѣленія доходности требоисправленія по договорамъ мы имѣемъ, къ сожалѣнію, мало данныхъ. Договоры украинскіе намъ безполезны въ виду рѣзкой разницы бытовыхъ условій тамошняго духовенства и сѣвернаго. На Москвѣ, до обязательной правительственной таксировки требъ въ 1765 г., чрезычайно низкой въ сравненіи съ платами, установленными обычаемъ, а потому и оставшейся безъ дѣйствія, „мертвою цифрою", — принято было брать:

За поминовенную литургію:	20—25 коп.
„ сорокоустъ:	50—80 „ — до 1 р. 50 к.
„ крестины:	10—25 „
„ вѣнчаніе:	25—50 „
„ молебенъ на дому:	2, 10, 15, 20 коп.
„ а́каѳистъ:	5 коп.
„ всенощную на дому:	15—20 коп.
„ соборованье:	25—40 „
„ погребеніе:	10, 20, 30 коп.

За славленье очень приличною платою считались 10 коп., но чаще платили за него, какъ за другія малыя требы, натурой,—хлѣбомъ и пирогами.

По счету одного замоскворѣцкаго причта въ 1748 г., весь его сборъ за панихиды въ Дмитріевскую субботу достигъ 80 коп., а отъ славленья въ Рождество — 1 р. 5 коп. А вѣдь Дмитровская суббота даже въ пословицу вошла, ка̀къ — на ряду съ Пасхою, Рождествомъ, Красною горкою — доходнѣйшій день въ годовомъ бюджетѣ духовенства: „Не все поповымъ ребятамъ Дмитрова суббота“. (О Пасхѣ: „Коли́ бъ то быть зимою котомъ, лѣтомъ пастухомъ, а на Великъ-день попомъ!“) (Даль).

Да и эту ничтожную доходность еще пріуменьшала конкурренція безприходныхъ, шатающихся, такъ называемыхъ „крестцовыхъ“ поповъ, готовыхъ служить и за половинную плату. Въ 1760 г. одинъ крестцовый попъ былъ судимъ за то, что отслужилъ поминовенную обѣдню послѣ того, какъ хватилъ водки въ кабакѣ. Получилъ онъ за это завѣдомое преступленіе 12 коп.: какъ видно, нашелъ плату не плохою, если рѣшился ради нея на такой опасный рискъ!..

Затѣмъ: при всей своей мизерности, это оплаты столичныя, то есть — по высшей нормѣ. Въ другихъ городахъ, особенно уѣздныхъ, а тѣмъ болѣе въ селахъ требоисправленіе оплачивалосъ гораздо ниже. Впрочемъ, сибирскія договорныя таксы (1717—1728), приводимыя Знаменскимъ (стр. 626—627), приблизительно таковы же. Въ болѣе раннихъ порядныхъ записяхъ сѣвернаго края встрѣчаемъ такую расцѣнку требъ: „А отъ молитвы имать ему (попу) Ивану по 2 деньги съ ближнихъ, а съ дальнихъ по 4 деньги. А отъ погребенія имать съ большого по 2 алт. по 2 деньги, а съ младенца по 1 деньгѣ. А отъ вѣнчанія имать по 10 денегъ и отъ мѵропомазанія имать по гривнѣ, и отъ причащенія имать по 2 деньги, и отъ крещенія имать по 2 деньги“. (Рядная Кирчанскихъ мірскихъ людей съ попомъ Иваномъ 1677 г, февр. 16, Богосл. 30).

Въ другой порядной, Важскаго уѣзда, отъ 1649 г.: „А родильницѣ дати молитва и младенцу имя и крестити, и четыредесятная молитва дати, и отъ того взяти 6 денегъ, а до кума и до кумы дѣла нѣтъ (т. е. ничего съ нихъ не требовать). А кого лучится масломъ соборовати, и отъ того имати по гривнѣ, и хлѣбъ, и скатерть, каково лучится.

А отъ погребенія имати съ большого по грошу, а отъ младенца по 2 деньги и отъ вѣнчанія по грошу".

По недостатку въ деревнѣ денегъ, платежи, обыкновенно, переводились на натуральные продукты: хлѣбъ, яйца, ягоды, грибы и другіе припасы домашняго изготовленія и сбереженія. Въ той же Важской порядной: „А отъ петровскія молитвы брати (попу) яйца и масло, гдѣ что дадутъ. А великоденные и богородицкіе хлѣбы имати съ обжи по хлѣбу, каковъ Богъ лучитъ". Такъ точно кормился и Никола Знаменскій: „Въ Пасху, въ Рождество, въ Троицу и въ свои именины отецъ ѣздилъ въ деревни славить; за это ему давали кто птицъ, кто ягодъ, кто просто пивомъ и брагой! За требы крестьяне тоже платили яйцами, ягодами или давали то, что не могли сбыть въ городѣ". (Рѣшетн. II. 433).

Весь этотъ унизительный порядокъ благополучно дожилъ до весьма недавнихъ временъ. Только въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія вопросъ о содержаніи духовенства подвергся гласному обсужденію, при горячемъ участіи заинтересованнаго сословія, впервые получившаго возможность громко заговорить о своихъ нуждахъ. „Само духовенство съ грустною правдивостью изобразило свою унизительную нищету и пересчитало всѣ короваи и копѣйки, какія оно брало за свои священнодѣйствія съ прихожанъ, сборы по дворамъ по поводу праздниковъ и разныхъ терминовъ сельско-хозяйственнаго быта, петровщины, осенины, нови, ленуванья, сборы всякаго рода зерна по горстямъ, сѣна по клочкамъ, сметаны по ложкамъ, лука, капусты, даже совершенно неожиданныхъ предметовъ, наприм. мочала, лыкъ, лаптей; изобразила съ ужасающей подробностью всѣ остроты и бранныя слова, которыя ему приходилось при этомъ выслушивать отъ прижимистыхъ хозяевъ и хозяекъ, всѣ унизительные пріемы, какіе ему нужно было при этомъ употреблять, чтобы выпросить себѣ лишнюю кроху подаянья; описало, какъ въ разныхъ мѣстахъ оно до послѣдняго времени должно было производить и сборы подъ крестъ, и сборы посредствомъ старинной выкадки (объ этомъ сборѣ у Даля выразительныя пословицы:

„Что намъ не мило, то попу въ кадило“, „Хоть кадило, да деньгу бьетъ“, „Не грози попу кадиломъ, имъ же кормится“, „Хоть долбиломъ, хоть кадиломъ, а деньгу добыть“, „Попъ съ кадиломъ, а чортъ съ рогатиной“, „Кому кадятъ, тотъ и кланяйся“); какъ посылало сторожей ходить передъ обѣдней подъ окнами прихожанъ и собирать деньги съ крикомъ: „за обѣдню, за обѣдню!“ а въ иныхъ приходахъ на праздники и само ходило по дворамъ, припрашивая мучки или рыбки со словами: „не пожалуете ли на праздникъ“; какъ даже въ одномъ городѣ въ родительскія субботы собирало по субботнему базару и по лавкамъ подаяніе съ обычнымъ нищенскимъ припѣвомъ: „поминаючи родителей“ и проч., проч. (Знамен. 702—703). Все это жалкое состояніе сословія нашло даже поэтическую форму протеста въ „Попѣ“ Н. А. Некрасова (въ поэмѣ „Кому хорошо жить на Руси“).

3.

Болѣе постояннымъ, окладнымъ характеромъ опредѣлялось обезпеченіе духовенства приходскою ругою, т. е. „годичнымъ содержаніемъ попу и причту отъ прихода деньгами, хлѣбомъ и припасами, по уговору или по положенію“. (Даль).

Въ натуральныхъ ли продуктахъ, въ денежныхъ ли знакахъ, руга представляла собою нѣчто въ родѣ постояннаго приходскаго жалованья или регулярной субсидіи къ иррегулярнымъ доходамъ отъ требъ. Это какъ бы страховка причта, что онъ не помретъ съ голода, если даже требоисправленій будетъ самое малое число.

Источники руги были довольно разнообразны. По мѣсту дѣйствія повѣсти о Соломоніи, намъ нѣтъ надобности останавливаться на ругахъ частно-владѣльческаго происхожденія. Помѣщичье землевладѣніе въ Устюжскомъ уѣздѣ XVII вѣка было незначительно (за исключеніемъ Строгановскихъ земель), а, слѣдовательно, таково же было его вліяніе на бытъ церкви и духовенства.

Ерогоцкій попъ Дмитрій, несомнѣнно, получалъ ругу отъ приходской общины, по договору со всѣмъ ея составомъ, — можетъ быть, въ представительствѣ и при особ-

ливомъ участіи нѣсколькихъ наиболѣе богатыхъ и благочестивыхъ ея членовъ, „христолюбцевъ", какъ выражается „Повѣсть". По примѣру Важской порядной: „Азъ, попъ Ѳедоръ Алексѣевъ, порядился есми у церковнаго старосты Преображенскаго приходу Нижнія Шеговарскія волости Богдана Григорьева Пѣтухова да у волостныхъ крестьянъ (перечисляются 37 именъ) и у всѣхъ крестьянъ Преображенскаго приходу. Служити мнѣ, попу Ѳедору Алексѣеву, у церкви Боголѣпнаго Преображенія... а служити мнѣ, попу, десять лѣтъ съ 157 г. (1649) апрѣля 8-го 167 г. до такова жъ дни". Или — обязательство въ обратномъ порядкѣ, отъ Кирчанскаго міра своему выборному попу Ивану: „А рядили мы, мірскіе люди, ему Ивану ругу мѣрную: съ нынѣшняго 185 года (1677) имать ему, Ивану, съ насъ мірскихъ людей съ вѣнца по четверти ржи, а овса также на три годы; а подмоги рядили мы мірскіе люди съ вѣнца по 6 денегъ, какъ свершится въ попы". (Богослов. 37—39).

Выраженіе „мѣрная руга", сохранившееся до среднихъ годовъ XIX столѣтія въ вотскихъ, черемисскихъ и т. п. приходахъ сѣверовосточной окраины, настолько для нихъ характерно, что, по утвержденію историка христіанства у вотяковъ, г. Луппова, „уже одно указаніе на то, что въ томъ или иномъ приходѣ существуетъ „мѣрная руга", даетъ основаніе относить его къ числу инородческихъ". Мѣрная руга выплачивалась хлѣбомъ — рожью, овсомъ и ячменемъ, иногда съ добавленіемъ другихъ натуральныхъ даяній (сѣна, гороха, конопляннаго сѣмени, шерсти, льна, хмѣля, яицъ, масла), весьма подробно исчисленныхъ для вотяковъ епископомъ Вятскимъ Гедеономъ (1806), а для черемисовъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ.

Единицей въ обложеніи „мѣрною ругою" служилъ „вѣнецъ", то есть супружеская чета. „Престарѣлые вѣнцы", т. е. старыя супружескія пары, освобождались отъ дачи „мѣрной руги", по силѣ своего, уже нерабочаго, возраста. Размѣры „мѣрной руги", платимой „непрестарѣлыми вѣнцами", были очень зыбки, въ зависимости отъ платежеспособности прихода и уступчивости міра. Въ одномъ приходѣ міръ легко давалъ причту 3 пуда хлѣбовъ съ вѣнца,

въ другомъ съ трудомъ выжималъ даже и одинъ пудъ. (Лупповъ. 337. 338).

Въ великорусскихъ епархіяхъ, въ противоположность украинскимъ и сибирскимъ, руги были очень маленькія. Перепроизводство поповъ позволяло прихожанамъ, въ вѣкахъ выборнаго священства, жестоко торговаться за ругу со своими „излюбленными", въ ущербъ достоинству избираемыхъ и безъ большей заботы объ ихъ пригодности къ богослужебному посредничеству между приходомъ и небесами. Даже въ сравнительно культурныхъ областяхъ старой Руси прихожане больше гнались за дешевизною „излюбленныхъ", чѣмъ за ихъ образованностью и нравственностью. Въ самомъ началѣ царствованія Петра, псковскій митрополитъ Маркеллъ съ негодованіемъ поднялъ голосъ противъ выборнаго духовенства, указывая, что въ его епархіи церквами завладѣли мужики, берутъ къ себѣ въ попы пьяницъ и безчинниковъ, только бы меньше руги давать, а добрымъ священникамъ отказываютъ, потому что эти больше руги просятъ.

Но весьма часто оставалась безъ уплаты и малая руга: приходскіе міряне „чинились по договору своему непослушны" и тѣмъ непослушаніемъ создавали для своихъ отцовъ духовныхъ очень тяжелое положеніе: еще куда бы ни шло самимъ терпѣть убытокъ и скудость, но не изъ чего становилось причтамъ оправдывать казенныя и духовноправленскія обложенія, взыскиваемыя всегда очень сурово.

„Милостивый великій господинъ, преосв. Тихонъ, митрополитъ казанскій и свіяжскій! — вопіетъ въ 1719 г. духовенство Рыбной слободы послѣ того, какъ приходъ три года продержалъ его безъ руги, — помилуй насъ, богомольцевъ твоихъ, повели, государь, онымъ нашимъ прихожанамъ по твоему архіерейскому и по другому послушному указамъ оныя ружныя деньги по 2 алтына съ вѣнца намъ платить, чтобы намъ твою архіерейскую дань и драгунскія деньги было чѣмъ платить, и о томъ свой милостивый архіерейскій указъ учини. Великій господинъ, смилуйся!" (Знам. 716—717).

4.

При не весьма твердой увѣренности въ честномъ исполненіи прихожанами порядняго договора, полная или частичная замѣна руги земельнымъ надѣломъ была пріятна причтамъ, какъ синица въ рукахъ вмѣсто журавля въ небѣ. Приходы также находили ее выгодною. Денегъ въ Московіи было мало, хлѣбъ не всегда хорошо родился, а пустыхъ земель было много, и въ рабочихъ рукахъ для нихъ всегда чувствовался недостатокъ. Земли, лежавшія впустѣ, были обременительны для общинъ, такъ какъ за нихъ надо было и подати платить, и повинности нести. Слѣдовательно, сбывая „пустоту" въ земельный надѣлъ причту, приходъ убивалъ однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ: вмѣсто денегъ и хлѣба, расплачивался землею, которая, лежа втуне, не представляла для него цѣнности, и уменьшалъ тяжесть своего обложенія.

Замѣна руги земельнымъ надѣломъ представляется для міра настолько выгодною, что онъ охотно беретъ на себя нѣкоторыя трудовыя повинности въ помощь причту. Такъ въ рядной попа Ѳедора Алексѣева съ прихожанами „боголѣпнаго Преображенія", міръ отвелъ священнику земельный участокъ его предшественника — треть обжи земли, въ замѣну мѣрной руги, а въ замѣну руги денежной обязался пахать этотъ священниковъ участокъ.

Улавливался приходами и третій заяцъ: прочное прикрѣпленіе „излюбленныхъ" къ мѣсту, со взятіемъ ихъ въ ежовыя мірскія рукавицы.

Церковныя земли въ XVII вѣкѣ рѣзко дѣлятся на двѣ категоріи: земли собственно церковныя, прирѣзанныя къ церквамъ писцовымъ порядкомъ по распоряженію правительства, въ размѣрѣ отъ 10 до 20 четей въ полѣ; и земли, отведенныя прихожанами въ пользованіе духовенства, по договору съ причтомъ или просто по усердію и любезности благочестиваго міра. Земли первой категоріи — неотъемлемая церковная собственность, утвержденная межовкою 1680 и 1684 г.г.: посягать на нее, отнять ее у церковниковъ могло только преступное правонарушеніе, съ рискомъ же-

стоко за то поплатиться. Но земли второй категорiи, сколько бы лѣтъ онѣ ни находились въ распоряженiи причта, оставались собственностью прихода, и мiръ, который ихъ далъ причту, могъ въ любое время и назадъ ихъ отобрать,— конечно, въ предѣлахъ несвязанности точнымъ контрактомъ. И, дѣйствительно, тамъ, гдѣ допускали юридическiя условiя, мiръ очень своевольничалъ по отношенiю къ ружной землѣ: то уменьшалъ уступленные участки, то обмѣнивалъ ихъ на худшiе и т. п.

Результатомъ была зоркая настороженность обѣихъ сторонъ, выразившаяся замѣчательно глубоко и тонко обдуманною подробностью и мелочною точностью нѣкоторыхъ договоровъ. Читая ихъ, можно позабыть, что это духовная паства договаривается съ духовнымъ пастыремъ, — скорѣе два мошенника, каждый изъ которыхъ увѣренъ въ жульничествѣ другого, ухищряются, кто изъ двухъ плутоватѣе обставитъ соперника и самъ отъ него оградится.

Хотя бы и въ Важскомъ договорѣ. Идетъ рѣчь о новой усадьбѣ для священника. Избу согласенъ поставить мiръ, но священникъ съ своей стороны обязуется поставить дворовый сарай на 6 столбахъ, покрывъ его „дертьемъ новымъ“ съ желобами, да прирубить кромѣ того двѣ клѣти. Эти постройки священникъ долженъ окончить въ теченiе трехъ лѣтъ, а крестьяне должны ему платить за нихъ съ обжи по полумѣрѣ ржи да по полумѣрѣ овса въ теченiе двухъ лѣтъ. Если бы священникъ построекъ не поставилъ, онъ долженъ уплатить мiру 2 рубля неустойки. Если онъ, поставивъ постройки, откажется отъ мѣста до срока (раньше 10 лѣтъ), то онѣ остаются за приходомъ, а священникъ лишается права требовать за нихъ съ мiра денегъ.

Великимъ постомъ священнику много работы, одинъ не справится. Приходъ разрѣшаетъ ему принанять себѣ въ помощь другого священника, но — на собственный счетъ, мiръ на второго попа не плательщикъ. Устанавливая таксу за требы, спохватываются, что чуть было не забыли: „А ризы, и стихарь, и патрахиль держати (попу) свои“; при крестинахъ—„а до кума и кумы дѣла нѣтъ“. (Богосл. 26).

Тамъ, гдѣ стороны не опутывали другъ дружку взаимнымъ крючкотворствомъ въ такую желѣзную паутину, что разорвать ее обѣимъ оказывалось — себѣ дороже, духовенство оказывалось въ весьма шаткомъ положеніи, всецѣло зависимомъ отъ доброхотства къ нему прихожанъ.

Правда, и порядныя записи требовали отъ священника безусловнаго послушанія міру, подъ страхомъ немедленнаго увольненія отъ мѣста, независимо отъ времени, сколько онъ прослужилъ. „А будетъ я, попъ Ѳедоръ, почну жити къ церкви неподвиженъ и крестьянъ учну ослушаться, и къ родильницамъ и къ болямъ не почну ходити, и мнѣ попу день и недѣля, и недѣля и мѣсяцъ, и мѣсяцъ и годъ, и вольно имъ, крестьянамъ, опрочь отрядити“. То есть: когда захочемъ, тогда и выгонимъ: черезъ день или недѣлю, черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ, — все равно, это для насъ разницы не составляетъ.

Но, когда попъ Ѳедоръ Алексѣевъ „въ томъ на себя и порядную далъ“ — своеручно и за подписью двухъ послуховъ, — онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ то утѣшеніе, что страшенъ сонъ да милостивъ Богъ: съ своей стороны онъ тоже наставилъ приходу достаточно крючковъ, чтобы вотъ такъ ужъ очень легко было взять его и „опрочь отрядити“. И, дѣйствительно, подробныя порядныя были оружіемъ обоюдоострымъ, и міру, ими связанному, часто бывало не менѣе трудно отдѣлаться отъ нежелательнаго попа, чѣмъ попу отъ утѣсняющаго міра.

Но, въ общемъ то, принципіальное право прогнать не полюбившагося священника, по приговору мірской сходки, отдавало духовенство въ рабскую зависимость отъ міра, т. е. отъ каприза міроѣдовъ и горлановъ, которые обычно міромъ командуютъ. Въ 1686 г. священникъ Шарженской волости Устюжскаго уѣзда плакался предъ архіепископомъ на одного такого міроѣда, приходскаго воротилу, Авдѣя Карѣпина: не взлюбивъ за что то попа, этотъ Авдѣй ругаетъ его бѣсомъ и всякою скаредною бранью, побилъ его дубиною, перешибъ ему руку. А попъ, въ отместку, доноситъ, что Авдѣй Карѣпинъ, съ дѣтьми своими, на исповѣди не бываетъ, Свѣтлому Воскресенью не радуется и

т. д. Доносъ подѣйствовалъ. Карѣпина судебнымъ порядкомъ заставили бывать у исповѣди и радоваться Свѣтлому Воскресенью, но, по характеру обвиненія, видно, какою же ничтожною спицей въ колесницѣ былъ, въ сравненіи съ этимъ сельскимъ кулакомъ, горемычный приходскій попъ.

Выше приведена была жалоба псковскаго митрополита Маркелла изъ челобитной его царямъ Петру и Іоанну въ 1686 г. на псковской міръ, предпочитающій дешевыхъ, но пьяныхъ и безчинныхъ поповъ добрымъ, но дорогимъ. Это лишь эпизодъ изъ семидесятилѣтней войны псковской каѳедры съ посадскими людьми за церковную недвижимость въ городѣ, слободахъ и уѣздѣ. Любопытнѣйшее по бытовымъ подробностямъ, дѣло это, введенное челобитною Маркелла въ высшую инстанцію, тѣмъ не менѣе, было разрѣшено высочайшей резолюціей только 47 лѣтъ спустя, уже при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (8 іюля 1733 г.), да и то довольно двусмысленно, съ желаніемъ удовлетворить обѣ тяжущіяся стороны.

Изъ челобитной Маркелла явствуетъ, что, цѣною своихъ условныхъ даяній, міроѣды и кулаки въ состояніи были захватить въ свою полную, ничѣмъ неограниченную власть не только какое нибудь отдѣльное церковное владѣніе, но и цѣлую епархію, взять въ ежовыя рукавицы не только тотъ или другой причтъ, но и епископовъ. Въ моей епархіи, — пишетъ Маркеллъ, — „архіереи надъ церквами воли не имѣютъ, владѣютъ мужики, а церкви всѣ вотчинныя, и тѣми вотчинами владѣютъ и корыстуются сами, а архіерею не послушны; о чемъ указъ пошлешь, не слушаютъ и безчестятъ, на счетъ нейдутъ, многая церковная казна за ними пропадаетъ съ давнихъ лѣтъ... А священники бѣдные и причетники у нихъ церковныхъ старостъ вмѣсто рабовъ и говорить противъ нихъ ничего не смѣютъ“. (Знам. 729).

Нѣкоторыхъ ограниченій мірского произвола въ церковномъ земельномъ, а, чрезъ него, и въ общемъ хозяйствѣ, духовная власть достигла къ концу XVII столѣтія, когда выборное священство вообще стало блекнуть, уступая мѣсто священству по назначенію. Но правильное за-

крѣпленіе прицерковныхъ земель за причтами, въ качествѣ постоянной и неотъемлемой церковной собственности, достигнуто было лишь полъ-вѣка спустя, по земельному межеванію при Елизаветѣ Петровнѣ. (П. С. З. XV, 10989).

5.

Мы слышали (стр. 115) жалобу причта Рыбной Слободы, что онъ, за невзносомъ прихожанами руги, не въ состояніи платить архіерейскую дань и драгунскія деньги. Въ 1688 г. все тотъ же псковской митрополитъ Маркеллъ отказался ввести въ своей епархіи новые оклады съ церквей для сборовъ въ архіерейскую казну, повторяя жалобу, что церкви съ ихъ доходами находятся во владѣніи мужиковъ, которые тѣми доходами сами корыстуются, промышляютъ большими торговыми промыслами, палаты себѣ каменныя строятъ, а церкви Божіи находятся въ упадкѣ. Обѣ жалобы и оба отказа односущественны. Разница только въ томъ, что Маркеллъ говоритъ за цѣлую епархію, а рыбнослобожане за самихъ себя, маленькихъ. Имъ, маленькимъ, ружные неплатежи и земельныя ограниченія жутко приходились, потому что поступленія оказывались невѣрными и гадательными, тогда какъ взысканія стояли твердо, не убавно, а часто и надбавно, и производились съ безпощадной неуклонностью.

„Податьми государевыми не меньше мужиковъ обложенные“, приходскіе священники XVII вѣка платили:

1. Архіерейскую или церковную дань, слагавшуюся изъ трехъ сборовъ:

а) По числу дворовъ причта. б) По числу дворовъ приходскихъ. в) По количеству владѣемыхъ земель и угодій.

2. Полоняничный сборъ, установленный на Стоглавомъ соборѣ для выкупа плѣнныхъ.

3. Сборъ десятильничъ — на содержаніе епархіальной администраціи, приблизительно въ томъ же размѣрѣ, какъ и архіерейская дань.

4. Отвозныя деньги и писчее: пошлина на сдачу сборовъ въ архіерейскую казну.

5. Заѣздъ: пошлина на разъѣзды по епархіи служилыхъ людей духовной администраціи, а, кромѣ того, въ отдѣльности —

6. Ѣздъ самого архіерея.

Это платилось въ окладномъ порядкѣ. Въ неокладномъ: ставленническія пошлины, сборы штрафные недоимочные, штрафные за вины, мировые, поднаказные и всякаго рода судные, пошлины вѣнечныя съ браковъ, которые вѣнчало духовенство. Въ сѣверныхъ епархіяхъ, вологодской и ростовской, къ которой принадлежалъ Устюгъ Великій до учрежденія въ 1681 г. Велико-устюжской архіепископіи, духовныя лица, при выдачѣ своихъ дочерей замужъ, кромѣ обычной вѣнечной пошлины, платили своему епархіальному начальству еще особыя выводныя деньги (2 алт. 2 ден., т. е. 7 к.). Новожены причетники, при явкѣ, въ вологодской епархіи платили въ архіерейскую казну 6 алт. 4 ден., а въ ростовской половину.

Такъ какъ первое извѣстіе объ этихъ сборахъ мы имѣемъ отъ 1705 года, то трудно рѣшить, представляютъ ли они нововведеніе XVIII вѣка или обнаружившуюся обычную старину XVII-го. По характеру сбора вѣроятнѣе второе предположеніе. П. В. Знаменскій справедливо сравнилъ это странное обложеніе браковъ въ нѣдрахъ самого духовенства съ выводомъ, который „въ такомъ же случаѣ крестьяне платили своему помѣщику или вотчиннику“. (стр. 567).

Я не буду подвергать подробному разсмотрѣнію исчисленные налоги съ ихъ таксировкою. Если эта послѣдняя возъимѣла болѣе или менѣе твердое и обязательное значеніе въ XVIII вѣкѣ, то XVII-й считался съ нею только приблизительно, а въ общемъ держался стараго благочестиваго воззрѣнія, что у архіерея въ епархіи — своя рука владыка. „Вольно ему, отцу нашему, на поповъ и на дьяконовъ и на церковныя пустошныя земли свою святительскую дань и оброкъ положить, чѣмъ онъ данью своею и оброкомъ изоброчитъ“.

Для краткости, я воспользуюсь предположительною выкладкою Знаменскаго на „воображаемый небольшой приходъ съ попомъ и двумя причетниками во 100 дворовъ

(около 400 душъ), съ 15 четями земли и покосами до 40 копенъ, безъ всякихъ другихъ угодій и безъ руги". Руководясь таксировкой въ инструкціи патріарха Адріана, Знаменскій выводитъ, что такой приходъ долженъ былъ платить окладными сборами 4 р. $36^1/_2$ коп., а съ неокладными платежами никакъ не менѣе 6 р. Сумма эта, по тогдашней стоимости денегъ, и сама по себѣ уже значительна. А черезъ архіерейскую вольность „изоброчить" поповъ и дьяконовъ, какъ „ему, отцу нашему", угодно,—и, еще болѣе, черезъ безобразные поборы и вымогательства епархіальной администраціи, столь живописно изображенной въ петровскомъ Духовномъ Регламентѣ, — приходское тягло могло вырости (и выростало) до двойныхъ и тройныхъ цифръ. Понеже — „слуги архіерейскіе обычне бываютъ лакомыя скотины и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстыдіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются".

Священнику отъ хищнаго вниманія „лакомыхъ скотинъ" приходилось наихудше изъ всего причта, такъ какъ онъ, по видимости дохода, былъ состоятельнѣйшимъ: съ него было что взять. По сѣвернымъ поряднымъ договорамъ церковные доходы дѣлились въ такой пропорціи: треть въ церковную казну, двѣ трети причту; изъ этихъ двухъ третей — двѣ трети священнику (при отсутствіи дьякона; иначе эти двѣ трети опять дѣлятся на три части, и священникъ получаетъ двѣ, а дьяконъ одну) и одна треть дьячку и пономарю. Но большій доходъ обусловливаетъ для попа также и большее участіе въ платежахъ обложенія: „И будучи ему, Ивану, въ попахъ, доходъ имать половину и дань святительскую платить также половину". (Кирчанская рядная; см. выше).

Къ этому прибавимъ, что къ мѣсту своего служенія новый священникъ являлся обобраннымъ и задолжалымъ за срокъ своего ставленничества, — самая кормежная статья въ бюджетѣ „лакомыхъ скотинъ"! — и, на первыхъ порахъ, не въ состояніи былъ обойтись безъ „подмоги" отъ міра („а подмоги рядили мы мірскіе люди съ вѣнца по 6 денегъ, какъ свершится въ попы"). То есть должалъ

приходу, въ который порядился, и безъ того, чуть не въ крѣпостное состояніе.

Положеніе рисуется далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Можно даже сказать съ полною убѣдительностью, что вся жизнь и дѣятельность какого нибудь о. Дмитрія въ погостѣ Пресвятой Богородицы на Ергѣ сводилась къ двумъ, отнюдь не выспреннимъ, цѣлямъ — какъ нибудь, съ грѣхомъ пополамъ, прокормить семью да, безъ начета, отсчитаться у поповскаго старосты.

6.

Дьякона Ерогоцкая церковь, конечно, не имѣла. Въ XVII столѣтіи дьяконъ почитался церковною роскошью. Богомольный и усердный къ благолѣпію своихъ храмовъ, городъ Устюгъ Великій, въ своихъ 27 церквахъ, изъ коихъ двѣ соборныя, имѣлъ на 30 священниковъ всего 7 дьяконовъ. Сельскія церкви обходились однимъ священникомъ съ дьячкомъ и пономаремъ, при чемъ весьма обычно было совмѣщеніе всѣхъ трехъ въ одномъ лицѣ. Въ первой половинѣ столѣтія на весь обширный Яренскій уѣздъ былъ только одинъ дьяконъ. Ему, должно быть, жилось не дурно, такъ какъ его приглашали по волостямъ на случай торжественныхъ богослуженій, за солидный гонораръ въ пять, шесть, семь рублей, „по мѣсту и по приходу примѣриваясь". Случай такой дьяконской гастроли отмѣчаетъ и „Повѣсть о Соломоніи: „В то же время бысть освященіе церкви Пресвятыя Богородицы ту на погосте, и приѣзжали с Устюга соборныя церкви священники Никита, да протодіяконъ Димитрій на освящение".

Дѣла о дороговизнѣ дьяконскаго служенія въ Яренскомъ уѣздѣ возникали, по жалобѣ крестьянства, дважды: въ 1610 г. (еще при знаменитомъ патріархѣ Гермогенѣ) и въ 1631. Дьяконы оправдывали свои высокіе запросы малоземельемъ и скупостью крестьянъ на денежную ругу: если не брать большихъ денегъ за выѣзды на освященія храмовъ, то будетъ и прокормиться нечѣмъ. Даже въ концѣ XVII в. дьяконъ церковная роскошь и рѣдкость въ сѣвер-

ныхъ приходахъ. Судя по даннымъ Холмогорской епархіи (при знаменитомъ архіепископѣ Аѳанасіи, въ послѣдней четверти вѣка), на семь посвященій во іереи приходилось только одно во діаконы (Богосл. 25. 26). Возможно, что, при такомъ голодѣ на дьяконовъ, въ городахъ дорожили тѣми духовными лицами, которые довольствовались второстепеннымъ діаконскимъ саномъ, и старались устроить ихъ получше — такъ, чтобы не было имъ большого матеріальнаго соблазна повыситься въ попы.

Доказательство тому можно усмотрѣть въ дворовомъ надѣленіи устюжскаго духовенства. Въ городѣ и по слободамъ принадлежали бѣлому духовенству 58 дворовъ: 2 протопоповыхъ, 1 ключаря, 30 священническихъ, 7 дьяконскихъ, 11 пономарскихъ и 1 просвирнинъ. (Данныя 1630 г.). Дворовые участки, были очень неравны, но, въ общемъ, значительны. Размѣръ двора не всегда соотвѣтствовалъ сану хозяина: нѣкоторые дьяконскіе дворы, какъ будто, больше священническихъ. Мерцаловъ приводитъ тому цифровыя данныя.

Однако, надо замѣтить, что Мерцаловъ, во первыхъ, не бралъ въ соображеніе мѣста, въ центрѣ города или на окраинѣ были расположены сравниваемые дворы, а въ Великомъ Устюгѣ, имѣвшемъ окружность въ $8^1/_2$ верстъ (Фризъ, 24), это должно было опредѣлять не малую оцѣночную разницу. Во вторыхъ, Мерцаловъ смотрѣлъ только на длину участка, т. е. на мѣру его отъ улицы вглубь двора, и не обращалъ вниманія на то, что въ священническихъ дворахъ всегда больше „поперeки", т. е. мѣра ихъ по протяженію вдоль улицы. Самый длинный, изъ приводимыхъ Мерцаловымъ къ примѣру, дворъ дьякона церкви св. Іоанна Юродиваго, 34 сажени, имѣлъ попереку всего $2^1/_2$ саж., значитъ, занималъ 85 кв. саж., тогда какъ дворъ священника Прокопіевской церкви, при длинѣ всего въ 20 саж., имѣлъ попереку $6^1/_2$ саж. и, слѣдовательно, занималъ 130 кв. саж. Въ третьихъ, если бы и было то, несоотвѣтственное „рангу", дворо-земельное распредѣленіе, о которомъ говоритъ Мерцаловъ, оно зависѣло совсѣмъ не отъ ранга, но отъ разнаго количества земли, владѣемой разными церквами. Не только

дьяконъ, но и дьячекъ одной, богато надѣленной землею, могъ имѣть дворъ обширнѣе священника другой съ малымъ надѣломъ.

Въ повѣсти о Соломоніи Бѣсноватой протодьяконъ устюжскаго собора играетъ довольно плачевную роль. Заклинаемый бѣсъ не послушалъ его, да еще и присрамилъ непристойными обличеніями. Но десять лѣтъ спустя по исцѣленіи Соломоніи, въ 1681 г., мы встрѣчаемъ какого то устюжскаго протодьякона Дмитрія, можетъ быть, того же самаго (изъ Успенскаго собора) въ Москвѣ посыльщикомъ отъ устюжскаго міра по разнымъ церковнымъ дѣламъ. Переписка этого протодьякона со своимъ успенскимъ протопопомъ не менѣе занимательна и гораздо болѣе содержательна, чѣмъ знаменитыя письма дьякона Ахиллы къ протопопу Савелію Туберозову въ „Соборянахъ" Лѣскова. Она является замѣчательнымъ памятникомъ московской приказной волокиты, страду которой долженъ былъ терпѣливо переносить ходатай-провинціалъ.

„О дѣлѣ, колико можемъ, по вся дни бродимъ и милости просимъ; и дьяковъ милость есть: на челобитной помѣчено: взять къ выпискѣ... И за тою выпискою въ Устюжской чети бродимъ дней десять". Выписку „молодой подъячій" сдѣлалъ, но ее долженъ свѣрить и скрѣпить "справщикъ", а тотъ не свѣряетъ, ждетъ взятки. Маленькой не беретъ, а большой протодьяконъ дать не смѣетъ, потому что — „не слышу никакого человѣка про него похвальна, зѣло де нестоятеленъ въ словѣ".

— Ей, слезы, а не житье: день поблазнятъ добромъ, а послѣ недѣлю бродишь, а нимало не услышишь, взять хотятъ напередъ много, и не вѣдомо, что учинятъ добра.

Такъ злополучный протодьяконъ „бродилъ" съ декабря 1681 по іюль 1682 г. включительно. „Зажился въ Москвѣ, закоснѣлъ житьемъ", а ничего не выбродилъ. Потому что въ промежуткѣ (въ февралѣ-мартѣ 1682 г.) Устюжская Четверть была упразднена, и, какъ служебный персоналъ ея, такъ и дѣла были распредѣлены по другимъ приказамъ, что, на первыхъ порахъ, произвело великую

путаницу. Протодьяконъ картинно изображаетъ, какъ его водятъ отъ Ирода къ Пилату.

„Дѣла великія и книги по указу взяты въ посольской приказъ; судомъ вѣдатись устюжномъ, и усольцемъ и тотменомъ тутъ (въ упраздняемой Четверти), а платежемъ въ стрѣлецкомъ приказѣ, а доимка отдана въ приказъ Большія Казны, а для свобожденія святыхъ Божіихъ церквей и собранія православныхъ христіанъ полтинныя деньги въ ямскомъ приказѣ".

Въ результатѣ броженія — протодьяконъ выразительно намекаетъ: „и у насъ и отъ сторожей тѣхъ приказовъ голова зѣло болитъ". Потому что по всѣмъ новымъ присутственнымъ мѣстамъ протодьяконъ Дмитрій бродитъ уже съ выпустошеннымъ кошелькомъ: „признать наша (взятки данныя) устюжскіе четверти даромъ пропала", „бродить стало не изъ-за чего, въ рукахъ стало тщо". Не мудрено, что въ этомъ царствѣ взятки даже сторожа не слушаютъ обнищалаго просителя, а иной разъ, можетъ быть, и поталкиваютъ. Вѣдь „безъ дарственнаго воздаянія не можетъ Москва дѣлать никакихъ дѣлъ". (Богосл. 66—67. Ср. „Одерж. Русь", стр. 55).

7.

Крестьянство, какъ и все неслужилое сословіе Московіи, было тяглымъ государству. Духовенство сельское, свободное или, вѣрнѣе, лишь облегченное нѣсколько отъ государственнаго тягла, было тяглымъ своей іерархіи и, по отношенію къ ней, даже оффиціально носило названіе духовенства тяглаго. „Какъ земскіе тяглецы должны были тянуть къ своему земскому старостѣ, который доставлялъ все тягло, куда слѣдуетъ, такъ и тяглое духовенство тянуло своимъ тягломъ къ своему старостѣ поповскому". Что въ государственной, что въ церковной администраціи, наблюдаемъ мы одинаковую „гоньбу за тяглецомъ", усиленное блюстительство, чтобы онъ, тяглецъ, не отлынялъ какъ нибудь отъ тягла: противъ ослушныхъ и неисправныхъ тяглецовъ практикуются тѣ же строгости, что и про-

тивъ податныхъ земскихъ недоимщиковъ, то же выбиваніе недоимки правежомъ.

Наказы архіереевъ поповскимъ старостамъ однозвучны съ наказами изъ Четвертей отправляемымъ на города воеводамъ. Вопросы собственно административные — на второмъ планѣ, на первомъ — финансовый интересъ. Поповскій староста, въ глазахъ архіерея, прежде всего, сборщикъ пошлинъ съ духовенства, обязанный выбивать ихъ всѣми правдами и неправдами до назначенной архіерейскимъ управленіемъ суммы. Мирволить тяглецамъ онъ не можетъ, такъ какъ, въ случаѣ недобора, его самого владыка поставитъ на правежъ, подобно тому, какъ воевода, за податной недоборъ, ставитъ на правежъ земскаго старосту, а Четверть, иной разъ, ставила самого воеводу и его „подьячего съ приписью".

Эта круговая правежная порука отъ тяглеца до верховъ администраціи держится въ XVII вѣкѣ съ одинаковымъ упорствомъ и въ государственномъ управленіи, и въ духовномъ, и, пожалуй, во второмъ даже прочнѣе. А если не правежъ, то — запрещеніе священнослуженія, чтó, пожалуй, еще хуже, такъ какъ осуждало штрафованнаго попа либо бродяжить по волчьему паспорту, либо погибнуть въ совсѣмъ уже безпомощной голодной нищетѣ.

Государственная администрація значительно раньше церковной утратила рѣзкую, преобладающе подчеркнутую, фискальную окраску, столь характерную для нея въ первой половинѣ XVII вѣка, при первыхъ Романовыхъ. Церковная же администрація, по свойственной ей консервативности, удержала въ своей системѣ принципіальное главенство финансовыхъ заданій на всемъ протяженіи XVII вѣка, съ нимъ перешла въ XVIII-й и благополучно пронесла его даже сквозь реформу Петра Великаго. Не измѣнила даже обычнаго языка своихъ грамотъ, создавшагося еще во времена всеобщаго господства кормленія. Предъ самой реформой Петра встрѣчаемъ грамоту поповскимъ старостамъ патріарха Адріана, которая можетъ служить полнымъ и выразительнымъ памятникомъ всѣхъ особенностей этой системы. (П. С. З. III. № 1612. — Знам. 553—554).

Тяглецъ духовной власти, священникъ, сосѣдствуя съ тяглецами власти государственной, крестьянами и посадскими, и отъ нихъ питаясь, въ качествѣ почти что мірского захребетника, не могъ не видѣть, что, при зыбкости и неопредѣленности всѣхъ иныхъ доходныхъ статей, единственнымъ для него вѣрнымъ средствомъ прокормиться и оправдать тягло заключается въ той же силѣ, что кормитъ его прихожанина, тяглеца государственнаго, и ему помогаетъ вытягивать царское тягло: въ землѣ-кормилицѣ. И, вотъ, мало по малу, земля сдѣлалась главнымъ источникомъ содержанія сельскаго духовенства, господствующимъ надъ остальнымя, и главною существеннѣйшею его заботою и страстью. А само духовенство обратилось чрезъ то въ странное между-сословіе, неуспѣшное ни въ церкви, ни въ крестьянствѣ.

Церковные земельные надѣлы по межеванію 1680 и 1684 г. были нескудны для мелкаго хозяина, обрабатывающаго землю своими руками, но не могли окупить наемнаго труда. Въ русскихъ бытовыхъ сказкахъ и побасенкахъ играютъ не малую роль „поповы работники“ и „батраки“. Но, во первыхъ, всѣ они — даровыя: служатъ, за „что дашь“, за три щелчка въ лобъ (знаменитая пушкинская сказка о Балдѣ) и т. п. Въ иныхъ сказкахъ вознагражденіе принимаетъ непристойный характеръ, съ намеками на любовную связь батрака съ попадьей или поповой дочерью. Во вторыхъ, батрачатъ у сказочныхъ поповъ исключительно бродяги, представители „шляющагося народа“, отмѣчаемые такими выразительными именами, какъ Балда, Шебарша, Шушерга и т. п., либо, безъ имени, „бурлакъ“, „бездомушникъ“. Ясно, что, въ нормальныхъ условіяхъ труда, попу не по силу былъ наемъ хорошаго мѣстнаго работника и, въ семъ качествѣ, на поповскій дворъ забредали лишь случайные проходимцы изъ тогдашняго „люмпенпролетаріата“, договорный союзъ съ которыми дѣлалъ нанимателя смѣшнымъ въ глазахъ хозяйственнаго крестьянства.

Разъ попъ не въ состояніи былъ пользоваться своимъ участкомъ чрезъ отдачу его въ чужія руки, то земля

требовала и брала его всего, со всѣми рабочими руками его семьи, на трудъ безплатный, но, за то, и неотрывный. Поэтому, вопреки благожелательнымъ и справедливымъ полу-сожалѣніямъ, полу-укоризнамъ Посошкова, Татищева, Волынскаго и др., духовенство никакъ не могло уклониться отъ рокового засасыванія своего сословія бытомъ грубо-земледѣльческимъ, мужицкимъ. И, подобно быту мужицкому, весь бытъ сельскаго духовенства также сталъ опредѣляться жадною погонею за землею.

Стремленіе заручиться лишнимъ клочкомъ земли было настолько велико, что причты церквей, плохо обезпеченныхъ землею, охотно брали за себя участки даже изъ общинныхъ тяглыхъ земель, тѣмъ самымъ взваливая на себя, въ добавокъ къ своему духовному тяглу, еще и всѣ подати и повинности тягла крестьянскаго. Нѣчто вродѣ такого соглашенія имѣется и въ не разъ уже цитированной мною Важской порядной. Попъ Ѳедоръ Алексѣевъ обязуется платить падающія на удѣляемый ему участокъ казенныя подати и мірскіе сборы, начиная съ Ильина дня (20 іюля, а сдѣлка заключается 8 апрѣля); прежнія недоимки, числящіяся на участкѣ, долженъ уплатитъ міръ. Договоръ толсто подчеркиваетъ временно-владѣльческій характеръ священническаго пользованія участкомъ. Окончивъ ли срокъ договора, ранѣе ли отъ него отказавшись, священникъ обязанъ сдать землю въ міръ въ томъ же видѣ, какъ ее принялъ. „А пришелъ я, попъ Ѳедоръ Алексѣевъ, ко ржи, къ парамъ, а прочь пойду — рожь насѣять и пары спарить“.

VIII

Поповскіе приработки.

1.

Въ концѣ XVI вѣка, при благочестивѣйшемъ и
русскихъ царей, Ѳедорѣ Ивановичѣ, англичанинъ Фл
черъ имѣлъ случай проэкзаменовать вологодскаго ар
рея по начальнымъ вопросамъ христіанской вѣры На
архіерея человѣкомъ безусловно невѣжественнымъ и,
димо, мало религіознымъ, Флетчеръ, не безъ изумле
предъ такимъ страннымъ архипастыремъ, задалъ вопро
„Для чего ты постригся въ монахи?“ И получилъ прос
душный отвѣтъ: „Для того, чтобы спокойно ѣ
хлѣбъ свой“.

Лѣтъ за сорокъ безъ малаго до Флетчера, укор
русское иночество, какъ разъ тѣмъ словомъ, царь Ив
Васильевичъ въ восьмомъ своемъ вопросѣ къ Стоглав
собору — „О монастырѣхъ и о иноцѣхъ“: „А въ монас
рѣхъ чернецы и попы, нѣціи стригутся спасенія ради ду
своя; нѣціи же отъ нихъ стригутся покоя ра
тѣлеснаго.“ А сто лѣтъ спустя послѣ Флетчера, такъ же
словно обличалъ св. Димитрій Ростовскій уже бѣлое духо-
венство своего времени: „Что тя приведе въ чинъ священ-
ническій? То ли, дабы спасти себѣ и инѣхъ? Никакоже,
но чтобы прокормити жену и дѣти и домашния
Разсмотри себѣ всякъ, о освященной человѣче, что ты м
слилъ еси, проходя въ чинъ духовный. Спасенія ли ради ш

еси или ради покормки, чѣмъ бы питать тѣло? Поискалъ Iисуса не для Iисуса, а для хлѣба куса".

Несомнѣнно, что искавшихъ въ священствѣ преимущественно, а, можетъ быть, и только „хлѣба куса", было громадное большинство. Но искать еще не значитъ находить. За исключеніемъ незначительнаго процента причтовъ, состоявшихъ на государственной ругѣ въ Москвѣ, въ подмосковныхъ, а глубже въ страну — по сосѣдству съ какой либо царской резиденціей, духовенство XVI—XVIII вв. рѣдко могло прокормиться своимъ профессіональнымъ доходомъ. Обезпеченный „хлѣба кусъ" доставался немногимъ, а масса жестоко бѣдовала, мужиковала и, за лишній, клочекъ земли, находились въ сословіи охотники верстаться даже въ двойное крестьянское тягло. (См. выше 128).

Чтобы не только существовать, но и хоть сколько нибудь жить, священнослужитель долженъ былъ пополнять малую доходность своего сана какимъ либо приработкомъ, не очень то разбирая, на сколько характеръ взятаго труда соотвѣтствуетъ достоинству сана. Иностранцы (Петръ Петрей, Олеарій) видѣли священниковъ и монаховъ на промыслѣ извозномъ. (См. выше 107).

Мѣстами, напр. на Украйнѣ, гдѣ духовенству жилось лучше, оно выработалось въ своеобразный разрядъ торговаго класса. Но для торговли требуются умѣнье, удача, оборотный капиталъ, да и, прежде всего, было бы чѣмъ и съ кѣмъ торговать. Типъ попа-коммерсанта, впослѣдствіи обычный также и для сѣвера, тогда еще не нуженъ тамъ былъ и не успѣлъ выработаться. Сѣверный попъ, для приработка, въ состояніи былъ только крестьянствовать. Работая, какъ мужикъ, бѣдуя, какъ мужикъ, невѣжественный, какъ мужикъ, онъ, можетъ быть, усваивалъ себѣ, въ крестьянствѣ, кое какія мужицкія добродѣтели, но еще легче и въ большей степени, — всѣ порочныя наслѣдія извѣчнаго мужицкаго бѣдованья.

Если священникъ былъ достаточно грамотенъ и не обдѣленъ практическимъ смысломъ, то близость къ крестьянскому быту легко дѣлала его юрисконсультомъ прихода. Въ XVII вѣкѣ скрѣпа подписью приходского священ-

ника оффиціально требовалась для различныхъ волостныхъ актовъ: выборовъ на разныя должности; показаній при повальныхъ обыскахъ, разнаго рода протоколовъ. Выборъ на земскую должность, къ записи о которомъ „попъ руки не прикладывалъ“, могъ быть опороченъ, какъ недѣйствительный. Такъ какъ, въ большинствѣ своемъ, выборныя земскія власти грамотѣ не умѣли, то должны были, „въ свое мѣсто“, представлять оффиціальныя волостныя бумаги записками „за поповскою рукою“, предпочтительно же — за подписью своего духовника. Изъ этого возникало много затрудненій и непріятностей: священникъ не всегда охотно давалъ свою подпись, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда не былъ духовникомъ выборнаго, отъ котораго исходилъ документъ.

„И ее, государь, возьми и досмотрѣнную записку (протоколъ осмотра), — проситъ, посланный на слѣдствіе, земскій цѣловальникъ Первушка, Устьянской Чабромской волости. — А грамотѣ азъ не ученъ, руки приложить не умѣю. А отецъ духовный померъ, у котораго на духу бывалъ. А нынѣшной попъ у Николы служитъ, и у того азъ на духу не бывалъ и меня не слушаетъ, язъ ему билъ челомъ, и въ мое мѣсто руки не прикладываетъ. А записку писалъ земскій дьячекъ, не язъ, и въ томъ Богъ воленъ да государь“. (1631 г.).

Одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ сѣвернаго обычнаго права, такъ называемый Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича, внимательно разсмотрѣнный покойнымъ М. Богословскимъ въ превосходномъ „Земскомъ самоуправленіи на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“, требуетъ, чтобы за поповскою рукою представлялись всѣ публичные акты совѣстнаго характера, исходящіе отъ неграмотныхъ прихожанъ. Предполагалось, что попъ, какъ духовникъ своей паствы, наилучшій поручитель и отвѣтчикъ за вѣрность и прямодушіе пасомаго. О томъ, что отказъ духовника скрѣпить показаніе духовнаго сына могъ весьма часто щекотливо граничить съ нарушеніемъ тайны исповѣди, какъ то не думали.

Изъ частныхъ актовъ, священнику предоставлялась названнымъ Судебникомъ очень важная роль при состав-

леніи духовнаго завѣщанія. „А кто при смерти напишетъ духовную, и попу у духовные сидѣти“. Написанная духовная вручалась священнику на храненіе съ тѣмъ, чтобы, если завѣщатель помретъ, то священникъ долженъ выдать ее наслѣдникамъ, а „будетъ боль оживетъ (больной выздоровѣетъ), попу духовная драти“.

До 1683 г. рукоприкладство священника за неграмотныхъ широко практиковалось равно и въ судебныхъ актахъ. Знаменитый архіепископъ Аѳанасій Холмогорскій обратилъ вниманіе на то, что обычаемъ этимъ духовенство втягивается въ мелкую адвокатуру по крестьянскимъ тяжбамъ, занимается хожденіемъ по судебнымъ дѣламъ, кляузничаетъ, и, такимъ образомъ, отбивается отъ служенія алтарю. Послѣдовало архіерейское предписаніе, чтобы священники „къ мірскимъ купчимъ и закладнымъ и къ поручнымъ записямъ, и къ мѣннымъ, и къ инымъ никакимъ письменнымъ крѣпостямъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ рукъ не прикладывали и не писались ни въ какія крѣпости кромѣ духовныхъ и челобитенъ, которыя посылаются къ преосвященному архіепископу, о строеніи и объ освященіи св. церквей и о ставленникахъ въ попы и дьяконы“. Одновременно Аѳанасій запретилъ церковнымъ дьячкамъ править при волости писарскую должность, что было обычнымъ совмѣстительствомъ до этого грознаго архіерея, нетерпимо враждебнаго выборному началу и близкой, чрезъ него, смежности дѣлъ земскихъ и церковныхъ.

2.

Исполнялись ли подобные указы? Едва ли. Можетъ быть, они вели только къ тому, что изъ открытаго юрисконсульта сельскій попъ превращался въ подпольнаго адвоката: вѣдь другого грамотнаго совѣтчика сѣверному мужику взять было неоткуда.

Что сельское духовенство содѣйствовало умноженію среди крестьянъ юридическихъ столкновеній и кляузы, свидѣтельствуетъ Татищевъ: „А потомъ пьяные, поссорясь, стараются крестьянъ научить отнять у сосѣда землю, зная,

что челобитьемъ искать на челобитчикѣ и вѣку человѣческаго не достанетъ“.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что, на ряду съ грѣхомъ кляузъ, эти священники-рукоприкладчики бывали иногда и заступниками народными: въ мѣстностяхъ земскаго самоуправленія отъ произвола выборныхъ и приказныхъ властей, а въ мѣстностяхъ крѣпостного владѣнія отъ злоупотребленій властью помѣщика.

По Судебнику царя Ѳедора Ивановича, ни одинъ „отбой“ (или „отбойная запись“), т. е. протоколъ объ учиненномъ отъ кого либо сопротивленіи земскимъ судебнымъ властямъ, не могъ быть отправленъ въ Москву иначе, какъ за поповскою рукою. А, такъ какъ сопротивленія приключались часто, то ясно, что рука попа совѣстливаго и справедливаго была въ состояніи здѣсь очень помочь иному неправедно обвиненному, затормозить пристрастный доносъ, направить дѣло къ дослѣдованію и т. д.

По мѣрѣ того, какъ забирало силу крѣпостное право, сельское духовенство сдѣлалось и до конца XVII вѣка оставалось безсмѣннымъ секретаремъ челобитныхъ на помѣщиковъ. За челобитья свои челобитчики шли подъ кнутъ и въ каторжныя работы, а авторы, редакторы и писцы челобитныхъ, духовныя лица сельскихъ причтовъ, подпадали суду и терпѣли тяжкія дисциплинарныя наказанія и мстительныя помѣщичьи преслѣдованія,

Въ 1767 г. отъ духовенства потребовано было обязательство, что оно не будетъ содѣйствовать крестьянскимъ жалобамъ, а, напротивъ, будетъ убѣждать крестьянъ покорно повиноваться господамъ своимъ. Обязательство это осталось мертвою буквою, потому что очень скоро понадобилось повтореніе. Новымъ указомъ 1781 г. рѣшительно воспрещено было всѣмъ священно-и-церковно-служителямъ писать и подписывать крестьянамъ ихъ жалобы на владѣльцевъ; со всѣхъ ставленниковъ при поставленіи въ церковныя должности велѣно брать въ слышаніи и исполненіи указа особыя росписки. Такимъ образомъ, невниманіе къ положенію помѣщичьяго крестьянина, крѣпостной человѣчьей души, было поставлено свѣтскою и си-

нодальною властью въ условіе полученія священнической благодати отъ Духа Святого!

3.

О кляузничествѣ русскаго духовенства иностранцы ничего не сообщаютъ, но, за то, Таландеръ обвиняетъ московскихъ священниковъ въ ростовщичествѣ.

Извѣстно было иноземнымъ гостямъ и то плачевное обстоятельство, что, въ видахъ умноженія своего невѣрнаго и скуднаго дохода, духовенство злоупотребляло народнымъ довѣріемъ и пускало въ ходъ разные непозволительные обманы, измышляя чудеса отъ иконъ, видѣнія, невѣдомые голоса, якобы съ неба. Въ пріѣздъ Олеарія, два священника навели страхъ на населеніе Архангельска, начертавъ на иконахъ красками какіе то угрожающіе, якобы явленные, знаки. Испуганные архангельцы предались посту и покаянію, съ щедрыми приношеніями въ храмъ Божій. Лукавые попы собрали много денегъ, но, при дѣлежѣ, какъ водится, переругались и выдали другъ друга. Ихъ били кнутомъ.

Другіе промышляли молебнами и панихидами у „невѣдомыхъ и несвидѣтельствованныхъ Церковью гробовъ", либо даже вступали въ открытый компромиссъ съ языческимъ преданіемъ, молебствуя у какого нибудь суевѣрно чтимаго дуба, источника, камня. Противъ такихъ извлекателей экстренныхъ доходовъ изъ народнаго суевѣрія московское правительство разсылало не мало указовъ на протяженіи XVI—XVII вв. Каждый церковный соборъ не упускалъ случая обрушиться на ханжеское шарлатанство новымъ грознымъ обличеніемъ. Однако, въ подобныхъ фокусахъ продолжали упражняться не только церковнослужители, дьякона и священники, но и архіереи: напримѣръ Александръ Вятскій. О немъ позднѣйшій архіерей и историкъ Вятской епархіи, Платонъ Любарскій, говоритъ, какъ о человѣкѣ малограмотномъ, но на религіозное плутовство онъ былъ большой мастеръ.

Вообще, ханжеское шарлатанство и фокусничество, въ

привычныхъ глазахъ московскаго общества, стало настолько постояннымъ и какъ бы органическимъ свойствомъ русскаго духовенства, что, при Петрѣ, Духовный Регламентъ ввелъ для ставленниковъ обязательное трехмѣсячное испытаніе, имѣвшее цѣлью наблюсти не то, достаточно ли вѣруетъ ищущій осѣненія благодатью священства, но, напротивъ, — не черезчуръ ли усерденъ онъ вѣровать? То есть: „не ханжа ли онъ, не притворяетъ ли смиренія, что умному человѣку не трудно узнать, такоже не сказуетъ ли о себѣ или и о иномъ сновъ и видѣній, ибо отъ таковыхъ каковаго добра дѣятися, развѣ бабьихъ басенъ и иныхъ вредныхъ въ народѣ плевелъ вмѣсто здраваго ученія“.

Много упрековъ взводилось на духовенство и многими грѣхами оно было виновато противъ своего посвященія и совѣсти. За деньги продавали таинства, преподавали Тѣло и Кровь Христову недостойнымъ, „мзду нѣкую получивъ, свершали незаконные браки, воровски утаивали казенный доходъ“. Священники и дьяконы, „неподобнаго ради пріобрѣтенія“, завладѣвали иногда двумя церквами, и также зачисляли за собою причетническія мѣста. Заботясь только о прибыткахъ, священнослужители и церковники не брезговали даже такими непристойными для пастырей церкви промыслами, какъ винокуреніе, чернокнижіе и—наконецъ—воровство и разбой!

4.

Просматривая архивныя дѣла уѣздныхъ судовъ Нижегородской губ. за XVIII вѣкъ, съ изумленіемъ видимъ, что въ одномъ селѣ попъ держалъ притонъ для воровъ и разбойниковъ, въ другомъ разживался пріемомъ краденыхъ вещей, въ третьемъ самъ воровалъ и грабилъ, участвовалъ въ разбояхъ, какъ въ привычномъ промыслѣ.

Въ 1788 г. въ Арзамасѣ началось и потянулось на 13 лѣтъ дѣло о бывшемъ попѣ селъ Богородскаго и Захарьевки, Григорьѣ Алексѣевѣ, съ дочерью въ чинимыхъ ими кражахъ. Этотъ батюшка, по всей вѣроятности, былъ клеп-

томанъ: тащилъ буквально все, что плохо лежало, — церковную утварь, жемчугъ съ иконъ, бѣлье, развѣшенное во дворѣ у дьячка-сосѣда, живыхъ барановъ съ базара, бочки изъ подъ вина, драницы, колеса, двери. Всѣ покраденные предметы были у него обнаружены обыскомъ, но онъ ни въ одной кражѣ не сознался, утверждая, что вещи его собственныя. Послѣ тринадцатилѣтней волокиты дѣло о. Алексѣева было прекращено по коронаціонному манифесту 1801 года.

XVII вѣкъ, помимо участія духовенства въ разбояхъ Разинщины, богатъ примѣрами якшанія поповъ съ „удалыми". Даже не въ селѣ, а въ самомъ Воронежѣ на посадѣ, Ильинскій попъ Яковъ водился съ мѣстнымъ разбойникомъ Антошкою. Заманивъ къ себѣ боярскаго сына Өедора Плясова „вина пить", попъ Яковъ съ Антошкою и своими домашними пытали и мучили гостя, вымогая деньги, ограбили до тла, водили топить на рѣку, но смиловались, отпустили, приведя къ кресту, что жаловаться не будетъ.

Въ 1671 г. появились разбойники въ Тотемскомъ уѣздѣ. Сообщникомъ ихъ, пристанодержателемъ и пріемщикомъ награбленнаго добра оказался строитель Тафтенской пустыни, старецъ Өерапонтъ.

Можно думать, что воровскіе и буйные элементы въ духовенствѣ XVII столѣтія развились изъ сѣмянъ Смутнаго времени. Тогда сельское духовенство сыграло большую роль въ организаціи патріотическаго партизанскаго движенія „шишей". Первоначальная дѣятельность „шишей" была полезна, но, какъ всякая партизанская организація мелкаго дѣйствія небольшими бандами, „шиши" не избѣжали вырожденія въ погромныя шайки. Въ 1612—15 г.г. сельскій обыватель Московіи едва ли меньше терпѣлъ отъ патріотовъ „шишей", чѣмъ отъ гультаевъ Лисовскаго, и едва ли больше любилъ ихъ, чѣмъ „пановъ" „усовъ" и пр. удалыхъ, застрявшихъ на Руси, какъ острые осколки Тушина и „литовскаго разоренья". Разбойничье вырожденіе шишей, равно какъ участіе въ ихъ шайкахъ духовенства, оставило слѣдъ въ народныхъ сатирическихъ пѣсняхъ:

Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
Какъ ѣхала свадьба на семерыхъ саняхъ.
На семерыхъ саняхъ, по семеро въ саняхъ.
Въ первыхъ то саняхъ — атаманы сами.
Во вторыхъ то саняхъ — есаулы сами.
Въ третьихъ то саняхъ — разбойники сами.
А въ четвертыхъ саняхъ — мошенники сами.
А въ пятыхъ то саняхъ дерники сами,
А въ шестыхъ то саняхъ — ?
А въ седьмыхъ то саняхъ самъ попъ-отъ Емеля.
Самъ попъ-отъ Емеля, — крестъ на рамени,
Крестъ на рамени, полторы сажени.
А Богъ же вамъ въ помощь, духовныя дѣти,
Полѣзайте, дѣти, во чvжія клѣти,
Во чужія клѣти, молебны пѣти.
Коли Богъ поможетъ, попа не забудьте,
Коли чортъ порушитъ, двора мово не знайте!

Въ тверскомъ, Старицкаго уѣзда, варіантѣ, кромѣ попа Емели (лица, кажется, историческаго; въ пѣсняхъ онъ именуется также Семеномъ. Не отъ него ли пословица: „Уменъ, какъ попъ Семенъ, что книги продалъ да карты (вар. кости, саблю) купилъ“?—а Загоскинъ въ „Юріѣ Милославскомъ“ окрестилъ его, тоже на основаніи пѣсни, Еремою) является еще жена его, попадья Алена. Подобно той Аленѣ, старицѣ-ворожеѣ, которая, въ Разинщину, разбойничала въ Темниковѣ съ атаманомъ Ѳедькой Сидоровымъ и была сожжена кн. Долгорукимъ, эта Алена — тоже вѣдунья:

Поподья Алена на воду смотрѣла
На воду смотрѣла, ворамъ говорила:
Не ѣздите, дѣти, въ чужія клѣти,
Не та погода, будетъ невзгода!
Не слушались воры попадьи Алены,
Сѣли-засвистали, коней нахлыстали.

(Ср. въ „Одерж. Руси“ стр. 251, въ „Зарѣ русской женщ.“ стр. 27. 28).

IX

Попы и бунты.

1.

Русское духовенство, — сословіе, извѣчно предполагаемое союзнымъ „существующему строю“ и „властямъ предержащимъ“, — въ XVII и XVIII в.в. оказалось, однако, значительною частью своего состава, революціоннымъ и сыграло немаловажную роль въ бунтахъ Разина и, въ особенности, Пугачева.

Главною причиною такому, казалось бы, неестественному, даже какъ бы противоестественному, движенію класса, по существу, устойнаго и консервативнаго, обозначилась его матеріальная нищета и безнадежная необезпеченность. А, изъ нихъ истекая, — полукрѣпостное, подневольное состояніе приходскаго духовенства въ областяхъ помѣщичьяго земле и душевладѣнія, и одуряющее чернорабочее мужичество ради прокорма семьи натуральнымъ хозяйствомъ на вольныхъ государевыхъ земляхъ. А отсюда — и тамъ, и тамъ — глубокое невѣжество, во тьмѣ котораго могъ мерцать недобрымъ свѣтомъ только одинъ огонекъ: справедливо озлобленнаго негодованія на свою горькую судьбу и на ея властныхъ устроителей.

Историкъ, публицистъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей первой половины XVIII вѣка, Василій Никитичъ Татищевъ, въ знаменитомъ своемъ завѣщаніи сыну, даетъ ему, какъ помѣщику, рядъ добрыхъ

совѣтовъ о хорошемъ отношеніи къ сельскому духовенству. Помѣщикъ обязанъ обезпечить священника матеріальнымъ содержаніемъ и поднять его образованіе духовное. Для этой цѣли помѣщикъ долженъ оторвать священника отъ чернаго пахотнаго труда, который, въ тѣ времена, составлялъ для сельскаго духовенства единственное, хотя бы и скудное, но вѣрное средство къ существованію. Земля кормитъ, но, зато, и поглощаетъ всего человѣка. У своеручнаго земледѣльца, питающагося отъ своего малаго участка, не остается ни времени, ни силъ для духовной работы надъ собою ли, надъ своими ли ближними. Поэтому Татищевъ объявляетъ земледѣліе несогласнымъ съ назначеніемъ и общественнымъ положеніемъ священника и требуетъ, чтобы земельное обезпеченіе духовенства было замѣнено денежнымъ. „За деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣносу, что и сану ихъ совсѣмъ неприлично, и черезъ то надлежащее почтеніе теряютъ". (См. выше 108).

Давая такіе разумные совѣты въ пользу сельскаго духовенства, Татищевъ заботился, однако, отнюдь не о духовномъ сословіи, опустившемся и впавшемъ въ презрѣніе, но о собственномъ дворянскомъ. Какъ человѣкъ чрезвычайно умный и наблюдательный, Татищевъ не могъ не видѣть, что, чѣмъ болѣе омужичивается священникъ, тѣмъ болѣе онъ становится своимъ братомъ настоящему мужику. А такое сближеніе двухъ угнетенныхъ сословій, податного и полуподатного, одинаково прикованныхъ всѣми своими интересами къ землѣ-кормилицѣ, казалось дальновидному „птенцу Петрову" очень опаснымъ.

Татищевъ сознаетъ, что вліяніе духовенства на крестьянъ не ограничивается религіозною сферою, что невѣжество и бѣдность священника съ причтомъ зловредно отражается на нравственности невѣжественнаго крестьянскаго прихода. Онъ боится пріятельства и якшанія между попами и мужиками. „Попы, получивъ отъ крестьянъ алтыны, мирволятъ и совсѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ, (т. е. не борятся съ невѣжествомъ и безнравственностью), къ тому же почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ,

одно только имъ разсказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво, сидѣть вино, ѣдятъ и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого и помышленія не имѣютъ".

Въ чемъ же видитъ Татищевъ прямую и порядочную христіанскую должность священника? А вотъ: онъ долженъ быть для помѣщика посредникомъ и щитомъ противъ недовольства крестьянъ. „Старайся имѣть попа ученаго, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо гдѣ ты жить будешь, имѣй съ нимъ частое свиданіе, награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобы отъ него навозомъ не пахло. Голодный, хотя бъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣбца возьметъ... А крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидятъ, подводя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучатъ и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когда же гдѣ есть ученый попъ и добраго поведенія человѣкъ, къ тому же не имѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное житіе и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ".

2.

Татищевъ принадлежалъ къ поколѣнію „птенцовъ Петровыхъ". Для этого поколѣнія бунтъ Стеньки Разина былъ еще довольно свѣжимъ преданіемъ, а стрѣлецкіе бунты оно само, въ юности, видѣло собственными глазами. Къ духовенству русскому „птенцы Петровы" не могли питать ни симпатіи, ни довѣрія. То обстоятельство, что въ заграничныхъ образовательныхъ путешествіяхъ они насмотрѣлись духовенства болѣе образованнаго, благовоспитаннаго и организованнаго въ мощную стройность, имѣло здѣсь второстепенное значеніе. Равно какъ и примѣры глубочайшаго неуваженія къ духовному сословію, подаваемые главою и выразителемъ поколѣнія, самимъ царемъ Петромъ.

Его „всепьянѣйшіе соборы“ и всякія кощунственныя безобразія не привлекали, но отталкивали людей, успѣвшихъ нѣсколько прикоснуться къ европейской культурѣ. Но и Петръ, и птенцы его не только чрезъ свое настоящее чувствовали, но изъ близкаго прошлаго помнили въ духовенствѣ оппозиціонное бродило, революціонныя (или, если смотрѣть на самого Петра, какъ на революціонера, то контрреволюціонныя) дрожжи.

Петръ съ трудомъ выдерживалъ по отношенію къ „бородачамъ“ линію непріязненнаго нейтралитета, всегда готоваго перейти въ открытую вражду. По отношенію къ старой церкви онъ не вытерпѣлъ, гналъ ее жестоко, обезправилъ, унизилъ, — и на томъ проигралъ игру. Новую церковь ему, полицейскими трудами Ѳеофана Прокоповича, удалось загнать въ синодскую казарму и закабалить государству, вѣрнѣе, престолу. Этимъ создалась между народомъ и церковью трещина, однако, все же, не такая широкая и глубокая, какъ между народомъ и правящимъ господскимъ классомъ, начавшимъ уже вырабатывать „интеллигенцію“, параллельно стараясь всѣми средствами домогательства утвердить незыблемость крѣпостнаго права.

Дальновидные люди, вродѣ Татищева, понимая двусмысленность между-классоваго положенія духовныхъ лицъ, заботились, — какъ бы, не засыпая трещины, образововшейся между дворянствомъ и духовенствомъ, не давать ей разростаться, а, напротивъ, сузить ее до возможности общихъ интересовъ, союза и сотрудничества. Сельскій попъ мечтается Татищеву французскимъ кюрэ или нѣмецкимъ пасторомъ, тѣсно зависимымъ отъ просвѣщеннаго сеньера въ замкѣ и его моральнымъ тѣлохранителемъ, поддерживающимъ авторитетомъ благодати, полученной отъ Бога, авторитетъ власти, полученной отъ царя.

За глубокимъ невѣжествомъ, какъ дворянства, такъ и духовенства, изъ этихъ мечтаній ровно ничего не вышло. (Любопытно, что нѣкоторые, весьма острые умы XVIII в., въ противность Татищеву, опасались именно превращенія сельскаго духовенства въ кюрэ и пасторовъ: знаменитый Болтинъ находилъ невѣжество русскихъ поповъ государ-

ственно полезнымъ, ибо имъ де Россія избавлена отъ язвы клерикализма). Въ попахъ, державшихъ помѣщичью руку, недостатка не было. Были даже попы, дѣлавшіеся управителями помѣстій и юрисконсультами помѣщиковъ, при чемъ крѣпко забирали своихъ довѣрителей и, въ особенности, довѣрительницъ въ руки, какъ то изображаетъ въ своихъ запискахъ А. Т. Болотовъ примѣромъ своей собственной родительницы. Но то были рѣдкія исключенія изъ правила, возможные едва ли не только тамъ, гдѣ интеллектъ „дикаго помѣщика" или „дикой помѣщицы" стоялъ на уровнѣ, еще нижайшемъ интеллекта „дикаго попа". Да и то сомнительно, чтобы Тарасъ Скотининъ или г-жа Простакова способны были сколько нибудь считаться съ авторитетомъ своихъ „батюшекъ".

Въ правилѣ, трещина между дворяниномъ-помѣщикомъ и сельскимъ попомъ ширилась и углублялась съ года на годъ, въ результатѣ безстыдной тиранніи помѣщиковъ, большинство которыхъ какъ бы позабыло, что духовенство свободное сословіе, а не ихъ крѣпостные люди. Мемуары XVIII и даже первой половины XIX вѣка полны то слезными, то гнѣвными жалобами сельскаго духовенства на нестерпимый произволъ не только помѣщиковъ-магнатовъ, но и помѣщиковъ средней руки, подъ покровительствомъ первыхъ. Тутъ и земельные захваты, и побои (даже въ церкви!); и травля „долгополыхъ" борзыми собаками; и принужденіе къ вѣнчанію беззаконныхъ браковъ съ петлею на шеѣ, или, въ томъ же порядкѣ, къ христіанскому погребенію затравленныхъ бариномъ медвѣдей, либо любимаго кобеля; обрѣзаніе косицы, припечатаніе бороды сургучемъ къ столу и пр., и пр. Безконечный мартирологъ сословія „униженныхъ и оскорбленныхъ", который подробно вспоминать излишне и противно. Достаточно сказать, что даже писатель, столь мало расположенный къ духовенству, какъ М. Е. Салтыковъ, вспоминаетъ о помѣщичьемъ отношеніи къ духовнымъ лицамъ во времена его дѣтства (30-е годы) съ величайшимъ отвращеніемъ, какъ нѣчто, въ чемъ „за человѣка страшно".

Такъ что нисколько не удивительно, если, когда гря-

нула Пугачевщина, сельское духовенство явило себя далеко не опорнымъ столпомъ, дворянами окруженнаго, трона и дворянскаго душе и землевладѣнія, а, напротивъ, оказалось элементомъ неблагонадежнымъ.

3.

За сто лѣтъ до Пугачева, въ Разинщину, также многіе попы тогда „противъ государевыхъ людей бились, бунты заводили, домы грабили, женскому полу поруганіе чинили и иныхъ запытали до смерти“, за что и платились жизнью, когда попадали въ руки царскихъ воеводъ.

Стенька пользовался священниками, какъ парламентерами. Одного изъ нихъ, астраханской Воздвиженской церкви, астраханскій воевода, князь Прозоровскій, посадилъ за это въ каменную тюрьму при Троицкой церкви и запыталъ. Въ Темниковѣ разинцами руководили попъ Савва, съ шайкою изъ 18 человѣкъ, атаманъ Ѳедька Сидоровъ и черница Алена. Въ Уренской слободѣ „заводчикъ ворамъ“ былъ попъ изъ села Никитина, а въ Козьмодемьянскѣ соборный попъ Ѳедоровъ. Всѣхъ перевѣшали — кого кн. Долгорукій (черницу онъ сжегъ въ срубѣ), кого кн. Барятинскій. Въ Лысковѣ духовенство встрѣтило Стенькина атамана съ крестами и образами и затѣмъ лысковскіе попы ѣздили парламентерами отъ Максима Осипова (имя атамана) въ непокорный Желтоводскій Макарьевскій монастырь. Село Мурашкино, приставъ къ Лыскову, тоже вело переговоры съ монастыремъ черезъ своего священника Максима Давыдова.

Иностранные свидѣтели эпохи царя Алексѣя также упоминаютъ объ участіи въ Разинскомъ бунтѣ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, повидимому, принадлежавшихъ къ партіи патріарха Никона. Что Разинъ пытался использовать народное недовольство низверженіемъ Никона и старался войти въ сношенія съ патріархомъ, это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Стенька подъ пыткою показывалъ, будто Никонъ прислалъ ему монаха для переговоровъ. Никонъ легко оправдался отъ этого вымученнаго поклепа. Но общеизвѣстный фактъ, что Разинъ самозванствовалъ отъ имени

Никона и царевича Алексѣя (недавно передъ тѣмъ умершаго), будто бы бѣжавшихъ къ нему отъ царскаго гоненія и боярской злобы. Викгартъ (1675) сообщаетъ, что Разинъ для большаго успѣха своего дѣла поднялъ два знамени — съ портретомъ Никона и царевича „Нечая" (т. е. неожидаемаго). Въ Москвѣ Разинъ держалъ агентомъ какого-то священника, который письмами увѣдомлялъ его о настроеніи столицы и торопилъ къ походу на Москву; между ними, будто бы, уже условлено было мѣсто и время свиданія, но тутъ агитаторъ былъ пойманъ и казненъ.

Однако, не смотря на многочисленные примѣры уклоненія въ разинщину, нельзя сказать, чтобы духовенство затронутыхъ ею областей тянуло къ ней дружно. Причина тому была въ лицѣ главы движенія. Казакъ-нигилистъ, разбойникъ каждымъ вершкомъ существа своего, Разинъ сперва не умѣлъ, а потомъ ужъ и не хотѣлъ скрывать, что онъ человѣкъ безъ религіи, а потому любой религіей готовъ пользоваться, когда ему то удобно и выгодно, и каждую религію спокойно выкинетъ за окно, какъ скоро нѣтъ ему въ ней надобности. Въ разсчетахъ и планахъ соціально-политической революціи, онъ хватался за церковный раздоръ, какъ за дубинку, которою можно сильно ударить по Москвѣ, а какую именно дубинку взять — ему было рѣшительно все равно. Лишь бы была поздоровѣе, а то— что ни попъ, то батька. Думалъ сначала сыграть на старой вѣрѣ, ходилъ (по молвѣ) за благословеніемъ въ Мезень къ ссыльному протопопу Аввакуму. Присмотрѣлся, увидѣлъ, что никоніанство сильнѣе числомъ и организовано лучше, а тоже чувствуетъ себя обиженнымъ, и, отвернувшись отъ старой вѣры, съ безстыдствомъ игрока, началъ ставить свои карты на злѣйшаго ея врага, Никона. Хвасталъ его именемъ, носилъ его портретъ на знаменахъ, съ почетомъ возилъ по Волгѣ въ роскошной, обитой чернымъ бархатомъ, галерѣ какого то самозваннаго Никона. Поэтому Стенькѣ не повѣрило ни старое, ни. новое духовенство. А когда Стенька допился и зазнался до упраздненія религіи, сталъ отрицать надобность храмовъ и священства, отмѣнилъ посты, ввелъ бракъ чрезъ вѣнчанье вокругъ раки

това куста, потребовалъ, чтобы съ Дона убирались вонъ священники, потому что они „царскіе богомольцы“, оба духовенства одинаково возмутились и испугались. Разгромы монастырей, убійство астраханскаго митрополита Іосифа и т. п. подвиги являли духовенству слишкомъ наглядно, чего оно можетъ ждать отъ Разина и разинцевъ. Поэтому московская анаѳема Стенькѣ прошла по Руси съ совершенною гладкостью и произвела должное впечатлѣніе, вопреки неотрывнымъ симпатіямъ голытьбы къ батюшкѣ Степану Тимофеевичу.

Возможно, что въ началѣ движенія духовенство приглядывалось къ нему не безъ выжидательнаго интереса, но и направленіе, и формы бунта должны были быстро разочаровать самыхъ снисходительныхъ оптимистовъ. Дѣйственно же примыкали къ Стенькѣ, — можно думать, — только бросовые элементы духовнаго сословія, которымъ, и по природѣ ихъ, было мѣсто не въ попахъ, а въ разбойникахъ. Въ средѣ захолустныхъ причтовъ не было недостатка въ подобныхъ типахъ. (См. выше стр. 133—138).

4.

Инымъ рисуется участіе духовенства въ Пугачевщинѣ. Казалось бы, тянуть къ ней православнымъ причтамъ было не съ чего. Пугачевъ шелъ подъ бѣлыми знаменами съ старообрядческимъ крестомъ и вѣшалъ никоніанскихъ поповъ не менѣе усердно, чѣмъ дворянъ-помѣщиковъ. По справедливому замѣчанію П. В. Знаменскаго, „изъ двухъ сословій, особенно пострадавшихъ среди бунта, дворянства и духовенства, трудно сказать, которое пострадало болѣе: духовенство выставило изъ своей среды 237 мучениковъ“. „Но, — продолжаетъ тотъ же историкъ, — еще выше была цифра духовныхъ лицъ, увлекшихся народнымъ движеніемъ своего края“.

Чтобы примкнуть къ „движенію всеобщаго негодованія“, какъ опредѣлялъ Пугачевщину наиболѣе дѣльный изъ ея усмирителей, Бибиковъ, духовенство накопило, за сто лѣтъ послѣ Разина, много своихъ частныхъ, сословныхъ причинъ.

Развитіе крѣпостного права, не касаясь духовенства de jure, давало ему больно чувствовать свои острые когти de facto. Вопреки умнымъ предостереженіямъ Татищева, Посошкова, Волынскаго и др., правительство не поднимало ни благосостоянія, ни образованности духовнаго сословія, а, напротивъ, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, полувѣка, содѣйствовало его упадку. Царствованіе Елизаветы слегка замазало, но не залѣчило раны, понесенныя духовенствомъ отъ Петра и Бирона. Достаточно было короткаго „скоморошьяго", какъ опредѣлялъ Ключевскій, царствованія Петра III, съ его германофильствомъ и откровенными симпатіями „люторской вѣрѣ", чтобы раны вскрылись и заболѣли пуще прежняго.

Петръ III не успѣлъ еще сдѣлать духовенству ничего дурного, но перепуганное сословіе, по крайней мѣрѣ въ своемъ столичномъ представительствѣ, уже возненавидѣло императора по предчувствію. Съ испуга, оно поторопилось благословить на царство смѣлую авантюристку, которая, будучи сама „перемазанною лютеркою", захватила престолъ подъ предлогомъ защиты греческой православной вѣры отъ угрожающаго на нее гоненія. (Первый пунктъ манифеста Екатерины, составленнаго Тепловымъ послѣ переворота 28 іюня 1762 г.). Но, благословенная архіереями (да и то не всѣми), „защитница благочестія" весьма скоро разочаровала своихъ благословителей мѣрами по отобранію церковныхъ имуществъ. Что же касается глубинъ сословія, сельскаго духовенства, то для него не только ничего не было сдѣлано, но, напротивъ, едва ли оно когда либо еще на Руси было такъ небрежно заброшено и презрительно принижено, какъ въ философскіе годы царствованія Екатерины II. Никогда не выявлялись съ такою оскорбительностью столкновенія духовной малоправности съ полномочіями гражданскихъ властей и съ дикимъ произволомъ помѣщиковъ, фаворитовъ военно-дворянскаго правительства подъ женскимъ скипетромъ. Никогда надежды сельскаго духовенства на улучшеніе своего матеріальнаго положенія не бывали обмануты такъ горько и непоправимо.

Великая актриса на тронѣ, Екатерина умѣла льстить

духовенству словами, иногда величественнымъ появленіемъ у какихъ либо святынь или мощей: горькій опытъ нелѣпаго супруга научилъ ее, что съ народною вѣрою въ Россіи шутки опасны, а попы, сколько ни забиты и принижены, все-таки, остаются носителями и представителями этой вѣры. Но въ душѣ она не любила православнаго духовенства и — даже не особенно скрывая то — находила, что этотъ классъ не худо держать въ черномъ тѣлѣ.

Духовенство тоже не замедлило разобраться въ личности „защитницы православія", и, какъ аукнулось, такъ и откликнулось: Екатерина утратила въ его средѣ свою кратковременную популярность. Въ столицахъ, на торжествахъ церковныхъ, Дмитрій Сѣченовъ и Георгій Конисскій говорили императрицѣ пышно-хвалебныя рѣчи, а обиженныя поповскія подполья перешептывались, судомъ, который Арсеній Мацѣевичъ имѣлъ смѣлость произнести во всеуслышаніе: „Государыня наша не природная и не тверда въ законѣ нашемъ, и не надлежало ей престола принимать".

Арсеній Мацѣевичъ былъ одинокъ только по фанатической дерзости языка, но не по мыслямъ. Екатерина знала, что въ народѣ (и, конечно, по наслышкѣ отъ духовенства) она слыветъ не „благочестивѣйшею самодержавнѣйшею великою государынею нашею", но великою грѣшницею, которую, пожалуй, не ко всякому богослуженію допускать слѣдовало бы, ибо ея мѣсто не въ храмѣ съ вѣрными, а на паперти съ покаянцами, либо съ оглашенными въ притворѣ.

Въ 1763 г. въ Ростовѣ предстояло церковное торжество: перенесеніе мощей новоявленнаго угодника, св. Димитрія, митрополита. Екатерина желала непремѣнно присутствовать на этомъ торжествѣ, а Арсеній Мацѣевичъ, повидимому, находилъ ея появленіе у раки угодника совсѣмъ нежелательнымъ. „Понеже я знаю властолюбіе и бѣшенство Ростовскаго владыки,—писала Екатерина Олсуфьеву, замѣтно встревоженная, — я умираю-боюсь, чтобы онъ не поставилъ раки Димитрія Ростовскаго безъ меня". Олсуфьевъ успокоилъ императрицу, что, молъ, противъ возмож-

наго самовольства митрополита приняты должныя полицейскія мѣры.

Эта странная переписка была бы неясна безъ послѣдующаго „инцидента“ у тѣхъ же мощей. Торжество свершилось въ маѣ, когда Арсеній Мацѣевичъ былъ уже отрѣшенъ отъ Ростовской митрополіи за знаменитый свой протестъ противъ новыхъ распоряженій Екатерины относительно церковныхъ имуществъ, осужденъ синодомъ, какъ „оскорбитель величества“, лишенъ сана и сосланъ въ Архангельскую епархію въ Никольскій Корельскій монастырь. Императрица прибыла въ Ростовъ. Преосвященный Димитрій Сѣченовъ, вѣрный ея агентъ въ духовенствѣ, былъ неспокоенъ за предстоящее торжество: опасался, что, при огромномъ стеченіи богомольцевъ, мощи угодника,—къ тому же весьма ненавистнаго старовѣрамъ, въ качествѣ предполагаемаго автора „Розыска о брынской вѣрѣ“, — легко могутъ быть украдены. Поэтому онъ хотѣлъ запечатать раку. Но Екатерина воспротивилась: — „Для того, — писала она Панину, — дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись“. Очевидно, Екатеринѣ было извѣстно, что имѣются въ довольномъ числѣ люди, раздѣляющіе мнѣніе о ней Мацѣевича и съ искренностью ожидающіе, что прикосновеніе особы, ей подобной, заставитъ угодника оскорбиться и „въ землю уйти“.

Въ Разинщину сельскій церковникъ, хотя бы и былъ недоволенъ Москвою, смущался пойти бунтомъ противъ Алексѣя Михайловича, царя благовѣрнаго, законнаго и наслѣдственнаго, и избраннаго, котораго благочестія и православія даже злѣйшіе враги не отрицали. Но отступить отъ присяги какой-то заѣзжей нѣмкѣ, обманно вскочившей на престолъ при помощи своихъ любовниковъ, переступивъ черезъ трупъ своего мужа и законнаго государя, было нисколько не трудно. Напротивъ: развѣ только совсѣмъ съ мѣднымъ лбомъ можно было пригласить эту, невѣдомо откуда взявшуюся, гвардейскими казармами поставленную, царицу:

„Гряди, защитница Отечества, гряди защитница благочестія, возсѣсть на престолѣ предковъ своихъ!“

Какъ восклицалъ къ Екатеринѣ Димитрій Сѣченовъ, встрѣчая ее въ Петровскомъ Разумовскомъ передъ въѣздомъ въ Москву. Хорошо, что хвалебное придворное краснорѣчіе принимается больше по мѣрѣ усердія, чѣмъ смысла. Иначе знаменитому іерарху было бы очень трудно изъяснить рѣчь свою по вопросу: какіе же, собственно, предки Екатерины сидѣли когда-либо на московскомъ престолѣ?!

Что же въ томъ, что была принесена присяга Екатеринѣ и крестъ цѣлованъ? Присягу она взяла обманомъ, въ мнѣніи, что не стало въ живыхъ законнаго государя Петра Θеодоровича, а, разъ онъ оказывается живъ, то чего же стоитъ присяга его преступной женѣ? Ему раньше крестъ цѣловали, а крестное цѣлованье государю разрѣшается только его смертью. Словомъ, достаточно было русскому человѣку допустить себя до вѣры или хоть до подозрѣнія, что Пугачевъ дѣйствительно воскресшій Петръ Θеодоровичъ, чтобы передаться на его сторону отъ Екатерины стало не только не зазорнымъ грѣхомъ, но напротивъ, прямою обязанностью хорошаго вѣрноподданнаго.

5.

Страннѣе, пожалуй, то обстоятельство, что православное духовенство такъ обрадовалось воскресенію и такъ жадно схватилось за имя государя, который, и великимъ княземъ, и въ свое короткое царствованіе, являлъ себя открытымъ недоброжелателемъ православія вообще, священнослужителей его въ особенности. Можетъ быть, стремленіе Петра III обратить Россію въ лютеранское вѣроисповѣданіе измышлено клеветою или, по крайней мѣрѣ, раздуто злорѣчіемъ изъ мухи въ слона. Но несомнѣнно, что правительственная тенденція обработать православіе какъ-то на лютеранскій фасонъ, народившаяся при Петрѣ Великомъ, достигла въ царствованіе Петра III своего апогея и получила много внѣшнихъ выразительныхъ доказательствъ, которыми ранѣе остерегалась прорываться даже въ Бироновщину. Петромъ III изданъ указъ объ отобраніи церков-

ныхъ имуществъ; установлена солдатчина для священническихъ и дьяконскихъ сыновей; онъ собирался обрить священникамъ бороды, обязать священниковъ переодѣться изъ рясъ и подрясниковъ въ платье по тому покрою, какъ носятъ нѣмецкіе пасторы; запечаталъ домовыя церкви; наконецъ, затѣялъ было, до полусмерти перепугавъ тѣмъ Димитрія Сѣченова, иконоборство. Казалось бы, воскресеніе подобнаго государя изъ мертвыхъ должно было обуять духовенство ужасомъ, а никакъ не восторгомъ и охотою помогать ему отвоевывать свое царство.

Я полагаю объясненіе этой странности въ кратковременности царствованія Петра III. Оно успѣло быть лишь петербургскимъ (преимущественно) и московскимъ; дикости его ужасали и отвращали Петербургъ, но не достигали (по крайней мѣрѣ, дѣйственно) провинціи, продолжавшей жить еще елизаветинскими порядками. Бредовыя идеи Петра III часто и въ Петербургѣ не шли дальше словъ,—исполнители не переводили ихъ въ дѣло. Тотъ же Димитрій Сеченовь, получивъ отъ императора дикое распоряженіе убрать изъ церквей всѣ иконы, кромѣ Христа и Богородицы, ограничился, какъ первоприсутствующій въ синодѣ, тѣмъ, что сообщилъ сумбурную волю государя „знатнѣйшему духовенству"; оно сообщеніе „приняло къ свѣдѣнію", — на томъ и кончилась реформа. Нелѣпостей и безобразій Петра III провинція не знала, а, напротивъ, ожидала отъ него, какъ всегда страна ждетъ отъ новаго государя, хорошаго. И имѣла на то основаніе.

Упраздненіемъ ненавистнаго вѣкового пугала тайной канцеляріи Петръ III несомнѣнно долженъ былъ угодить девяносто девяти изъ ста своихъ подданныхъ. Они не очень то расположены были вѣрить дурнымъ столичнымъ слухамъ о добромъ человѣкѣ, который заткнулъ ротъ зловѣщему „слову и дѣлу". А, такъ какъ непопулярныя мѣры Петра, не успѣвшія при немъ осуществиться, хотя и отмѣнены были Екатериною въ первыхъ ея манифестахъ, затѣмъ, понемногу и съ разными видоизмѣненіями, стали получать реальное осуществленіе при ней, то ей досталось

и то озлобленіе, которое постигло бы за нихъ Петра III, проживи онъ больше.

Другое, не менѣе странное на первый взглядъ, обстоятельство, что духовенство не испугалось осьмиконечнаго креста на бѣлыхъ знаменахъ Пугачева, показываетъ лишь, насколько слаба и искусственна была еще тогда рознь стараго и новаго исповѣданія въ народныхъ массахъ и неученомъ сельскомъ духовенствѣ; насколько эта рознь была дѣломъ свѣтской политики, опиравшейся на синодъ и архіерейство, но далекой отъ вниманія къ низшему духовенству. А оно, въ свою очередь, принимало эту свѣтскую политику съ равнодушіемъ пассивной покорности—и только.

6.

Какъ бы то ни было, стихійное движеніе духовенства по областямъ Пугачевскаго бунта въ партію самозванца—фактъ несомнѣнный. Синодскій указъ о томъ, что каждый служитель алтаря, приставшій къ пугачевцамъ, автоматически (въ самый тотъ часъ) лишается священства и становится государственнымъ преступникомъ, подлежащимъ гражданскому суду, — оказался, по укрощеніи пугачевщины, полумертвою буквою, потому что исполнить его въ точности значило бы оставить цѣлыя области безъ священниковъ и богослуженія. Именно въ такомъ странномъ состояніи нашелъ одинъ изъ усмирителей пугачевщины, гр. Панинъ, городъ Пензу: всѣ церкви были заперты, потому что всѣ мѣстные священники оказались, по силѣ синодскаго указа, подъ запретомъ богослуженія, какъ бывшіе пугачевцы.

Подобно Татищеву, Панинъ возмущался встрѣченнымъ въ областяхъ бунта духовенствомъ, „погруженнымъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ": человѣкъ „съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря" казался въ этой дикой средѣ какимъ то дивомъ. Панинъ полагалъ, что въ ужасахъ бунта много повинны бездѣйствіе и безвліятельность плохого (т.-е. не хотѣвшаго жертвовать собою за

тронъ Екатерины и благоденствіе помѣщиковъ) духовенства: „Если бы духовный чинъ хотя мало инаковъ былъ, злодѣянія не возросли бы до такой степени“. (Ср. стр. 141).

Любопытно, что Екатерина, признавая справедливость замѣчанія Панина, все-таки, возразила двусмысленною отпискою, что де не по средствамъ нашему государству обзаводиться хорошимъ духовенствомъ. Хорошее духовенство,— указываетъ она, — требуетъ и обезпеченія хорошаго, а откуда я его возьму?

Такое прибѣдненіе особенно выразительно въ устахъ Екатерины, раздарившей своимъ фаворитамъ чуть не треть Россіи землями и душами, не считая богатствъ денежныхъ и въ драгоцѣнныхъ предметахъ на милліоны. Не говоря уже о людяхъ, которые, по крайней мѣрѣ, имѣли огромныя личныя государственныя заслуги и были, собственно говоря, соправителями Екатерины (Орловы, Панины, Безбородко, Потемкинъ, въ особенности), — незначительной доли того, что стяжали отъ Екатерины Мамоновъ, Корсаковъ, Ланской, Зоричъ и т. п., до Зубова включительно, было бы достаточно, чтобы упорядочить судьбы сословія, даже болѣе многочисленнаго, чѣмъ тогдашнее духовное. Екатерина писала о невозможности, а должна была бы писать о нежеланіи. И очень замѣчательно, что нежеланіе это пересилило въ ней даже несомнѣнное сознаніе опасности отъ бѣдноты и невѣжества духовенства, столь явственно выясненныхъ въ пугачевщину.

Еще рѣзче былъ отвѣтъ Екатерины гр. Сиверсу на совѣтъ его (еще до бунта) обезпечить „умиравшее съ голоду“ духовенство хоть небольшимъ жалованьемъ впредь до надѣленія земельными участками — для того, „чтобы зажать ротъ злословію“. Екатерина съ безцеремоннымъ цинизмомъ возразила, что о подобныхъ благодѣяніяхъ могутъ мечтать только „ханжи и святоши“: „священники остаются при томъ, при чемъ были и прежде“. Ну, вотъ, страхъ остаться навсегда при томъ, при чемъ были и прежде, т.-е. при голодной смерти, и погналъ сельское духовенство отъ присяги императрицѣ философкѣ къ присягѣ неграмотному царю-самозванцу изъ рядовыхъ казаковъ.

Конечно, для того, чтобы добровольно пойти изъ поповъ въ разинскій или пугачевскій лагерь, надо было имѣть, кромѣ общихъ понуждающихъ причинъ, — бѣдности, озлобленія на гнетъ помѣщичьей, архіерейской или чиновничьей несправедливости и корысти, — еще и природное расположеніе къ насилію, своевольству, легкой наживѣ неразборчивыми средствами; къ тому способу и образу существованія, въ которыхъ „жизнь — копейка, а судьба индѣйка, и хоть день да мой!" Въ подобныхъ характерахъ никогда не было недостатка во всѣхъ русскихъ сословіяхъ. Въ духовномъ сословіи они прорывались не рѣже, чѣмъ въ другихъ. Начиная съ былиннаго Алеши Поповича, продолжая Гришкою Отрепьевымъ, попомъ Емелей, бурсаками Нарѣжнаго, Гоголя и, наконецъ, Помяловскаго, духовное сословіе изобиловало людьми, въ которыхъ кипѣніе неуравновѣшенныхъ силъ чрезвычайно мало согласовалось съ сословнымъ предназначеніемъ и, вмѣсто „славы въ вышнихъ Богу и благоволенія въ человѣцѣхъ", манило къ растратѣ некстати могучихъ натуръ въ буйствѣ богатырскихъ подвиговъ и пороковъ. Неистовства грѣшниковъ изъ духовенства потому лишь острѣе и замѣтнѣе, что идутъ ужъ въ очень открыто рѣзкій разладъ съ истовостью и сдержанностью, приличными духовному сану.

X.

Грѣхъ невѣжества.

1.

Въ 1702 г. умнѣйшій и талантливѣйшій изъ тогдашнихъ русскихъ іерарховъ, ученый и святой жизни человѣкъ, Димитрій Ростовскій, ѣдучи въ Ярославль, остановился въ одномъ попутномъ селѣ и пожелалъ посѣтить церковь. Встрѣченный священникомъ, архіепископъ задалъ ему вопросъ: „Гдѣ суть животворящіи Христовы Тайны?"— и не получилъ отвѣта. „Попъ той не разумѣ словесе моего, и яко недомысляй, стояше молча. Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? Попъ же ничего словеси познати можаше". Тогда одинъ изъ сопровождавшихъ архіепископа священниковъ, человѣкъ опытный, далъ понять владыкѣ, что онъ мудрено спрашиваетъ, съ сельскими попами надо проще. „Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: где запасъ? Тогда онъ descуемъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велію святыню, на нюже ангели смотрятъ со страхомъ. Удивися о семъ небо, и земли ужаснитеся концы! О, окаянніи іереи! аще сами Христа Бога въ пречистыхъ Христовыхъ тайнахъ не знаете: то како простыхъ людей истиннаго богознанія научите". (Др. Росс. Вивліоѳ. XVII. 86. 87. — Щаповъ I. 370. — Кост. Р. И. въ Жизн. II 522. 528).

Изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ о глубочай-

шемъ религіозномъ невѣжествѣ древняго русскаго духовенства, это едва ли не самое сильное, такъ какъ исходитъ оно не отъ гостей Московіи, враждебно предубѣжденныхъ иностранцевъ и иновѣрцевъ, вродѣ Флетчера, Ульфельда, Петра Петрея, Вармунда, Олеарія и др., посвятившихъ русскому бѣлому и черному духовенству очень много непріязненнаго вниманія,—но отъ огорченнаго православнаго архипастыря. Если же послушать иностранцевъ, то и въ архипастырской средѣ легко обрѣтались экземпляры, мало отличные отъ сельскаго невѣжды-попа, столь огорчившаго Димитрія Ростовскаго, и отъ Николы Знаменскаго, столь забавнаго въ разсказѣ Рѣшетникова.

Флетчеръ, познакомившись съ вологодскимъ архіереемъ, „интервьюировалъ“ его по вопросамъ вѣры. Оказалось, что владыка не зналъ, сколько было евангелистовъ, а объ апостолахъ полагалъ, что ихъ, кажется, было двѣнадцать. (Флетч. 87). Правда, знакомый Флетчеру вологодскій святитель украшалъ собою вологодскую каѳедру за сто лѣтъ до Димитрія Ростовскаго. Правда, что между архіереями, современными Димитрію, было нѣсколько замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей (Маркеллъ Псковской, Аѳанасій Холмогорскій, Іона Ростовскій, Іона Вятскій, Игнатій Тобольскій, Питиримъ Нижегородскій и др.). Однако, и въ концѣ XVII вѣка, какъ въ началѣ его, на русскихъ епископскихъ каѳедрахъ такъ же часто попадались дикіе невѣжды. Къ числу дикихъ надо отнести даже нѣкоторыхъ архипастырей, много содѣйствовавшихъ духовному просвѣщенію ввѣренныхъ имъ епархій. Напримѣръ, Іону, архіепископа вятскаго и великопермскаго, превосходнаго администратора, истиннаго строителя Церкви и духовнаго просвѣтителя своей паствы: самъ же онъ былъ человѣкъ, „кромѣ славяно-россійской грамотѣ ничему болѣе не наученный“.

Вяткѣ какъ-то особенно везло на малограмотныхъ архіереевъ. Историкъ Вятской епархіи, преосв. Платонъ Любарскій, исчисляя своихъ предшественниковъ по каѳедрѣ, отмѣчаетъ объ епископѣ Александрѣ, что онъ „знаковъ никакихъ трудолюбія и никакихъ по своей должно-

сти въ Вятской епархіи учрежденій не оставилъ и былъ мало ученъ славяно-россійской грамотѣ и ничему болѣе не ученъ". А третій вятскій архіепископъ Діонисій, „какъ самъ онъ, кромѣ россійской грамоты, ничему ученъ не былъ, такъ и отъ епархіальныхъ своихъ учености и дальней въ чтеніи славяно-россійскихъ книгъ исправности не требовалъ; умѣющіе какъ нибудь прочитать псалмы Давидовы, по его разсужденію, къ произведенію на всѣ степени священства и въ другіе духовные чины были достойными; исполненія правилъ благочинія, воздержанія, трезвости въ подчиненныхъ взыскивалъ не строго, а трудолюбія и раченія въ пріумноженіи оныхъ по себѣ не оставилъ ни малѣйшихъ знаковъ".

Никола Знаменскій не зналъ, что значитъ слово „прихожанинъ"; слушая пѣніе „ис-полла-эти-деспота", полагалъ, что „ребятки въ ризахъ" поютъ пѣсню „съ полатей на полати"; не понималъ, зачѣмъ его посвящаютъ сначала въ дьяконы, когда ему хочется и обѣщано отъ благочиннаго и „большого дьякона" (протодьякона) въ попы; при посвященіи, возгласъ „аксіосъ" протодьякона принялъ за „ахти вошь!" и „больно испугался: штучки-то эти у меня таки водились"... Все это такъ дико и нелѣпо, что можетъ быть почтено за неправдоподобный шаржъ. Однако историкъ христіанства у вотяковъ, г. Лупповъ указываетъ, что еще въ 1830—1840 гг. въ Сарапульскомъ уѣздѣ былъ священникъ, не умѣвшій писать: для подписи бумагъ онъ всегда приглашалъ дьякона, который и водилъ его рукой по бумагѣ.

Въ 1807 г. вятскій губернаторъ Болгарскій (самъ изъ духовнаго званія и съ академическимъ образованіемъ) просилъ епископовъ убрать священниковъ изъ двухъ селъ, потому что нашелъ этихъ пастырей круглыми невѣждами, неспособными ничего полезнаго преподать (инородческому) населенію. Еще въ худшемъ состояніи была въ первой четверти вѣка Пензенско-Саратовская епархія, гдѣ нерѣдко можно было встрѣтить совершенно безграмотнаго попа: ни писать, ни читать, — служилъ на память, „съ голоса", вродѣ „сказителя" былинъ. Въ XVIII вѣкѣ такіе попы были

зауряднымъ „бытовымъ явленіемъ". (Лупповъ. 353. — Рус. Ст. 1879. VII. 159).

Каррикатурное посвященіе Николы Знаменскаго, такимъ образомъ, оказывается тѣмъ болѣе живою дѣйствительностью, чѣмъ глубже уходимъ мы въ благочестивую старину. „Прежнее архіерейское слушаніе ставленниковъ,— пишетъ Посошковъ, — вельми ми непонравилось, понеже архіерейскіе служители у новоставленниковъ пріемлютъ дары, и, принявъ дары, дадутъ ему затвердить по псалтири нѣкоторые псалмы, и заложа дадутъ при архіереѣ тому ставленнику прочести. Архіерей, видя твердо читающа псалтирь, возмнитъ яко бы и во всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство". (Пос. 18). Такъ точно экзаменованъ былъ на іерейство и Никола Знаменскій, съ тою разницею не въ пользу XIX столѣтія, что онъ то и того не сумѣлъ и кругомъ осрамился, но, всетаки, удостоился посвященія за „десять рублевъ, да кадушку масла, да лукошко яицъ", даденные „большому дьякону". (Рѣш. II. 428—430).

Словомъ на протяженіи слишкомъ трехсотъ лѣтъ русское священство разъѣдалось все тою же неисцѣлимою язвою невѣжества вообще, а, прежде всего, невѣжества религіознаго, невѣжества по предмету своей профессіи, отъ котораго приходили въ отчаяніе еще Геннадій, архіепископъ новгородскій (1500), и царь Иванъ Грозный (1551). Первый, хотя и самъ впослѣдствіи подвергся обвиненію, будто посвящалъ ставленниковъ за взятки, настаивалъ на томъ, чтобы въ государствѣ учреждены были для подготовки къ духовному чину, по крайней мѣрѣ, школы грамотности.

„Вѣдь я своему государю напоминаю объ этомъ, — писалъ Геннадій митрополиту Симону, — для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ; когда приведутъ ко мнѣ ставленника грамотнаго, то я велю ему ектенію выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчасъ же, научивъ, какъ божественную службу совершать, и такіе на меня не ропщутъ. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика: я велю ему Апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать Псалтирь — онъ и по тому едва бредетъ; я ему от-

кажу, — а они кричатъ: Земля, господинъ, такая, не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотѣ умѣлъ; но вѣдь это всей Землѣ позоръ, будто нѣтъ въ Землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить! Вотъ я прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристати; ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, но не усердно, и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ; а мнѣ что же дѣлать? не могу не учивши ихъ поставить. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища поставить... А мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбукѣ, а потомъ Псалтири съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучатъ вечерню и за это мастеру принесутъ кашу да гривну денегъ, за заутреню тоже, или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несетъ кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ — ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ... Вотъ теперь побѣжали у меня четверо ставленниковъ — Максимка, да Куземка, да Аѳанаська, да Емельянка мясникъ; этотъ и съ недѣлю не поучился — побѣжалъ; православны ли такіе будутъ! По мнѣ такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ черезъ Пророка: „Ты разумъ мой отверже, Азъ же отрину тебя, да не будеши мнѣ служитель". (Сол. I. 1554—1555. T. V. Гл. 5. — Щеповъ. I. 267. — Кост. I. 342. (Р. И. въ жизн.). — Милюковъ. Очерки II. 18).

Нельзя было ставить, нельзя и не ставить. Двадцать пятая глава „Стоглава"—„О діяцехъ, хотящихъ во діяконы и въ попы, ставитися" — рисуетъ безвыходно двусмысленное положеніе Церкви предъ безграмотностью духовныхъ лицъ. „Ставленники хотящія в попы ъи во діяконы ставитися, а грамотѣ мало умѣютъ, и Святителемъ ихъ поставити, и то сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити, и то святыя Церкви безъ пѣнія будутъ, а право-

славныя Христіане, учнутъ умирати безъ покаянія... А грамотѣ бы (попы) умѣли, могли церковь Божію содержати, и дѣтей своихъ духовныхъ православныхъ Христіянъ управити могли по священнымъ правиламъ; да о томъ ихъ Святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣтъ чинятъ, мы де учились у своихъ отцевъ, и у своихъ матеровъ, а индѣ учитися намъ нѣгдѣ, токмо де отцы наши и матеры умѣютъ, тому и насъ научили. И тако отцы ихъ и матери сами мало умѣютъ, и силы въ Божественномъ писаніи не знаютъ, и кромѣ ихъ учитися имъ нѣгдѣ"... Слѣдуетъ жалоба на исчезновеніе духовныхъ училищъ, бывшихъ „прежде сего въ Руссійскомъ царствіи" и выпускавшихъ въ духовный чинъ славныхъ „пѣвцовъ, четцовъ и доброписцевъ". (Стоглавъ. 67).

2.

Богослуженіе древнихъ русскихъ священниковъ отразилось въ рядѣ очень странныхъ пословицъ, изображающихъ его какъ бы плодомъ вдохновенія и свободнаго творчества священнослужителей. „Всякій попъ свою обѣдню служитъ". „У всякаго попа свой обиходъ". „Всякій попъ по своему поетъ". „У всякаго попа по своему поютъ". „Каковъ попъ, таково и благословеніе". (Даль). Происхожденіе этихъ пословицъ уясняется обиліемъ въ быломъ священствѣ такихъ ученыхъ іереевъ, какъ Емельянка-мясникъ, который въ XVI вѣкѣ не выдержалъ богослужебной науки у Геннадія Новгородскаго даже въ курсѣ одной недѣли, или какъ въ XIX-мъ вѣкѣ Никола Знаменскій, который, готовясь въ попы на всю жизнь „два дня бралъ уроки у мужа тетки, но запомнилъ очень немного". Пріѣхавъ послѣ своего удивительнаго посвященія къ мѣсту на село, Никола „объявилъ крестьянамъ, что онъ попъ, и просилъ ихъ идти въ церковь. Крестьянамъ захотѣлось посмотрѣть, что будетъ дѣлать въ церкви Никола Знаменскій, котораго они любили, и нанесли ему всякой всячины понемногу: кто морошки, кто соленыхъ груздей, кто яицъ

и т. д. Каждый, принесшій что нибудь отцу, спрашивалъ:

„ — Такъ идти?

„ — Какъ хошь. А я пѣть стану Баско спою, какъ у набольшаго попа поютъ,—и онъ разсказывалъ архіерейскую службу, насколько понялъ.

„Церковь была полна, отецъ читалъ громко, пропуская то, чего не могъ разобрать. („Свою обязанность отецъ зналъ плохо и по книгѣ зналъ еще того хуже"). Когда онъ кланялся народу и кадилъ, то кто нибудь кричалъ:

„ — А мнѣ што не кланяешься?

„ — Погоди, и тебѣ будетъ. Не всяко лыко въ строку, — отвѣчалъ отецъ". (Рѣшетн. II, 431).

Удивительно ли, что въ мѣстностяхъ менѣе глухихъ, гдѣ паства была не сплошь дикарская, а попадались въ ней прихожане вѣрующіе, богомольные, знакомые съ церковнымъ уставомъ и обиходомъ, они отвѣчали на хаотическое богослуженіе какого нибудь Емельянки-мясника или Николы Знаменскаго сатирическими пословицами, даже и гораздо острѣе только что приведенныхъ, которыя, собственно говоря, лишь отмѣчаютъ фактъ поповскаго своеволія въ культѣ, не обсуждая его ни за, ни противъ. Прихожанинъ изъ язвительныхъ знатоковъ богослуженія справедливо находилъ, что „врутъ и попы, не только бабы-гадалки". Выведенный изъ терпѣнія поповскимъ „враньемъ", любитель церковнаго благолѣпія и истовой службы, совѣтовалъ со злобной насмѣшкой: „Не учи попа, его чортъ учитъ".

Народные сатирическіе анекдоты о плохомъ богослуженіи безграмотныхъ поповъ сливаются въ тождество съ наблюденіями иностранныхъ путешественниковъ. Народный юморъ, и анекдотомъ, и пѣснею, подмѣтилъ слабость поповъ, умѣющихъ читать евангеліе только по своей книгѣ. Дьячекъ, поссорившись съ попомъ, подсунулъ ему другую. Попъ раскрылъ книгу на закладкѣ, возгласилъ наизустъ: „Рече Господь своимъ ученикомъ", да на томъ и сѣлъ,— дальше не тямитъ, — только, знай, твердитъ, долбитъ, какъ дятелъ: „рече Господь" да „рече Господь". Плутъ-

дьячекъ спрашиваетъ: — „Батюшка, что же рече Господь?“ — „Онъ рече, что ты“..... Слѣдуетъ непечатная ругань.

Впрочемъ, народное остроуміе не щадило и тѣхъ святошъ и ханжей, которые, гордясь своимъ знаніемъ на зубокъ церковной службы, не стѣснялись поправлять ошибки священника въ возгласахъ богослуженія или подсказывать ихъ ему, запнувшемуся. Священникъ, читая Евангеліе, начинаетъ: „И пріидоша“... Старушка спѣшитъ подсказать: „въ Капернаумъ“. Священникъ, обернувшись съ выразительнымъ жестомъ: „Ну, и врешь, дура: во Іерихонъ“. Трагикомическія столкновенія между нетвердыми въ текстахъ пастырями и придирчивыми поправщиками-прихожанами многократно отражались и въ русской художественной литературѣ (у Мельникова-Печерскаго, Салтыкова, Н. С. Лѣскова и др.).

Олеарій тоже говоритъ, что въ его время русскій священнослужитель, держа въ рукахъ Евангеліе или Псалтирь, лишь притворялся, будто читаетъ книгу, а на самомъ дѣлѣ зналъ въ ней только зачала и, исходя изъ нихъ, городилъ что то отъ зачала до зачала, по памяти, какъ попало, своими собственными словами. Чтобы не сбиться въ зачалѣ для чтенія завтра, сегодня онъ, кончая, закапывалъ мѣсто, гдѣ остановился, воскомъ.

И этотъ курьезный пріемъ подхваченъ былъ на зубокъ народнымъ остроуміемъ въ анекдотѣ о дьячкѣ, который, растерявшись въ „апостола Павла чтеніи“, сердито захлопнулъ книгу съ неожиданнымъ возгласомъ: „закапано, заляпано, ничего не видать!“

(Въ извѣстномъ дѣлѣ объ ереси Матвѣя Башкина, послѣднему былъ приказъ отъ государя (Ивана Грознаго), чтобы онъ, — для предстоящаго изслѣдованія его взглядовъ, — отмѣтилъ въ Апостолѣ всѣ свои „рѣчи“, т. е. мѣста, побуждавшія его къ толкованію. И „Матюша весь Апостолъ воскомъ намѣтилъ, и Семенъ (его духовникъ, священникъ Благовѣщенскаго собора) принесъ книгу въ церковь, гдѣ государь его видѣлъ и всѣ рѣчи и мудрованіе Матюшино слышали“). (Сол. II. 441).

Ошибки въ зачалахъ происходили часто, а, чрезъ нихъ,

случалось иной разъ, что читалось совсѣмъ не на тотъ день положенное. Это бывало даже и на архіерейскихъ богослуженіяхъ, къ великому соблазну опытныхъ въ Писаніи боголюбцевъ. Тѣмъ болѣе, что иные крупные владыки, за подобныя ошибки, не стѣснялись посылать изъ алтаря по адресу провинившихся чтецовъ грозные окрики, крѣпкія ругательства, а то и поколачивали злополучныхъ. Какъ совершенно исключительный примѣръ архіерейской снисходительности, да притомъ уже изъ поздней эпохи XVIII вѣка, разсказывается о смоленскомъ архіепископѣ Парѳеніи, человѣкѣ вообще очень добромъ, что, при одномъ его объѣздѣ епархіи, случилась въ какой то сельской церкви какъ разъ такая бѣдственная ошибка: за литургіей, дьяконъ началъ читать не то евангеліе. Испуганный священникъ дѣлалъ ему всякіе предостерегательные знаки черезъ престолъ, но преосвященный сказалъ кротко: Оставь его; теперь и не время и не мѣсто прерывать читающаго; хотя онъ и не то читаетъ, но все равно святое". (Знам. 622).

Но Парѳеніевъ было немного, а, въ обычномъ порядкѣ, виновный терпѣлъ и отъ архипастырскаго языка и жезла, и отъ христолюбцевъ, негодующихъ на нестройное, неистовое служеніе. Свѣтскихъ охотниковъ вмѣшиваться въ церковный обрядъ всегда было много и появились они рано. Тотъ же самый Геннадій Новгородскій, который оплакивалъ на зарѣ XVI вѣка отсутствіе въ Московіи грамотныхъ людей для посвященія въ попы, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ противорѣчіе себѣ, жаловался: „Во всей Русской землѣ распространилось беззаконіе; мужики озорные на клиросѣ поютъ и паремью и апостолъ на амбонѣ чтутъ да еще и въ алтарь ходятъ". (Разумовскій. Церк. Пѣн. II. 65).

Въ XVII вѣкѣ, дважды ханжескомъ — по старой и по новой вѣрѣ, — число „озорныхъ мужиковъ", контролеровъ церковнаго чина, должно было вырости несмѣтно. Во главѣ ихъ стоялъ и примѣръ подавалъ самъ тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ. Однажды, въ любимомъ своемъ монастырѣ Саввы Сторожевскаго, царь праздновалъ память св. основателя монастыря и обновленія обители, въ

присутствіи патріарха антіохійскаго Макарія. На торжественной заутренѣ чтецъ началъ чтеніе изъ житія святого обычнымъ возгласомъ: Благослови, отче. Царь вскочилъ съ кресла и закричалъ: „Что ты говоришь, мужикъ, блядинъ сынъ: Благослови, отче? Тутъ патріархъ; говори: Благослови, владыко!“ Въ продолженіе службы царь ходилъ среди монаховъ и училъ ихъ читать то-то, пѣть такъ-то; если они ошибались, съ бранью поправлялъ ихъ, велъ себя уставщикомъ и церковнымъ старостой, за жигалъ и гасилъ свѣчи, снималъ съ нихъ нагаръ, во врем службы не переставалъ разговаривать со стоявшимъ ря домъ съ нимъ пріѣзжимъ патріархомъ, былъ въ храмѣ какъ дома, какъ будто на него никто не смотрѣлъ“. (В. О. Ключевскій. Курсъ. 418).

Олеарій, ссылаясь на Адама Клеменса, Гваньини и Геннинга, утверждаетъ, что едва ли десятый изъ русскихъ монаховъ его эпохи зналъ молитву „Отче нашъ“, десят заповѣдей и символъ вѣры. Изъ лифляндской лѣтопис Геннинга онъ приводитъ анекдотъ, какъ однажды Грозны справляя въ Новгородѣ свадьбу датскаго герцога Магну съ племянницей своей, княжной Маріей Владиміровной (в 1573 г.), отколотилъ палкою по головамъ нѣсколькихъ монаховъ (?) за невѣжество: они „даже Символа Вѣры, который Великій Князь самъ пѣлъ, вмѣсто брачной пѣсни (?), не могли читать по книгѣ такъ бойко, какъ онъ пѣлъ на память“. (Ол. 355).

Рѣчь тутъ идетъ, конечно не о монахахъ, но о бѣломъ духовенствѣ, такъ какъ монахи, въ русской старинѣ на свадьбы никогда не приглашались, а нечаянный приход гостя-монаха къ свадебному пиру еще и въ настояще время слыветъ въ народѣ дурнымъ предзнаменованіем. Въ сохранившемся церемоніалѣ (нарядѣ) бракосочетанія „короля Арцымагнуса“ съ Маріей Владиміровной Старицкой не упоминается ни о какомъ другомъ духовенствѣ, кромѣ вѣнчавшихъ священниковъ, православнаго и протестантскаго пастора: „А вѣнчаться на Пробойной улицѣ, на Славновѣ, у Дмитрія Святого; а съ Королемъ ѣхати Римскому попу; а Королю стать въ паперти, а вѣнчать Короля

по его закону, а княжну по Христіанскому закону: а обручать и перемѣнять перстни на мѣстѣ: у Короля попу Римскому, а у княжны попу Дмитровскому“ и т. д. (Сахаровъ. Сказанія. III.vi. 65).

Извѣстно, что въ 1620 г. въ Упсалѣ придворный проповѣдникъ шведскаго короля, Іоаннъ Ботвидъ, защищалъ диссертацію на тему: „Христіане ли русскіе?“ (Utrum Moscovitae sint Christiani?“). Но и московиты платили своимъ сѣверозападнымъ сосѣдямъ тою жо монетою, противопоставляя „законъ“ датскаго Арцымагнуса „христіанскому закону“ княжны Маріи и нанося горькую обиду протестантскому пастору въ обозваніи его „римскимъ попомъ“. Для такой важной политической свадьбы едва ли могъ быть выбранъ вѣнчальный попъ столь безграмотный, чтобы быть битымъ за плохое знаніе символа вѣры. Если анекдотъ вообще вѣренъ, то палка Ивана Васильевича прогулялась по головамъ какихъ нибудь другихъ представителей новгородскаго духовенства.

А это вполнѣ возможно. Уже гораздо позже, въ среднихъ годахъ XVII вѣка, жаловался митрополитъ новгородскій Аффоній соловецкому игумену Маркеллу, что главная новгородская святыня, соборъ св. Софіи, пустуетъ безъ ризничаго: „Нынѣ въ софійскомъ дому ризничаго нѣтъ, а взять негдѣ, во всѣхъ монастыряхъ добрые старцы перевелись, а которые и есть, и тѣ бражничаютъ, а грамотѣ не умѣютъ“. (Щаповъ. I. 267). Между тѣмъ, Новгородъ, даже послѣ своихъ разгромовъ двумя Иванами и шведами Делагарди, все таки, оставался наиболѣе культурнымъ городомъ сѣверной Руси.

Да и по духу новгородское духовенство было не худо. Шведскому нашествію оно оказало героическое вооруженное сопротивленіе, подъ предводительствомъ одного „запрещеннаго попа“. Архіепископъ, обходившій городъ крестнымъ ходомъ, видя героя-попа въ смертной опасности, издали далъ ему разрѣшеніе отъ запрета и архипастырское благословеніе. Красивый эпизодъ.

Вармундъ зналъ монаха, увѣреннаго, что св. Николай — четвертое лицо Святой Троицы. Петръ Петрей

аттестуетъ русское монашество, какъ неприличный, ничему неученый сбродъ: „они не умѣютъ ничего отвѣтить, когда спросишь ихъ что нибудь изъ Библіи, или изъ свв. Отцовъ, или объ ихъ вѣрѣ, орденѣ и жизни: они говорятъ, что не ихъ дѣло отвѣчать на это, потому что имъ надлежитъ блюсти себя въ простотѣ и невѣжествѣ, и не знаютъ ни читать, ни писать“.

Иностранными свидѣтелями русскаго религіознаго невѣжества выступаютъ съ XVI по первыя десятилѣтія XVIII вѣка: Главиничъ (1661—67), Колинсъ (1659. 1667), Майербергъ (1661), Рейтенфельсъ (1671), Флетчеръ (1588), Олеарій (1683. 1638), Виркгортъ (1685), Посевинъ (1587—92), Таннеръ (1687), Петръ Петрей (1615), Пернштейнъ (1575), Авторъ посланія къ Хитрею (1581), Ульфельдъ (1575. 1578), Гербиній (1675), Вармундъ (1694), Герберштейнъ (1517. 1526) и др. Показанія ихъ, въ большинствѣ, однородны, схожи даже въ выраженіяхъ. Исключеній немного: Фаберъ, Орѣховскій, Павелъ Діаконъ, да и о тѣхъ надо сказать, что они скорѣе снисходятъ и извиняютъ, чѣмъ отрицаютъ. (Рущинскій. 8—39. 169—179)

Вопреки огромному числу свидѣтельствъ, можно было бы заподозрить достовѣрность нѣкоторыхъ, по полемическому пристрастію и предубѣжденію авторовъ-католиковъ и лютеранъ противъ православной церкви; по надменному отношенію людей высшей культуры къ народу, едва тронутому цивилизаціей; по неосвѣдомленности или дурной освѣдомленности; наконецъ, просто потому, что очень часто новѣйшій писатель о Московіи бралъ факты у старѣйшаго, не подвергая ихъ повѣркѣ. Но и тутъ опять таки обличителемъ, суровѣйшимъ всѣхъ иностранцевъ, выступаетъ свой владыка — все тотъ же Димитрій Ростовскій. По его свидѣтельству, были на Руси монастыри, которыхъ настоятели не знали, когда жилъ Илья-Пророкъ — до Рождества Христова или по Рождествѣ Христовомъ. „И много слышалъ я другихъ смѣшныхъ рѣчей между духовнымъ чиномъ. Напримѣръ слѣдующее: „которымъ ножемъ св. Петръ усѣкъ Малхово ухо, тѣмъ впослѣдствіи св. Илія перерѣзалъ жрецовъ вааловыхъ“. (Древн. Росс. Вивл. XVII. 5).

4.

Допустимость „всякому попу свою обѣдню служить“, при глубокомъ невѣжествѣ поповъ-мужиковъ, въ соединеніи съ ихъ простонародною памятью на изустныя сказанія, привело къ широкому засилью, въ умахъ и симпатіяхъ духовенства, преданія надъ Писаніемъ и апокрифа надъ канономъ.

Будучи попомъ-мужикомъ, какой нибудь ерогоцкій попъ Дмитрій долженъ былъ имѣть и, какъ вся „Повѣсть о Соломоніи“ показываетъ, имѣлъ крестьянское же міровоззрѣніе. Подобно Николѣ Знаменскому, онъ „также, какъ и крестьяне, говорилъ, что на другомъ концѣ живутъ люди съ рогами, что въ лунѣ сидятъ Каинъ и Авель, и онъ ни за что бы не повѣрилъ, а обругалъ бы того, кто сталъ бы доказывать ему, что земля шаръ и т. п.“. (Рѣш. II. 434).

Никола Знаменскій, будучи спрошенъ о Николѣ Чудотворцѣ, образомъ котораго онъ такъ ловко запугивалъ черемисскихъ новокрещеновъ, самъ оказался бы не болѣе черемиса, имъ „обращеннаго“, знающимъ о св. Николаѣ, святителѣ Мvръ Ликійскомъ, почивающимъ въ латинскомъ градѣ Барѣ. Но о батюшкѣ Миколѣ, навѣрное, могъ бы разсказать очень много. Ибо его „Микола“ вовсе не какой то тамъ греческій епископъ, — Знаменскій ли, ерогоцкій ли попы, пожалуй, и не слыхивали о такомъ народѣ, — но стихійный богъ: „Микола дождикъ даетъ, здоровье даетъ, хлѣбъ даетъ“, болѣзни насылаетъ, громомъ убиваетъ. Крещеный и подчинившійся Христову имени, подручный богъ-вассалъ, который, бывъ когда то на славянскомъ Балтійскомъ поморьѣ Святовитомъ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ вѣщалъ о себѣ своимъ поклонникамъ, — кстати, также устами, ряженаго подъ бога, жреца: „Я богъ твой; я тотъ, который облекаетъ поля травою и лѣса листіемъ; плоды земли и древесъ и стадъ и все, что служитъ человѣку, все въ моей власти; даю поклонникамъ моимъ, отымаю у противниковъ моихъ“. (Гильф. Ист. балт. сл. 168.—Котляр. Сказанія объ Оттонѣ Бамб. 72).

(См. въ „Нивѣ“ 1918 мой сводъ народныхъ, преиму-

щественно смоленскихъ легендъ, подъ заглавіемъ „Святогрѣшный Микола").

Евгенiй Марковъ въ упоминавшихся уже очеркахъ своихъ (Ист. Вѣст. 1879) приводитъ прекрасную легенду, почему Миколѣ-угоднику два раза въ годъ „престолы празднуютъ", а св. Касьяну однажды въ четыре года. Она очень распространена и довольно тверда въ содержаніи. Текстуальные варіанты ея всюду тоже незначитнльны.

Съ легендою этою у меня связано любопытное личное воспоминаніе изъ дальняго дѣтства. Отецъ мой, протоіерей В. Н. Амфитеатровъ, въ молодости, былъ благочиннымъ въ городѣ Лихвинѣ, Калужской губ. Лихвинскій уѣздъ, въ 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія, былъ еще густо лѣснымъ и изрядно дикимъ. Однажды отецъ получилъ отъ мѣстнаго помѣщика С. С. Гончарова (впослѣдствіи онъ занималъ весьма крупные посты по судебному вѣдомству и одно время даже намѣчался, помнится мнѣ, въ министры юстиціи, а въ тѣ давніе годы былъ только прикомандированъ въ помощники лихвинскому судебному слѣдователю), жалобу на священника въ его имѣньѣ или ближнемъ селѣ, — не помню. „Батюшка де, во первыхъ, пьетъ безобразно, во вторыхъ, вмѣсто проповѣдей, разсказываетъ крестьянамъ какія то языческія побасенки, производя въ паствѣ соблазнъ, тѣмъ большій и опаснѣйшій, что на селѣ много старовѣровъ".

По наряженному слѣдствію выяснилось, что священникъ дѣйствительно гораздъ выпить, но человѣкъ вѣрующій, набожный, къ богослуженію прилеженъ. „Нашъ попъ пьянъ, пьянъ, а обѣденка іесты!" одобряли его крестьяне. Языческія же побасенки, которыми онъ возмутилъ юнаго ревнителя православія, оказались именно этою легендою: какъ гордый Касьянъ, идучи, по Божьему приглашенію на небо — „въ Христовы именины обѣдню служить", набрелъ, по пути, на мужика, увязившаго свой возъ въ болотѣ, но не захотѣлъ помочь ему вывязиться, потому что жалѣлъ замазать свое нарядное платье. А добрый мужицкій помощникъ Микола на то не посмотрѣлъ и, хлопоча у мужикова воза, мало, что весь вымазался, да еще и къ обѣднѣ опоздалъ, такъ что его всѣ святые подняли на смѣхъ. Но

Господь Богъ, напротивъ, одобрилъ и — вотъ, наградилъ Миколу двумя праздниками въ годъ, а спесиваго и чваннаго Касьяна покаралъ, посадивъ на одинъ праздникъ въ четыре года.

Отецъ мой, человѣкъ очень образованный, чуткій, одаренный на рѣдкость широкой, поэтической душой, пожалѣлъ попика и приглушилъ дѣло. Тѣмъ охотнѣе, что крестьяне батьку своего очень любили и усердно за него ходатайствовали. Но впослѣдствіи отецъ не безъ печали вспоминалъ, что, по существу то, С. С. Гончаровъ былъ совершенно правъ: омужичившійся, изо дня въ день пьяный, одичавшій въ лѣсной глуши до полнаго забвенія семинарской науки, батюшка-попъ, проповѣдуя легенду, искреннѣйше вѣрилъ, что онъ повѣствуетъ своей паствѣ нѣчто изъ „Миколина житія".

Вармундовъ чудакъ-монахъ, почитавшій св. Николая четвертымъ лицомъ св. Троицы, былъ современникомъ Соломоніи Бѣсноватой и, вѣроятно, былъ бы отлично понятъ поповкою на Ергѣ, какъ, равнымъ образомъ, столковался бы онъ съ Николою Знаменскимъ. Вѣдь съ вопросомъ о Троицѣ, вообще, было тогда неблагополучно въ вѣрѣ народной, какъ то видно изъ знаменитаго спора протопопа Аввакума съ дьякономъ Ѳедоромъ. Дьяконъ „учалъ блудить надъ старыми книгами и о святой Троицѣ преткнулся",— „пряталъ существо въ существо". А Аввакума ругалъ: „Аввакумъ, свинья, что знаешь? А я небесныя тайны вѣщаю; словомъ говорю Троицу, а умнѣ во Отцѣ Сына и Духа вѣрую".

На что яростный протопопъ отвѣтствовалъ со свойственною ему выразительностью (или, по крайней мѣрѣ, такой отвѣтъ ему приписывается позднѣйшею ловкою подделкою подъ его полемическій стиль): „Несѣкомую сѣки, небось, по равеньству, едино на три существа и естества!.."

Это къ нѣкоему сомнѣвающемуся христолюбцу—подбодреніе. А вотъ уже и къ „преткнувшемуся" дьякону: „Федка, а Федка, по твоему кучею надобе, едино лице и единъ составъ и образъ! Охъ! блядинъ сынъ, собака косая, дуракъ страдникъ! Коли не знаешь въ книгахъ силы, и ты вопроси

бабы поселянки: заблудилъ де отъ гордости, государыня матушка, на водахъ пустыни и не знаю праваго пути къ Богу, а со отцемъ духовнымъ діяволъ спроситца претитъ ми, и отъ него де за воровство учинился проклятъ. Помоги де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую, и весь де мой органъ по души катитца косо, съ трудомъ великимъ, не путемъ ѣду. Скажи де, государыня, о Святой Троицѣ, Троица де что есть. Такъ она тебѣ скажетъ и отвѣщаетъ... Федка, ну лбомъ, блядинъ сынъ, поселянкѣ той о землю! Таки су и мнѣ грѣшному диво, каково хорошо старуха та отвѣщала. Гордоусъ, алхмѣй, собака! Богъ тебя навелъ на жену-ту. Вопроси еще еяже, что есть существо Божіе, и она тебѣ отвѣщаетъ... Да ты же еще мудрствуешь нѣкако дико и сѣчешь Единороднаго на четыре ипостаси. Охъ! яко беззаконный Іюда, не восхотѣ разумѣти..." (Б о р о з д. П р о т. А в в. 167—184. П р и л. 119—123).

Догматическою критикою выяснено, что оба спорщика, Аввакумъ и Ѳедоръ, говорили о Троицѣ одно и то же, но, въ путаницѣ темныхъ словъ и отъ большого азарта, не могли понять другъ друга. Если такіе богословы, не умѣя хорошо объясниться, договаривались, въ устной и письменной взаимо-ругани, до „четвереніяˮ Троицы, то ужъ простецамъ-то захолустнымъ простительна была наивность прибавлять къ Троицѣ четвертое лицо и признавать въ немъ общерусскаго любимца Миколу.

5.

Желчный и язвительный Пауль Одерборнъ, предполагаемый авторъ памфлета, извѣстнаго подъ названіемъ „Посланія къ Давиду Хитреюˮ (1581), отрицалъ даже, чтобы въ русскихъ церквахъ, вообще читалось Евангеліе: оно де вытѣснено сказками про св. Николая и т. п. баснословіемъ. Возможно, что въ подобныхъ отзывахъ католики и лютеране, едва терпимые въ московскомъ государствѣ и ненавидимые русскимъ народомъ, отводили душу отъ накопившейся злобы преувеличеніями и искаженіями дѣйстви-

тельности, едва ли такъ ужъ безпросвѣтно черной, какъ ее полемически малевали. Однако, даже такого спокойнаго, уравновѣшеннаго наблюдателя, какъ Олеарій, привели въ ужасъ распространенность и вліяніе русской отреченной литературы. Онъ благодарилъ Бога за то, что удостоился родиться на свѣтъ въ странѣ, гдѣ преподавалось подлинное слово Божіе, а не въ странѣ разныхъ басенъ и выдумокъ.

Апокрифы совершенно заслонили отъ народа Священное Писаніе и, въ особенности, Ветхій Завѣтъ. Къ Библіи, по словамъ Олеарія, русскіе питали странное предубѣждедешіе, почитая ее книгою, опасною для цѣломудрія, испещренною столь грязными эпизодами, что полагали грѣшнымъ держать ее въ церкви, какъ способную осквернить святое мѣсто. Въ церковь допускались только Псалтирь избранныя мѣста изъ Пророковъ и Новый Завѣтъ. Цѣликомъ же Библію можно было имѣть и читать только дома. (О л. 303. 304).

Несомнѣнно, и это сообщеніе Олеарія преувеличено, но оно вѣрно въ томъ отношеніи, что подозрительный взглядъ на Библію дѣйствительно привился русскому народу чуть не съ первыхъ годовъ его христіанства. Уже въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ инока Никиту, впослѣдствіи святого, братія объявила бѣсноватымъ за его пристрастіе къ Ветхому Завѣту и малый интересъ къ Новому. Предубѣжденіе дожило до нашихъ временъ. Религіозное помѣшательство и теперь еще часто находитъ въ темномъ народѣ то объясненіе, что больной „библіи зачитался". А кто три раза прочтетъ библію отъ доски до доски, тотъ, будто бы, уже обязательно долженъ сойти съ ума: мозги не выдерживаютъ. Великій знатокъ русскихъ религіозныхъ суевѣрій, Н. С. Лѣсковъ, также говоритъ о настороженности народа противъ Библіи, какъ книги „мірской", „страстной", читать которую слѣдуетъ только людямъ, мудро закаленнымъ въ вѣрѣ и святой учености, а для умовъ нетвердыхъ и шаткихъ она опасна и соблазнительна.

Но, цензуруя Библію, русскіе,—возмущается Олеарій,—съ усердіемъ читаютъ какія-то особыя книги, „содержащія

въ себѣ подробное описаніе и толкованіе исторій изъ Священнаго Писанія, искаженныхъ прибавленіями и весьма опасными лживыми выдумками, на которыя они (русскіе) ссылаются въ извиненіе своихъ грѣховъ". Въ подтвержденіе Олеарій цитируетъ споръ датскаго посла Якоба фонъ Ульфельда (отъ короля Фридриха II къ Ивану Грозному въ 1575 и 1578 гг.) — съ сопровождавшимъ его приставомъ Федоромъ — о грѣхѣ и покаяніи.

Ульфельдъ доказывалъ приставу, что покаяніе заключается въ отказѣ отъ грѣха и послѣдующемъ нравственномъ совершенствованіи, безъ котораго грѣхъ не можетъ быть прощенъ ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Федоръ, отстаивая очистительную силу исповѣди, утверждалъ, что лишь бы человѣкъ искренно покаялся, а то непрощаемыхъ грѣховъ нѣтъ, и Богъ можетъ простить даже ежедневное возвращеніе къ грѣху. Въ доказательство онъ ссылался на соблазнительную легенду о Маріи Магдалинѣ. Она, долго бывъ блудницею, потомъ раскаялась и вела примѣрную жизнь. Но однажды какой-то встрѣчный мужчина обратился къ ней съ блуднымъ предложеніемъ. Она долго отказывала, но мужчина настаивалъ и наконецъ сталъ умолять ее именемъ Божіимъ. Тогда Магдалина не рѣшилась еще упорствовать и уступила просьбѣ блудника. Но, такъ какъ она сотворила блудъ во имя Божіе, то не только получила прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, но имя ея значится въ спискѣ святыхъ красною строкою. И Ульфельдъ, и Олеарій были глубоко возмущены этою легендою.

Она показательна для апокрифическаго злоупотребленія священнымъ писаніемъ и душеполезнымъ преданіемъ, которое и питало, и отравляло благочестивую мысль вѣка, прикованнаго къ церкви, весьма усердной молиться и поститься, но совершенно не умѣвшей, да не очень и хотѣвшей учительствовать. „Житія" святыхъ скрашивались страстными картинами, обращавшими ихъ въ лукавую порнографію; мораль выводилась изъ такихъ грѣховныхъ приключеній, что, покуда до нея добирался благочестивый читатель или слушатель, бѣсъ не однажды мучилъ его воображеніе соблазномъ то блуднаго помысла, то насмѣшли-

вой критики: вотъ такъ святыя словеса!... Великолѣпно это въ знаменитомъ этнографическомъ романѣ Мельникова „Въ лѣсахъ“: когда на Радуницу, въ Комаровскомъ скиту, канонница, по ошибкѣ уставщицы, читаетъ, за трапезою, во всеуслышаніе, изъ „Лѣствицы“ Іосифовой печати „самое послѣднее слово Патерика Скитскаго“ объ отцѣ Евстафіи, котораго слова „не то, что при чужихъ, при своихъ читать не подобаетъ“.

Димитрій Ростовскій очистилъ православный Прологъ отъ подобныхъ пикантныхъ исторій. (Нѣкоторыя изъ нихъ возстановлены, въ весьма смягченномъ, но какомъ то лукавомъ тонѣ, Н. С. Лѣсковымъ въ его „Легендарныхъ характерахъ“). Но въ XVII вѣкѣ соблазнъ, осрамившій одну изъ Радуницъ въ Манеѳиной обители, долженъ былъ повторяться очень часто, по наивному усердію благочестивыхъ чтецовъ, увѣренныхъ, подобно Манеѳиной уставщицѣ Аркадіи, что „словеса святыя преподобными составлены,— какъ ихъ судить? кто посмѣетъ?“ — и не умѣвшихъ сообразить того, что „преподобныхъ простота намъ, грѣшнымъ, соблазнъ“. Чрезъ подобные соблазны, изъ монастырскихъ керарень, трапезъ и даже церквей выносились иной разъ, вмѣсто уроковъ благочестія и нравственности, безобразныя исторіи, грязныя мысли и сомнительные примѣры.

Становясь извѣстными культурнымъ иностранцамъ, апокрифы приводили ихъ въ негодованіе, справедливое, впрочемъ, только на половину, такъ какъ они забывали, что не меньшая часть скандалёзныхъ апокрифовъ имѣется въ словесности католической церкви и, до реформаціи, принималась западной мыслью съ такимъ же безусловнымъ довѣріемъ. А своихъ, московитовъ, головою потолковѣе, способныхъ не только вѣровать, но и критически мыслить, апокрифическое засилье толкало къ догадкѣ, что этакъ творится дѣло не Божеское, но — кто его знаетъ, чье: едва ли не дьявольское.

Отсюда повели свое начало тѣ порнографическія пародіи на житія святыхъ и на самое Евангеліе, что въ послѣдствіи получили весьма пышный расцвѣтъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ — вмѣстѣ съ вакхиче-

скими пѣснопѣніями, вродѣ пресловутой „Настоечки двойной“. Порождало въ фольклорѣ кощунственныя и циническія игры, вродѣ „Мавруха“, „свадьбы“, „похоронъ“, — съ текстомъ составленнымъ на половину изъ богослужебныхъ возгласовъ, на половину изъ похабныхъ словъ, съ обрядностью, роднившею церковный чинъ съ Ярилинымъ празднествомъ. За все это плачевное наслѣдіе горемычная Русь дорого и жестоко поплатилась въ большевицкую революцію, потому что пропаганда безбожія тщательно подобрала весь, столѣтіями накопившійся, кощунственный словесный соръ и использовала его въ своихъ цѣляхъ.

Апокрифическое засилье сыграло роль важнаго фактора и въ расколѣ между старою и новою вѣрою, и въ расчлененіи первой на множество сектъ и толковъ. Анализъ этой роли увелъ бы меня слишкомъ далеко отъ темы. Укажу лишь, что ее весьма опредѣленно отмѣтилъ предъ церковнымъ соборомъ 1681 г. благочестивый, но совсѣмъ не ханжа, умный и образованный царь Θеодоръ Алексѣевичъ: „На Москвѣ всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ и на листахъ, и въ столбцахъ выписки, будто бы изъ книгъ священнаго писанія, и продаютъ у Спасскихъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ этихъ письмахъ является многая ложь, а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, принимаютъ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, особенно же вырастаетъ отсюда на Св. Церковь противленіе“. (Сол. 873. Т. Гл.).

И не одни простолюдины. Ключевскій доказалъ, что въ русскія рукописныя, а иногда и печатныя святцы прокрадывались святые, не только не ублаженные Церковью, но и просто таки измышленные, въ дѣйствительности никогда не существовавшіе на семъ свѣтѣ. Особенно курьезенъ случай, когда сатирическое жизнеописаніе какого то жаднаго воеводы, въ результатѣ ловкой пародической подделки подъ важную церковно-славянскую рѣчь, было принято за житіе святаго угодника Ивана Сухого. Допущенный чьею то близорукостью въ святцы, этотъ самозванецъ, притаившись въ нихъ, благополучно просуществовалъ въ святыхъ три столѣтія, и только въ XX-мъ вѣкѣ попался

онъ на глаза зоркому историку-скептику, который разсмотрѣлъ, что мнимый угодникъ совсѣмъ не благоговѣйно чтимый „Иванъ Сухой“, но, напротивъ, весьма ехидно уязвляемый „Иванъ Съ ухой“.

Ясно, что, при такомъ низкомъ уровнѣ религіозной образованности, въ русской Церкви XVII в. не могла развиваться свободная проповѣдь и, пожалуй, даже хорошо, что ея не было, такъ какъ, по невѣжеству поповъ, она неминуемо должна была бы сдѣлаться орудіемъ еретическихъ бредней и возникновенія суевѣрныхъ сектъ. Что и было въ старой вѣрѣ, гдѣ фанатическій экстазъ гонимыхъ нуждался въ свободномъ словѣ и не могъ отъ него удержаться. Русская церковная проповѣдь, религіозно-публицистическое учительство этики, процвѣтавшая въ первые вѣка христіанства (митр. Иларіонъ, Ѳеодосій Печерскій, Лука Жидята, Кириллъ Туровскій, Серапіонъ Владимірскій), замолкла въ Москвѣ. Вмѣсто пастырской отзывчивости на жизнь паствы, амвонъ оглашался тысячелѣтнею древностью проповѣдей Іоанна Златоуста. Москвичи XVII вѣка, какъ чуду нѣкоему, внимали опытамъ Никона говорить съ паствою съ амвона живымъ языкомъ на живыя учительныя темы. Когда подъ покровительствомъ именитаго человѣка, Григорія Дмитріевича Строганова, въ его столичномъ Орлѣгородѣ на Камѣ, въ церкви Похвалы Богородицы, раздалась первая духовная проповѣдь, не изъ Златоуста буква въ букву читаемая, но отъ вдохновенія просвѣщеннаго смѣльчака-священника, собственными его простыми русскими словами, это новшество было принято съ восторгомъ паствою, но съ возмущеніемъ и протестами духовенствомъ. Однако, и трогановъ, „истинное всѣмъ россійскимъ вельможамъ и богачамъ ясное свѣтило благочестію“, былъ упрямъ, и священникъ — духовный витязь не изъ робкихъ. Изъ проповѣдей его созрѣла, плодомъ великой борьбы съ коснымъ изувѣрствомъ паствы и лѣностью поповъ-невѣждъ, мудрая и благородная книга Стиръ.

Позднее развитіе русской проповѣди навсегда оставило на ней печать нѣкоторой скудости. Сильные духовные ораторы, единицами, возникали, начиная съ послѣднихъ

десятилѣтій XVII вѣка, съ возникновеніемъ правильнаго школьнаго образованія церковниковъ, довольно часто, и исторія русской проповѣди не бѣдна громкими именами. Но масса духовенства относилась къ проповѣднической части своихъ обязанностей всегда, какъ къ непріятнѣйшей обузѣ, и старалось отдѣлаться отъ нея какимъ либо формальнымъ обходомъ, не утруждая собственнаго ума и краснорѣчія.

Обычай пользоваться тетрадками чужихъ проповѣдей, вѣроятно, и сейчасъ еще не вымеръ совершенно. Въ XIX вѣкѣ, въ пору моего дѣтства, онъ, можно сказать, свирѣпствовалъ. Удачная проповѣдь какого либо охочаго и талантливаго духовнаго витіи выпрашивалась, вымѣнивалась, покупалась попами другихъ приходовъ и, такимъ образомъ, облетала большинство церквей уѣзда, а иногда и цѣлой губерніи, лишь слегка передѣлываемая въ примѣненіи къ дню произношенія. Но бывали священники и на то неспособные, либо слишкомъ лѣнивые. Весьма распространенъ анекдотъ о томъ, какъ нѣкій батюшка въ приходѣ св. мученика Никиты добылъ на свой храмовой праздникъ рукопись проповѣди въ день Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Она начиналась словами: „Было три креста“. Никитскій батюшка, не мудрствуя лукаво, подставилъ всюду, вмѣсто „креста“ „Никиту“, да такъ и возгласилъ съ амвона: „Было три Никиты“. Дѣдъ мой, протоіерей Иванъ Филипповичъ Чупровъ (ум. 1873), утверждалъ, что это не анекдотъ, но фактъ, имѣвшій мѣсто, въ концѣ XVIII вѣка, въ Калужской епархіи, близъ города Масальска въ селѣ Бакѣевѣ, и что, мальчикомъ (значитъ, въ концѣ перваго или въ началѣ второго десятилѣтія XIX вѣка), онъ зналъ престарѣлаго попика, котораго дразнили этимъ его грѣхомъ съ „тремя Никитами“.

Отецъ мой, большой любитель проповѣди и очень талантливый проповѣдникъ, покуда священствовалъ въ провинціи, вѣчно осаждался просьбами батюшекъ его благочинія „одолжить проповѣдку“. Въ объѣздахъ по благочинію онъ, изъ церкви въ церковь, слышалъ съ амвона свои слова въ самыхъ неуклюжихъ искаженіяхъ. И это

ему наконецъ такъ стало противно, что, когда къ нему опять обращались за одолженіемъ проповѣдки, онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, отецъ (имярекъ), лучше я для васъ новую проповѣдку напишу на вашъ престолъ! А вы ужъ потрудитесь, прочитайте поглаже.

Въ извиненіе антипатіи сельскаго духовенства къ проповѣди надо замѣтить, что, кромѣ лѣни и плохого образованія, антипатію эту поддерживали, во первыхъ, отсутствіе свободнаго времени для литературной работы, за хозяйственными заботами (см. выше). Во вторыхъ, можетъ быть, и въ главныхъ, страхъ погрѣшить противъ цензуры. Проповѣдническая импровизація, собственно говоря, была изгнана съ амвона православной церкви, такъ какъ оставалась достояніемъ весьма немногихъ общепризнанныхъ и, обыкновенно, высокопоставленныхъ духовныхъ ораторовъ. Для зауряднаго священника проповѣдь, не цензурованная благочиннымъ, была дѣломъ рискованнымъ, почти контрабанднымъ; за благочиннымъ, какъ цензоромъ, въ свою очередь, слѣдила цензура епархіальной консисторіи. Такимъ образомъ, языкъ проповѣдника былъ прочно прикованъ на крѣпкой цѣпочкѣ, не выпускавшей его изъ тѣснаго круга ѳеологическихъ темъ, мало интересныхъ для невѣжественной паствы. Проповѣди же религіозно-публицистическія, тѣмъ болѣе „съ указаніемъ", вели къ самымъ мрачнымъ послѣдствіямъ для проповѣдника. За это бывали не только запрещенія служенія и отдача подъ началъ (протопопъ Савелій Туберозовъ въ „Соборянахъ" Лѣскова), но и лишенія сана, и обвиненія въ бунтарствѣ противъ предержащихъ властей, въ подстрекательствѣ крестьянъ противъ помѣщика, — и т. д.

XI.

Пьянственный порокъ.

1.

Главнымъ и наиболѣе вредоноснымъ порокомъ духовенства вообще, сельскаго, въ особенности, оставалось, всетаки, пьянство. Извѣстна терпимость къ этому пороку русскаго народа. Онъ и самъ весь, съ Владиміровыхъ временъ, въ зеленѣ винѣ тонетъ. Однако, поповское пьянство часто превышало даже и мѣру крестьянской покладистости, хотя она должна была быть очень широка, судя по тому, какъ въ XVII в. культурный классъ свое пьянство мѣрялъ. Симеонъ Полоцкій, трезвенникъ и постникъ, возставая противъ пьянственнаго провожденія русскими Господнихъ праздниковъ, попытался установить границу между трезвымъ и пьянымъ состояніемъ, выказавъ въ этомъ распредѣленіи трогательную снисходительность къ слабости человѣческой. „Тотъ истинно пьянъ, — говоритъ Симеонъ, — кто на другой день не помнитъ, что онъ дѣлалъ и что говорилъ, съ кѣмъ шелъ, какъ домой добрался и какъ спать легъ, а тотъ еще не совсѣмъ пьянъ, кто, хотя и шатается, но все помнитъ“.

Наблюдать свое поповство истинно пьянымъ по мѣркѣ Симеона Полоцкаго крестьянству приходилось очень часто. Примѣры безчисленны. Вотъ одинъ, выразительный по полнотѣ безчинства. Въ концѣ 1690-хъ годовъ Архангельскій приходъ Пачеозерской волости Сольвычегодскаго уѣзда

жаловался преосвященному Александру, архіепископу великоустюжскому и тотемскому, на своего попа Никиту Иванова. Этого пастыря душъ пьянство превратило въ совершенно уголовный типъ. Уличенный въ блудномъ дѣлѣ съ духовной дочерью и въ покражѣ церковной казны, попъ Никита, по указу архіепископа, былъ битъ шелепами. Озлобленный наказаніемъ, онъ, черезъ церковнаго старосту, запугивалъ прихожанъ какимъ то близкимъ отмщеніемъ: „живите де вы въ старостахъ, а бѣды ждите".

„И всегда, государь, — писали крестьяне въ челобитной, — онъ, попъ Никита, живетъ безчинно, пьетъ на кабакахъ безобразно... А въ нынѣшнемъ, государь, въ 206 г. (1698) января въ 27 день, напился пьянъ и пришедъ къ вечернѣ, началъ въ трапезѣ пьяный кричать во всю голову неподобно, чего и на кабакахъ мало ведется, и старостъ и мірскихъ людей бранилъ всякою неподобною матерною бранью и послѣ того крику пьяный служилъ вечерню въ возгласахъ и въ эктеніяхъ вельми неисправно. И по господскимъ, государь, праздникамъ, и по воскреснымъ днямъ на кабакахъ вельми пьетъ безобразно и въ домъ свой питуховъ съ виномъ приводитъ. (Слѣдуетъ подсчетъ пропущенныхъ Никитою, за пьянствомъ, повечерій, — въ 202 г. не служилъ ихъ съ Ѳоминой недѣли по декабрь!). И іюля въ 22 число въ день воскресный пришелъ въ церковь вельми пьянъ и заутреню началъ, а самъ въ алтарѣ на лавицѣ и уснулъ. Въ прошломъ 203 г. ноября въ 4 день вѣнчалъ свадьбу Фильки Верховцева пьянъ замертво, ектеніи и молитвы говорилъ — того никому разумѣть было немощно, а съ книгою требникомъ во святомъ алтарѣ палъ и съ престола крестъ благословенный сронилъ, а въ другой послѣ съ тою книгою палъ и половину царской двери съ крюковъ сшибъ. А ноября въ 13 день пришелъ къ вечернѣ и вечерню началъ нераспоясався, и сумка съ требою на шеѣ, а патрахили, ни ризъ на немъ во всю вечерню не было и учинилъ бунтъ, дьячка Ваську оконною порицею и крестьянина Максима Заболоцкихъ по хребту и по бокамъ билъ и всѣхъ изъ церкви и изъ трапезы вонъ выгналъ, и въ паперти въ слѣдъ же невѣдомо чѣмъ бросилъ, а самъ

послѣ сшелъ на кабакъ, да тамъ и ночевалъ и назавтріе къ церкви не приходилъ... И всячески, государь, онъ, попъ, надъ крестьяны издѣвается, гдѣ его зовутъ въ міръ съ потребою: къ болю съ причастіемъ и къ роженицамъ съ молитвою, и онъ, приходя, пьянъ, роженицамъ давъ у бани молитву, отходитъ отъ бани прочь, не давъ младенцу имени, проситъ себѣ вина... А иного, государь, его попова безчинія и безстрашія и писать невозможно".

Въ заключеніе крестьяне грозятъ духовною забастовкою: если не уберутъ отъ нихъ попа Никиту, не пойдутъ къ нему на исповѣдь. И просятъ архіерея отвести ихъ души отъ погибели — позволить имъ на мѣсто „безстрашнаго и безчиннаго попа Никиты выбрать иного священника, кого міромъ излюбятъ". Хронологія челобитной являетъ, что своимъ безстрашіемъ и безчиніемъ попъ Никита удручалъ прихожанъ пять лѣтъ (202—206), и, въ такомъ долгомъ срокѣ, міръ-приходъ ничего не могъ съ нимъ подѣлать.

Покуда выборное начало держалось крѣпко, міръ, недовольный подобнымъ безобразникомъ-попомъ, могъ легко отъ него отдѣлаться, указавъ своему наемнику поворотъ отъ воротъ, съ уплатою неустойки, а то и просто. Случалось это не часто. Во-первыхъ, по снисходительности крестьянства къ пьянственному пороку. Любопытно отмѣтить, что снисходительность эта и даже нѣкоторое предубѣжденіе противъ не пьющаго духовенства присущи не только крестьянамъ, но и культурному слою сельскаго населенія.

— „Водку не пить, конечно, прекрасная вещь, — говоритъ въ одномъ романѣ Писемскаго, величайшаго изъ бытописателей старой русской деревни, нѣкто Миклаковъ,— но я все дѣтство мое и часть молодости моей прожилъ въ деревнѣ и вотъ что замѣтилъ: священникъ, если пьяница, то, по большей части, малый добрый, но если ужъ не пьетъ, то всегда почти сутяга и кляузникъ".

— „Это есть, есть!—подтвердилъ съ удовольствіемъ дьяконъ, улыбаясь себѣ въ бороду".

Задѣтый намекомъ, не пьющій священникъ (городской, столичный) сухо возражаетъ:

— „Образъ жизни деревенскихъ священниковъ таковъ.

что, находясь посреди невѣжественныхъ крестьянъ, они невольно отъ скуки или обезумѣвать должны, или изощрять свой умъ въ писаніи какихъ нибудь кляузъ".

Во-вторыхъ, потому, что, какъ видно изъ жалобъ многихъ высокихъ іерарховъ и церковныхъ соборовъ, приходскіе міры часто предпочитали поповъ пьяныхъ и безчинныхъ трезвымъ и истовымъ, такъ какъ первые шли на болѣе дешевыя условія. Значитъ, обрѣтая завѣдомо пьянаго попа черезъ собственный выборъ, міръ долженъ былъ его, хочешь не хочешь, терпѣть: „бачили очи, що куповали". Въ концѣ же XVII столѣтія подверглось ограниченію и самое право приходовъ отрѣшать священника по мірскому приговору; теперь для удаленія священника требовался архіерейскій указъ, а получить его, повидимому, было не легко. По крайней мѣрѣ, изъ мірскихъ челобитныхъ о томъ замѣтно, что къ архіереямъ прибѣгали за управою на своихъ поповъ только общины, уже окончательно выведенные изъ терпѣнія дикостями духовныхъ пастырей, въ родѣ Пачеозерскаго попа Никиты.

Въ жалобахъ мірянъ на поповъ архіереи усматривали отстаиванье ненавистнаго имъ выборнаго начала. Одинъ изъ первыхъ и рьяныхъ борцовъ противъ него, архіепископъ Аѳанасій Холмогорскій, попробовалъ было въ своей епархіи вовсе уничтожить выборное священство: отбиралъ у духовенства избирательные приговоры и списки, порядныя записи. Ему не удалось провести свою реформу, по преждевременности, но имъ провозглашенная и лично имъ очень энергично проводившаяся тенденція: „чтобы святая церковь не была въ порабощеніи, юже Спаситель нашъ крестомъ искупи, и надъ священники и надъ причетники церковными мірскихъ людей воли, кромѣ насъ преосвященнаго архіепископа не было" — любезна была всему архіерейству. „Кто васъ у меня отниметъ? — вопилъ пьяный Іосифъ Коломенскій на свое священство, — не боюсь я никого, ни царь, ни патріархъ васъ у меня не отниметъ!" Такъ куда же было соваться къ этакому „князю церкви" мірскимъ людямъ съ челобитною на леннаго ему попа!

Архіерейское недовѣріе къ мірскимъ челобитнымъ

было возведено въ систему. Иные владыки предпочитали лучше оставлять приходы „въ погибели душъ“ отъ поповъ, двойниковъ безстрашнаго и безчиннаго Никиты, чѣмъ уступить мірскому требованію ихъ удаленія. Любопытно, что пережитокъ страха и отвращенія къ мірскому посягательству на іерейскій авторитетъ сохранился въ русскомъ епископатѣ до позднихъ лѣтъ XIX вѣка. Н. С. Лѣсковъ, въ своихъ знаменитыхъ „Мелочахъ архіерейской жизни“, иллюстрируетъ этотъ фактъ курьезнѣйшими эпизодами.

2.

Между тѣмъ, судебная практика трехъ столѣтій доказываетъ, что крестьяне крайне рѣдко выступали противъ своихъ причтовъ съ несправедливыми претензіями. Да и въ справедливыхъ они, по нелюбви къ начальству и судебной волокитѣ, старались, до послѣдней возможности, какъ нибудь столковаться по душамъ и обойтись „своими мѣрами“. Крестьянское благодушіе или равнодушіе къ поведенію духовныхъ лицъ, такъ сказать, средней зазорности доходило до выдачи міромъ одобрительныхъ аттестацій субъектамъ, завѣдомо преступнымъ. Въ Васильевскомъ уѣздномъ судѣ разсматривалось въ 1795 г. дѣло о прелюбодѣйномъ сожительствѣ дьякона села Мичина съ крестьянкою „и о прочемъ“. Прочее заключалось въ томъ, что дьяконъ расплачивался съ любовницей лоскутами и шелковыми завязками, отрѣзанными отъ ризъ. Крестьянами дьяконъ былъ одобренъ въ поведеніи, хотя незадолго до того былъ ими же высѣченъ плетьми на мірскомъ сходѣ за пріемъ краденой ржи.

Бѣдность и пьянство плохіе сторожа добродѣтели. Татищевъ былъ правъ въ своей пословицѣ, что и патріархъ голодный украдетъ кусокъ хлѣба. Особенно, если хроническій голодъ заглушается хронической алкоголизаціей организма. Уголовныя лѣтописи XVII—XVIII вв., поскольку касаются духовнаго сословія, даютъ картины такой нравственной развинченности и расхлябанности, что подавляющее большинство тогдашнихъ преступниковъ изъ духовен-

ства нынѣшній судъ не задумался бы признать дѣйствовавшими въ сомнительномъ душевномъ состояніи. Глубокое одичаніе, утрата уваженія къ чужой собственности, личности и самой жизни, циническое надругательство надъ общественностью, надъ закономъ человѣческимъ и Божескимъ, надъ своимъ саномъ и человѣческимъ достоинствомъ.

Нельзя, однако, отрицать того, что эти пьяные, преступные, циники-попы, вопреки всѣмъ своимъ безобразіямъ, были, всетаки, религіозны. Никита Добрынинъ (Пустосвятъ) былъ запивоха, что не помѣшало ему сложить голову за старыя книги и двуперстіе. Отецъ Петръ, родитель протопопа Аввакума, „прилежаше хмѣльнаго питія", но въ семьѣ его держалась цѣлительная религіозная атмосфера, и вотъ развился въ ней и вышелъ изъ нея величайшій старообрядческій учитель, вождь и страстотерпецъ. Вѣдь даже пьяница-попъ въ извѣстной легендѣ „О ляхѣ и пресвитерѣ", котораго сама Богородица безпощадно обличала устами заговорившей иконы, — даже и тотъ былъ глубоко религіозенъ: поруганіе, нанесенное образу Богоматери развратнымъ кощунствомъ непріятеля, ранило попа въ глубину сердца, заставило рыдать и вопіять къ Пресвятой объ отмщеніи. (См. ниже). Но вслѣдствіе постояннаго отравленія алкоголемъ, религіозность въ этихъ хроническихъ пьяницахъ смѣшивалась и чередовалась съ такимъ свинствомъ, что дѣйствительность часто помрачала даже устрашающіе вымыслы нравоучительныхъ легендъ. Уже въ 1820 г. (!) въ Арзамасскомъ уѣздномъ судѣ велось дѣло о дьячкѣ Якимѣ Игнатьевѣ и пономарѣ Данилѣ Филипповѣ арзамасской Спасской церкви, судимыхъ „за пьянство и неблаговидные въ церкви и внѣ оной поступки". Дѣло занимаетъ 20 листовъ и заключаетъ въ себѣ такіе, напр., подвиги: „Дьячекъ Игнатьевъ послѣ литургіи наблевалъ въ алтарѣ, будучи весьма пьянъ; а пономарь, въ великую субботу во время чтенія въ апостольскихъ дѣяніяхъ мѣста: „сіи пьяни суть, есть убо часъ третій дне", отъ себя вслухъ прибавилъ: „а теперь седьмой часъ и мнѣ почему не быть пьяну?"

Зло было тѣмъ болѣе жестоко и неискоренимо, что, помимо всѣхъ внѣшнихъ причинъ, обусловливавшихъ пьянство духовенства, могущественно работала внутренняя, органическая наслѣдственность. Столѣтіями тянулись алкоголическія поколѣнія, обреченныя рано или поздно покориться прирожденной отравѣ и запить. Раннее семинарское пьянство бурсаковъ Нарѣжнаго, Гоголя, Помяловскаго — результатъ не столько школы, которая ему развѣ лишь содѣйствовала, сколько вѣками отравленной крови, кипѣвшей въ жилахъ Бенелявдовыхъ и Гороблагодатскихъ: бездна бездну призывала.

3.

„Случится ли свадьба,—ядовито язвитъ авторъ „Посланія къ Хитрею“ (вѣроятно, Пауль Одерборнъ),—за священникомъ посылаютъ разъ, и два, и три, потому что злополучный попъ спитъ пьяный. Соскучившись ждать, родня жениха идетъ къ священнику, несетъ ему въ гостинецъ водку и насильно ведетъ его въ церковь. Но попъ не въ состояніи твердо держаться на ногахъ и то и дѣло падаетъ. Въ церкви подымается такой смѣхъ и хохотъ, что едва ли бывало подобное безчинство даже при языческомъ богослуженіи въ капищахъ Венеры. Чтобы священникъ не падалъ, приставляютъ ему особыхъ держальщиковъ, а, какъ скоро онъ совершилъ таинство, отводятъ его обратно домой“. (Ad Chytr. Рущ. 118).

„Посланіе къ Хитрею“ злой памфлетъ, очень склонный къ сатирическому шаржу; однако эта картина не вымышлена и не преувеличена въ грубости. Свадебные пиры для невоздержаннаго духовенства несли не только грѣховный соблазнъ, но часто и смертную погибель. Въ 1783 г. въ деревнѣ Берцовой Нижегородскаго уѣзда священникъ Николай Ивановъ, на свадебной пирушкѣ, будучи сильно пьянъ, обругалъ одного изъ поѣзжанъ конокрадомъ, — будто тотъ увелъ у него, попа, карую кобылу. Слово за слово, подрались. Попъ учалъ бить супротивника четвертнымъ полѣномъ—и забилъ до смерти. Поѣзжане и крестьь-

янство, „изъ сожалѣнія къ попу", хотѣли скрыть убійство, но донесъ губернатору свой братъ, дьяконъ, оберегая себя, „дабы не причтенъ былъ въ ономъ убійствѣ участникомъ". Попъ и пятеро крестьянъ биты кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей и поставленіемъ на лбу и на щекахъ литеръ в. о. р., и сосланы въ каторжныя работы; остальные поѣзжане биты кнутомъ и возвращены въ вотчину.

Въ другомъ уголовномъ дѣлѣ свадебнаго происхожденія (въ арзамасскомъ судебномъ архивѣ отъ 1795 г.), наоборотъ, поѣзжане невзначай уходили на смерть священника, который спьяну нагрубилъ одному изъ гостей, сказавъ „пристойныя остановленію лошадей, а не человѣку свойственныя слова". Обиженный избилъ священника. Пьянство продолжалось. Въ промежуткахъ его священникъ уходилъ въ деревню по зовамъ на требы и обвѣнчалъ въ церкви жениха съ невѣстой. На пиру послѣ вѣнчанья онъ оказался уже безчувственно пьянъ и свалился на полъ. Тогда четверо изъ гостей „на потѣху публикѣ" сѣли на опьяненнаго священника, приговаривая: „ровно ли мы де на немъ усѣлись". Священникъ подъ ними и померъ. Слѣдствіе вскрытіемъ трупа установило причину смерти „въ инфлемаціи, послѣдовавшей отъ многаго питія крѣпкихъ напитковъ, отъ котораго послѣдовалъ въ немъ антоновъ огонь, а отъ оного и смерть ему внезапная приключилася", Поэтому крестьянъ судили не за убійство, а только за посмѣяніе надъ духовнымъ лицомъ, учинили имъ наказаніе батожьемъ, „дабы имъ впредь такого безчинства и озорничества дѣлать было неповадно", и освободили. (Дѣйст. Ниж. губ. уч. арх. ком. 1888. стр. 310. 482).

О частыхъ избіеніяхъ пьяныхъ поповъ бражниками упоминаетъ Олеарій, объясняя значеніе носимой священниками скуфьи. „Если кто ударитъ Попа и при этомъ попадетъ по шапкѣ или сронитъ ее съ головы Священника на землю, тотъ подвергается большому взысканію и долженъ заплатить Попу безчестіе. Но отъ этого попы не меньше получаютъ побоевъ; ибо они болѣе нетрезвый и праздный народъ, чѣмъ другіе люди. Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимаютъ ее съ Попа,

затѣмъ поколотятъ его хорошенько и снова бережно надѣваютъ на него оную. Однимъ словомъ, съ теченіемъ времени шапочкѣ той не придается уже такого большого значенія". (Ол. 351).

Не одно брачное, но и всѣ таинства позорились безмѣрнымъ пьянствомъ духовенства. Соборъ 1681 г. долженъ былъ признать, что, за сто тридцать лѣтъ передъ тѣмъ прозвучавшій окрикъ царя Ивана къ Стоглавому собору: „Бога ради о семъ довольно разсудите, чтобы пастыріе во піянствѣ не погибли, и мы на нихъ зря, тоже не погибли бы", остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Потому что,— какъ бы повторяетъ соборъ 1681 г. слова Ивановы,—„въ нынѣшнее время многіе попы и дьяконы живутъ безчинно (у Ивана въ семнадцатомъ вопросѣ: „А они же и сами во всякомъ безчиніи") и упиваются безмѣрнымъ пьянствомъ и церковныя тайны дѣйствуютъ пьяные". (Сол. III. 782. Т. XIII. Гл. 2). „А се тебѣ вѣдомо буди,—объясняетъ Соломоніи Бѣсноватой въ сонномъ видѣніи св. Ѳеодора, чего дѣля ты тяжко страдала от демоновъ: потому что тебя попъ пьянъ крестилъ, и половины святого крещения не исполнилъ".

Выше (стр. 111) приведенъ былъ случай крестцоваго попа, отданнаго подъ судъ за то, что нанялся служить литургію послѣ того, какъ хватилъ водки въ кабакѣ,—и пошелъ онъ на это кощунственное преступленіе всего за 12 коп. Ясно, что, если возможны были такія рѣзкія нарушенія церковнаго устава, то еще менѣе соблюдалось требованіе, чтобы священникъ, который сегодня былъ пьянъ, не дерзалъ на завтра служить литургію. Какъ мало дѣйствовали на спившееся съ круга духовенство соборныя постановленія по этому поводу и увѣщанія іерарховъ, можно судить по чрезвычайно рѣзкой церковной сатирѣ XVII вѣка — „О ляхѣ и пресвитерѣ". Она возникла или въ Смутное время, или вскорѣ послѣ него, съ таковымъ содержаніемъ.

Въ „московское разоренье" пустынь Каменка въ Новоторжковскомъ уѣздѣ подверглась нашествію отъ безбожныхъ ляховъ. Одинъ изъ нихъ втащилъ въ церковь Богородицы какую то русскую плѣнницу, взялъ изъ алтаря

запрестольный образъ, „поверже на землю и богомерзкое свое проклятое безстыдство з женою оною на образѣ томъ содѣя“. Это безобразіе видѣлъ спрятавшійся подъ жертвенникомъ священникъ и, возмущенный, завопилъ къ Богоматери: какъ Она могла попустить такое кощунство, не покаравъ злодѣя? „Тогда гласъ бысть отъ образа: о пресвитере! сей безстудный песъ за свои дѣянія злѣ погибнетъ; тебѣ же глаголю: яко не толико мнѣ содѣя безстудство сей иноязычникъ, яко же ты; понеже безстрашіемъ приходиши в церковь мою и без боязни приступаеши ко святому жертвеннику: ввечеру упиваешися до піяна, а заутра служиши святую литургію и пред симъ моимъ образомъ отрыгаеши оный гнусный піянственный свой духъ (Ср. въ Стоглавѣ: „Аще бо въ церкви приходите, како Бога прославите, повѣдите мнѣ, яко піянаго смрадомъ отрыгающаго, тьмами ненавидитъ Богъ, яко мы гнушаемся пса смердяща мертва“) и лице мое симъ зѣло омерзилъ еси, паче сего блуднаго поганника; онъ бо невѣдѣніемъ сотвори и за сіе погибнетъ, ты же, вѣдая, согрѣшаеши; глаголю ти: престани отъ сего такова дѣла! И такъ гласъ той преста; ляхъ же гонимъ бысть силою Божіею отбѣже; пресвитеръ же, воста, во благихъ поживе вся дни живота своего“. (Пам. стар. русск. лит. I. 149. — Стоглавъ. 24, 25, 134). Вѣкъ, въ которомъ могла возникнуть и учительно читаться подобная легенда, мы имѣемъ право считать доведеннымъ до отчаянія безпробуднымъ пьянствомъ своихъ священнослужителей.

4.

Трудно опредѣлить іерархическія границы распространенія пьянственнаго порока по духовному сословію. Иностранцы иновѣрные могли наблюдать близко только низшіе слои бѣлаго и чернаго духовенства: удача Флетчера проэкзаменовать вологодскаго епископа — едва ли не единственное исключеніе въ своемъ родѣ. Поэтому отъ иноземныхъ свидѣтелей мы можемъ почерпнуть только данныя для внѣшняго, матеріальнаго быта высшаго духовен-

ства и небольшое количество громкихъ ходячихъ слуховъ. обыкновенно, дурно понятыхъ и перевранныхъ. Иностранцы довольно внимательно высчитали крупные доходы патріарха, новгородскаго митрополита, главнѣйшихъ монастырей, и здѣсь ихъ свѣдѣнія достойны вниманія. Но моральная сторона быта русскихъ іерарховъ пріоткрывалась для нихъ такъ рѣдко, случайно, отрывочно, что очень не часто свидѣтельства ихъ годятся въ основаніе догадокъ, построеній и, тѣмъ болѣе, обобщеній.

Исключеніемъ изъ правила является сиріецъ Павелъ, архидіаконъ антіохійскаго патріарха Макарія, прибывшаго въ Московію въ 1653 г. и прогостившаго въ ней болѣе двухъ лѣтъ, въ очень горячее и больное для русской церкви время. Павелъ Дьяконъ, въ качествѣ православнаго и покровительствуемаго „братушки", проникалъ въ сферы, недоступныя другимъ пришельцамъ, былъ вхожъ къ патріарху Никону, обласканъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Его замѣчанія о бытѣ высшаго русскаго духовенства и монашества очень лестны, рисуютъ жизнь строго религіозную, взыскательно аскетическую, безъ наградъ за добродѣтели, ибо они суть долгъ инока, и съ весьма суровыми карами за малѣйшіе проступки. За пьянство, напр., можно было быть сосланнымъ въ Сибирь, либо угодить въ тюрьму и подвергнуться публичному опозоренію; такое отвращеніе было къ пьянству, что даже на блудъ смотрѣли легче. (Оттѣнокъ такого сужденія есть, пожалуй, и въ легендѣ о „Ляхѣ и пресвитерѣ").

Но Рущинскій справедливо замѣтилъ о разсказахъ Павла Дьякона, что, во первыхъ, онъ былъ въ Московіи при патріархѣ Никонѣ, который подтянулъ распущенное духовенство рукою желѣзною, безжалостною; а, во вторыхъ, состоя въ свитѣ столь высокаго гостя, какъ антіохійскій патріархъ Павелъ, неминуемо долженъ былъ наблюдать духовный бытъ только съ казовой стороны. Торжественныя встрѣчи и церемоніи, проживаніе въ лучшихъ, образцовыхъ монастыряхъ, безукоризненныхъ по соблюденію устава, знакомства съ наиболѣе замѣчательными представителями духовной іерархіи и т. д. закрывали отъ сирійскаго дьякона

дѣйствительное положеніе, будни русской церкви. Прибавимъ къ тому, что Макарій со свитою прибыли въ Московію за милостынею, каковую и получили въ количествѣ, большемъ, чѣмъ ожидали, да еще и съ приложеніемъ почета, отъ котораго давно отвыкли подъ турецкой палкой. Въ то время, какъ западные гости Московіи имѣли право смотрѣть на ея порядки, нравы, состоятельность, религіозный уровень сверху внизъ, сиріецъ, благодарный нищій въ домѣ ласковаго благодѣтеля, смотрѣлъ снизу вверхъ, изумленный и восхищенный зримымъ благолѣпіемъ и могуществомъ православной вѣры, столь утѣсненной и униженной на его родинѣ.

Вѣдь сирійцы сами оказались не сильнѣе русскихъ въ качествѣ начетчиковъ по Писанію и уставнымъ церковнымъ книгамъ. Ихъ преимущество состояло лишь въ томъ, что они обладали болѣе древними и, — предположительно по мнѣнію вѣка, — болѣе вѣрными списками священной литературы: на томъ и строился авторитетъ всѣхъ восточныхъ митро и клобуконосцевъ, нахлынувшихъ въ Москву при благочестивомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ изученіи же книгъ русскіе начетчики-буквоѣды далеко опередили восточныхъ. Павелъ Дьяконъ жалуется на страсть русскихъ озадачивать ученыхъ людей мудреными вопросами.

Такъ, напр., даже не духовное лицо, а какой-то калужскій воевода смутилъ патріарха Макарія просьбою разъяснить, почему это церковь считала тогда отъ сотворенія міра до Рождества Христова только 5500 лѣтъ, между тѣмъ, какъ по ариѳметическому расчету выходитъ 5508? Сконфуженный Макарій нашелся только возразить, что онъ и самъ о томъ недоумѣваетъ: справлялся,—говоритъ,— въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, такъ и тамъ никто ничего не знаетъ. Калужскій воевода былъ, вѣроятно, въ полномъ восторгѣ, что срѣзалъ патріарха. Тѣмъ болѣе, что патріархъ, приказавъ навести справку въ древнихъ греческихъ книгахъ, убѣдился, что свѣтскій богословъ правъ: древняя церковь дѣйствительно считала между сотвореніемъ міра и воплощеніемъ Спасителя не 5500, но

5508 лѣтъ, какъ, благодаря озаренію истиною изъ Калуги, и считаетъ теперь православный календарь.

Къ счастью грековъ, они разглядѣли, что русское хитроуміе, хватаясь за верхушки и тонкости исповѣданія, очень слабо знаетъ и совсѣмъ не продумало азы, а потому втайнѣ не очень-то твердо увѣрено въ собственномъ знаніи. Поэтому, при обладаніи достаточно мѣднымъ лбомъ, грекъ всегда могъ отдѣлаться отъ русскаго придирчиваго вопросителя лукаво пышнымъ отвѣтомъ, который тѣмъ болѣе ошеломлялъ, чѣмъ болѣе былъ нелѣпъ. Такъ одному греческому епископу, слывшему великимъ философомъ, русскіе задали вопросъ: „Есть ли въ Священномъ Писаніи какое нибудь свидѣтельство касательно обычая употреблять въ Пасху крашеныя яйца?“ Епископъ, не долго думая, преподнесъ имъ стихъ Исаіи Пророка: „Кто сей, пришедый отъ Едома, червлены ризы Его отъ Восора?“ (LXIII, 1). Озадаченные Едомомъ и Восоромъ, русскіе спорщики замолчали и отстали. (Рущ. 121. 122. 194. 195).

Нельзя сказать, чтобы и русскіе люди, съ своей стороны, не замѣчали того, что авторитетъ духовной греческой мудрости стоитъ на довольно шаткихъ, глиняныхъ ножкахъ. Держать его въ ореолѣ непогрѣшимой святости было необходимо царю Алексѣю и патріарху Никону для церковной реформы, однако даже объ этихъ двухъ дѣятеляхъ сомнительно, принимали ли они его безусловно. Алексѣй Михайловичъ мучительно волновался сомнѣніями въ правотѣ суда надъ Аввакумомъ, котораго онъ долженъ былъ уступить Никону, и надъ Никономъ, котораго онъ долженъ былъ уступить дворцовой камарильѣ, и приговоры восточныхъ патріарховъ не очень-то успокаивали его чуткую совѣсть.

Никонъ крѣпко держался за восточныхъ патріарховъ пока они ему помогали, но, какъ скоро они стали противъ него на царскую сторону, Никонъ прямо заявилъ, что ихъ авторитетъ для него не авторитетъ, что они лишились древнихъ престоловъ, что книги ихъ, печатанныя въ Венеціи, еретическія, и, наконецъ, обругалъ ихъ — нельзя сказать, чтобы несправедливо, — „бродягами, турецкими невольни-

ками, всюду шатающимися за милостыней, чтобы было чѣмъ султану дань заплатить".

Пусть это были выкрики лично оскорбленнаго и безгранично озлобленнаго, павшаго черезъ предательство, титана. Но, во всякомъ случаѣ, авторитетъ восточныхъ патріарховъ не спасъ русскую церковь отъ рокового раздвоенія, а русская народная вѣра, устами судимаго протопопа Аввакума, прочитала имъ весьма горькое внушеніе, что лучше бы они сидѣли по своимъ мѣстамъ и не совались учить страну, болѣе ихъ крѣпкую въ вѣрѣ:

„— У васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Магмета, да дивить на васъ нельзя: немощны есте стали. И впредь пріезжайте къ намъ учитца: у насъ Божіею благодатію самодержство. До Никона отступника у нашихъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь была немятежна... И т. д.

„И патріарси, выслушавъ, задумалися"...

5.

Обратясь къ писаніямъ Аввакума, мы найдемъ въ нихъ показанія объ архіерейской трезвости совсѣмъ иныя, чѣмъ у Павла Дьякона. Въ статьѣ о „Мелхиседецѣ", представляющей собою сокращенное изложеніе „Слова Аѳанасія архіепископа александрійскаго Мелхиседеце". (Пам. стар. р. лит. III. 21—23), Аввакумъ, съ любовью говоря объ аскетическомъ образѣ жизни „священника Бога Вышняго" на Ѳаворской горѣ, бросаетъ мимоходомъ острую стрѣлу въ высшее духовенство своего вѣка: „Прямой былъ священникъ, не искалъ ренскихъ и романей, и водокъ и винъ процѣженныхъ, и пива съ кардамономъ, и медовъ лимоновыхъ и вишневыхъ и бѣлыхъ разныхъ крѣпкихъ".

Сатирическая выходка эта была направлена, помимо общей цѣли, еще и въ частную — противъ Илларіона, архіепископа рязанскаго, когда-то, въ юности друга Аввакумова, а впослѣдствіи злѣйшаго его гонителя.

Издѣваясь надъ франтовствомъ изнѣженнаго Илларіона и надъ его желаніемъ нравиться женщинамъ („чтобы чер-

ницы-волухи-унеятки любили"), Аввакумъ высмѣиваетъ манеру рязанскаго архіерея носить нысоко поясъ: „Помнишь ли? Іоаннъ Предтеча подпоясывался по чресламъ, а не по титькамъ, поясомъ усменымъ, сирѣчь кожанымъ: чресла глаголются, подъ пупомъ опоясатися крѣпко, да же брюхо не толстѣетъ. А ты что чреватая женка, не извредить бы въ брюхѣ ребенка, подпоясываешься по титькамъ! Чему быть! И въ твоемъ брюхѣ то не меньше ребенка бабья накладено бѣды той, — ягодъ мигдальныхъ, и ренскова, и романей, и водокъ различныхъ съ виномъ процѣженнымъ налилъ: какъ ево подпоясать! Невозможное дѣло ядомое извредить въ немъ! А се и ремень надобе долгъ! Бѣдные, бѣдные!" (Бородз. Пр. Авв. 234, 235, 260).

Кромѣ этого архипастыря, отростившаго посредствомъ романей и винъ процѣженныхъ брюхо, какъ у беременной женщины, обвинялись въ пьянствѣ, изъ представителей высшаго духовнаго чина, духовникъ царя Алексѣя Михайловича, Андрей Савиновъ и коломенскій архіепископъ Іосифъ. Послѣдній былъ буенъ во хмѣлю и дерзокъ на языкъ. Станетъ Іосифъ „прохладенъ" (навеселѣ), — и пошелъ обличать и ругать власти предержащія, духовныя и свѣтскія. „Называлъ Іосифъ великаго государя, будто в. государь говно, и болванъ, дуракъ. Патріарха (Іоакима) называлъ глупцомъ и безлюдицею; архіереевъ скотами, трусами, шушерою. Ѣздилъ въ домовыя свои и монастырскія вотчины съ монахами и домовыми людьми, а послѣ стола въ селахъ на погостахъ и на лугахъ предъ нимъ напився отецъ его духовный архимандритъ Голутвина монастыря, дьякъ и иные домовые люди смѣхотвореніемъ многимъ и кощуны всякими боролися и у тѣхъ монаховъ въ борьбѣ ихъ подолы непристойно оборочались"... (Сол. III. 745, 746. т. XIII. Гл. 1).

Наконецъ, не избавился отъ обвиненій въ пьянствѣ и спаиваніи окружающихъ самъ суровый гонитель и каратель пьянства, лишенный сана патріархъ Никонъ. Доносъ, сдѣланный на него бывшимъ при немъ приставомъ, кн. Шайсуповымъ, вѣроятно, сильно раздутъ, но нѣтъ ничего мудреннаго и въ томъ, еслибы, заточенный въ Ѳерапонтовъ

монастырь, Никонъ, отъ бездѣлья и скуки, не зная, какъ избыть кипучую энергію привычныхъ къ огромной дѣятельности духа и тѣла, дѣйствительно сталъ придерживаться чарочки.

Шайсуповъ доносилъ, будто Никонъ „по преставленіи царя Алексѣя во весь великій постъ пилъ до пьяна и, напившись, всякихъ людей мучилъ безвинно", въ томъ числѣ избилъ палками, а потомъ запоилъ виномъ до смерти старца Лаврентія, уморилъ пьянствомъ какую то двадцатилѣтнюю дѣвицу, которая привезла къ нему своего маленькаго брата для лѣченія. Другой доносчикъ, Никоновъ келейникъ, старецъ Іона, прибавлялъ къ тому, что Никонъ много озорничаетъ съ женскимъ поломъ. „Дѣвокъ и молодыхъ вдовъ называетъ дочерьми и сговариваетъ ихъ замужъ у себя въ кельѣ, а послѣ вѣнчанья приходятъ къ нему въ келью, а онъ ихъ запаиваетъ до пьяна и сидятъ у него до полуночи... Въ праздники дѣлаетъ пиры частые на слободскихъ женокъ и поитъ ихъ до пьяна и въ слободу отвозитъ ихъ на монастырскихъ подводахъ замертво". (Сол. III. 818, 819. т. XIII. Гл. 2).

Не лишнимъ будетъ, однако, оговорить, что, по словамъ перваго біографа Никона, его поклонника и приближеннаго къ нему человѣка, Шушерина, обличитель нетрезвой и развратной жизни патріарха, Іона самъ былъ горьчайшій пьяница и погибъ черезъ свое пьянство. Отправленный приставомъ Наумовымъ въ Москву для дачи объясненій по своему доносу, Іона не успѣлъ доѣхать до столицы. На пути, въ Переяславлѣ, проповѣдникъ иноческаго воздержанія оказался зачѣмъ то въ винокурнѣ и, будучи безчувственно пьянъ, свалился въ котелъ съ кипяткомъ и „тако злѣ житія сего лишися, яко же вторый Іуда предатель". (Жизнь свят. Никона. 342).

Но о забавѣ Никона попивать вино съ молодыми бабенками довольно много и очень рѣзко говоритъ также и старообрядческая литература. Изобличая въ Никонѣ лицемѣрнаго ханжу и лживаго постника, „овчеобразнаго волка", Аввакумъ увѣряетъ, будто въ палатахъ Никона, „великаго государя прескверн ѣйшаго", былъ цѣлый гаремъ „времен-

ницъ", съ которыми онъ, „великой обманщикъ, блядинъ сынъ", пьянствовалъ и развратничалъ. „У меня жила Максимова попадья, молодая женка, и не выходила отъ него; тогда сегда дома побываетъ, поруха! Всегда весела съ вотокъ да съ меду; пришедъ, пѣсни поетъ: у святителя государя въ ложницѣ была, вотьку пила! И иные рѣчи блазнено и говорить. Мочно вамъ знать и самимъ, что прилично блуду. Простите же меня за сіе. И больше тое безделицы вѣдаю; да плюнуть на все".

Старообрядческая „повѣсть о житіи и рожденіи и воспитаніи и о кончинѣ Никона, бывшаго патріарха московскаго и всея Россіи",—безпощадно ругательный памфлетъ,—обвиняетъ Никона, будто онъ какую то „болярыню", пріѣхавшую къ нему въ „предѣлы бѣлозерскія" лѣчиться от бѣльма на глазу, привязалъ, для удобства операціи, за руки и за ноги къ скамьѣ, лицомъ кверху и, „напоивъ ю виномъ для лучшаго способу къ терпѣнію болѣзни и потомъ тако связану сущую проблуди вмѣсто мзды, врачемъ даемыя" (Бороздин. 224. Прил. 167). Возможно, что это отголосокъ того же доноса, что сдѣлалъ кн. Шайсуповъ, — о двадцатилѣтней дѣвицѣ.

Слухи о томъ, что Никонъ отнюдь не аскетъ, но не прочь кутнуть и умѣетъ быть весьма галантнымъ въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, доходили и до иностранцевъ. Олеарій изображаетъ Никона человѣкомъ лѣтъ 40, бодрымъ и веселымъ. Онъ „живетъ въ Кремлѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ, выстроенныхъ по его приказанію, дозволяетъ себѣ своего рода пирушки и вообще поживает себѣ хорошо и охотно отпускаетъ любезныя шутки. Такъ, недавно еще, онъ сказалъ одной прекрасной дѣвицѣ, которая, вмѣстѣ съ своими друзьями, крестилась въ русскую вѣру и должна была получить отъ него благословеніе: „Прелестная дѣвица! Я не знаю, поцѣловать ли мнѣ прежде тебя, или благословить?" Ибо, по обычаю русскихъ, новокрещенныхъ, послѣ надлежащаго ихъ благословенія, привѣтствуютъ христіанскимъ поцѣлуемъ". (Ол. 348).

Сомнительная репутація Никона, какъ „бабоѣда" (постоянная брань на него въ писаніяхъ Аввакума), содѣй-

ствовала странной легендѣ, будто Петръ Великій былъ его сынъ. Легенда эта, основанная на большемъ сходствѣ огневого характера Петра съ характеромъ Никона, чѣмъ съ мягкимъ и покладистымъ нравомъ „тишайшаго" царя Алексѣя Михайловича, имѣла широкое распространеніе. Ее косвенно поддерживали даже лица, вскрывавшія гробъ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, находя необыкновенную схожесть между Никономъ и Петромъ въ чертахъ лица и гигантскомъ ростѣ. Нелѣпость этой сплетни обнаруживается уже датою рожденія Петра (30 мая 1672 г.). Никонъ въ 1671 г. жилъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ заточенникомъ и имѣлъ 66 лѣтъ отъ роду!

6.

Но всѣ подобныя похожденія, какъ бы ни возмутительны были, творились келейно, соблазнъ ихъ, если и достигалъ до народнаго вниманія, то лишь молвою, слухомъ, которому хочешь — вѣришь, хочешь — почитай его за сплетню. Гораздо болѣе опасное вліяніе на народную нравственность оказывало то, что всѣ собственными глазами видѣли и собственными ушами слышали: открытое уличное и кабацкое пьянство духовенства низшаго слоя. Тутъ обвиненія со стороны иностранцевъ сыпятся уже такимъ частымъ и дружнымъ градомъ, что трудно ихъ оспаривать.

Петръ Петрей (1615), изобразивъ общенародное русское пьянство о Рождествѣ, Пасхѣ и въ другіе большіе праздники, продолжаетъ: „Священники тоже бываютъ пьяны, потому что ихъ угощаютъ, когда они придутъ куда нибудь съ крестомъ и св. водою; они часто шатаются по улицамъ, падаютъ тамъ и валяются въ грязи, какъ скоты. За это съ нихъ не взыскивается; если же въ пьяномъ видѣ они сдѣлаютъ что нибудь неприличное, то ихъ сѣкутъ за то розгами". О монахахъ отзывъ Петрея еще рѣзче: „Они ведутъ гнусную жизнь въ сластолюбіи, пьянствѣ, развратѣ и подобныхъ тому порокахъ; а потому и приношенія, которыя, по мнѣнію простыхъ людей, идутъ на устроеніе церквей, монастырей и часовенъ, служатъ только для раз-

личной суетности, невоздержности и обжорства... Напиваются допьяна и держатъ себя, точно какія свиньи"... А на упрекающихъ огрызаются, что мы де стоимъ подъ защитою патріарха, митрополитовъ и епископовъ; предъ ними и будемъ отвѣчать, если совершимъ что нибудь неповелѣнное. А мірской человѣкъ, значитъ, въ наши духовные счеты не суйся! (П. П. 417, 418, 423).

Юрій Крижаничъ: „Нигдѣ въ свѣтѣ, кромѣ одной Русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ". Перри (1698), по большимъ праздникамъ, къ вечеру, постоянно видалъ пьяныхъ священниковъ, валявшихся на улицѣ, въ грязи. Если такой живой трупъ будили и поднимали на ноги, онъ чистосердечно возражалъ: „Что вы ко мнѣ пристаете, отецъ родной? Чай, сегодня праздникъ, — вотъ я и пьянъ!" (Perry. 275, 276).

Помимо внѣшняго безобразія и подрыва уваженія къ религіи, пьяное духовенство вносило много безпорядка и шума въ уличную жизнь. Пушкинскіе бродячіе иноки Варлаамъ съ Мисаиломъ скитались повсемѣстно и повсемѣстно же знаменовали свой путь скандалами, драками, кражами, надувательствомъ обывателей черезъ пустосвятство и т. д. Майербергъ брезгливо описываетъ это праздное шляніе монаховъ по улицамъ — кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ грязной телѣгѣ, запряженной жалкою кляченкою, всѣ въ закорузлой отъ грязи одеждѣ. Навязывая свои поученія народу, они соперничаютъ за возможный доходъ отъ ожидаемыхъ подаяній, ссорятся. бранятся. Въ монастыряхъ ихъ содержатъ въ трезвости, но, едва изъ стѣнъ обители, монахъ идетъ по родственникамъ и знакомымъ и наверстываетъ монастырское воздержаніе, такъ что его, нагрузившагося, назадъ въ монастырь отводятъ уже добрые люди. Въ противоположность Павлу Дьякону, Майербергъ отмѣчаетъ легкость монастырскихъ наказаній за пороки вообще, за пьянство въ особенности. Чему и можно вѣрить, такъ какъ, если бы за пьянство, въ самомъ дѣлѣ, ссылали въ Сибирь, то она быстро сдѣлалась бы самою

населенною областью Московскаго царства. (Mayerb. 22. 23).

Соборъ 1681 г. сдѣлалъ новую попытку бороться съ нескончаемымъ зломъ бродячаго монашества — проэктировалъ для Варлаамовъ съ Мисаилами исправительный монастырь-тюрьму: „А которые чернецы въ монастыряхъ не живутъ въ послушаніи и безчинствуютъ по Москвѣ и въ городахъ, ходятъ по кабакамъ и корчмамъ и мірскимъ домамъ, упиваются до пьяна и валяются по улицамъ, — на такихъ безчинниковъ Троицкаго Сергіева монастыря власти должны возобновить бывшій Пятницкій монастыря, огородить его стоячимъ высокимъ тыномъ и построить четыре кельи съ сѣнями: въ этотъ монастырь безчинниковъ изъ Москвы ссылать". (Сол. III. 571. П. XIII. Гл. 2). Однородная мѣра была принята противъ скитающихся монахинь самовольнаго домашняго постриженія.

Сомнительно, чтобы четыре кельи Пятницкаго монастыря были въ состояніи исчерпать и вмѣстить все пьянственное монашеское на Москвѣ безобразіе. Что оставалось его очень много на свободѣ и въ прежнемъ безшабашномъ разгулѣ, показываетъ одно изъ нелѣпѣйшихъ дѣлъ Преображенскаго приказа въ 1699 г. Пьяные монахи разъѣзжали ночью по Москвѣ, вопя на встрѣчныхъ: „давай дорогу, убьемъ!" На бѣду ихъ, въ числѣ встрѣчныхъ оказался царь Петръ. Самъ онъ не обратилъ на разгулявшихся монаховъ вниманія, замѣтилъ лишь своимъ спутникамъ: „Это пьяные". Но другіе монахи, враги тѣхъ, сочинили кляузу, сдѣлали доносъ, будто пьяницы кричали не спроста, а похвалялись убить государя. (Сол. III. 1204. Т. XIV. Гл. 3).

Возможно, что изъ подобныхъ встрѣчъ и наблюденій народилась въ эксцентрическомъ умѣ Петра та злобно-кощунственная, пьяная и похабная пародическая затѣя, которую ни объяснить достойно, ни извинить прилично не удавалось еще ни одному историку, ни даже самымъ въ Петра влюбленнымъ: его „Всепьянѣйшій соборъ".

Гоненіе, воздвигнутое на старую вѣру, обогатило массу бродячаго духовенства новымъ обильнымъ вливомъ старообрядческаго „бѣглаго духовенства". Печальная репутація

трезвости и нравственности этого класса общеизвѣстна. Утверждена она не только полемическими обличеніями изъ нѣдръ господствующей Церкви, но и писаніями старовѣрческихъ историковъ и публицистовъ. А, такъ какъ старовѣрческая часть русскаго народа наиболѣе въ немъ трезвая, то, въ данномъ случаѣ, мы присутствуемъ при очень странномъ и, казалось бы, противорѣчивомъ явленіи: трезвой паствы у пьяныхъ пастырей. „Безпоповщина“ въ старой вѣрѣ возникла не только въ результатѣ вымиранія староблагодатныхъ поповъ и неумѣнія найти имъ преемство, за отсутствіемъ старо-благодатныхъ епископовъ, но и какъ протестъ противъ „бѣглыхъ поповъ“, погрязшихъ въ пьянствѣ, развратѣ и невѣжествѣ такъ глубоко, что благодать ихъ дѣлалась весьма сомнительною для каждаго разсудительнаго наблюдателя. Однако, очень виноватить этихъ злополучныхъ „бѣглыхъ“ и „рогожныхъ“ поповъ не слѣдуетъ. Ко всѣмъ тѣмъ причинамъ, которыми порождались пороки духовенства господствующей церкви, для старовѣрческаго прибавлялись еще вѣчный страхъ и трепетъ за свою свободу, необходимость скрываться, вести мучительно тревожную кочевую жизнь, которая часто смѣнялась неволею: тюрьмою, Сибирью и плетьми.

7.

Въ 1551 году, на Стоглавомъ соборѣ, впервые было обращено вниманіе на то, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, „въ митрополичьемъ дворѣ, искони вѣчная тиунская пошлина ведется, глаголемая крестецъ, не вѣмъ какъ устався кромѣ священныхъ правилъ“. Эта крестцовая пошлина взималась съ наѣзжаго въ Москву „изъ всѣхъ градовъ Россійскія митрополіи“ духовенства всѣхъ степеней (кромѣ епископовъ), за право, въ срокѣ своего пребыванія въ Москвѣ, „по многимъ святымъ Церквамъ обѣдни служити“. (Стоглавъ. Гл. 69. Стр. 176. 177). Названіе свое пошлина получила отъ „крестца“, т. е. торговаго перекрестка у Тіунской или Поповской избы, гдѣ она взималась.

Такъ какъ Поповская изба помѣщалась у Василія Бла-

еннаго, между Ильинкою и Варваркою, ближе къ по-
іѣдней, то и поповскіе „крестцы", вскорѣ обратившіеся
ь биржу труда для пришлаго и безприходнаго духовен-
ва, располагались по близости. Сначала биржею служилъ
крестецъ въ торгу на Ильинской улицѣ", упоминаемый
въ Стоглавѣ. Онъ помѣщался у нынѣшняго начала Иль-
инки отъ Красной площади, у Лобнаго мѣста. (Забѣлинъ.
Опыты из. II. 246—248. — Снегиревъ и Мартыновъ.
Москва. 185). Впослѣдствіи эта поповская биржа пере-
ѣстилась нѣсколько выше, по другую сторону Василія
лаженнаго, ближе къ Спасскимъ воротамъ, на Спасскій
крестецъ. Здѣсь она выродилась въ сборище духовнаго
пролетаріата и въ теченіе трехсотъ лѣтъ оставалась едва
ли не самымъ безпокойнымъ и сомнительнымъ пунктомъ
царской столицы.

Противъ Спасскаго крестца, какъ разсадника лож-
ныхъ слуховъ, ученій и отреченной письменности, строго
высказался, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, соборъ 1681 г.
(См. выше стр. 174). А почти сто лѣтъ спустя, московскій
архіепископъ Амвросій Зертисъ Каменскій, пытавшійся
упразднить это вѣковое зло, характеризовалъ Спасскій кре-
стецъ въ такихъ выраженіяхъ: „Въ Москвѣ праздныхъ
священниковъ и прочаго духовнаго причта людей премно-
гое число шатается, которые, къ крайнему соблазну, стоя
на Спасскомъ крестцѣ для найму къ служенію по цер-
квамъ, великія дѣлаютъ безобразія, производятъ между со-
бою торгъ и, при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны,
вмѣсто надлежащаго священнику благоговѣнія, произносятъ
съ великою враждою скверословную брань, иногда же
дѣлаютъ и драку. А послѣ служенія, не имѣя собственнаго
дому и пристанища, остальное время или по казеннымъ
питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или же,
напившись, по улицамъ безобразно скитаются". (Сол. VI.
1038. Т. XXIX. Гл. 2).

Какъ извѣстно, крестцовые попы отвѣтили на гоненіе
отъ архіепископа подстрекательствомъ народа къ чумному
бунту 1771 года, начавшемуся на Варварскомъ крестцѣ, у
мнимо чудотворной иконы Боголюбской Божіей Матери,

корыстную эксплоатацію которой Амвросій пытался остановить. Это былъ всецѣло поповскій бунтъ. Чудо выдумалъ попъ у Всѣхъ Святыхъ, что на Кулижкахъ, распространялъ славу въ народѣ какой то фабричный, а попы московскихъ сорока сороковъ ухватились за случай покормиться. „Мерзкіе козлы (а попами ихъ грѣхъ назвать), оставивъ свои приходы и церковныя требы, собираясь тутъ налоями, дѣлая торжище, а не богомоліе... Требованные въ консисторію попы не только отреклись идти, но еще и угрожали присланнымъ побитіемъ ихъ каменьями". Такъ описываетъ смятеніе 15 сентября 1771 г. Бантышъ-Каменскій, племянникъ Амвросія.

Взбунтовавшееся духовенство умѣло сосредоточить на Амвросіи пылъ и ярость народнаго озлобленія, и утромъ 16 сентября архіепископъ былъ звѣрски убитъ въ Донскомъ монастырѣ.

Это преступленіе, въ связи съ обезлюденіемъ Москвы послѣ чумы, которая выморила и множество духовенства, нанесло смертельный ударъ крестцамъ. Знаменитый митрополитъ Платонъ (Левшинъ) умѣлъ прекратить ихъ открытое существованіе. Однако, С. М. Соловьевъ въ своей „Исторіи Россіи" дважды говоритъ, что онъ знавалъ стариковъ, которые еще помнили крестцовыхъ поповъ, какъ они стояли съ калачами въ рукахъ и, когда нанимающій служить обѣдню давалъ мало, кричали на него: „Не торгуйся, а то закушу!" (То есть проглочу кусокъ калача и, такимъ образомъ переставъ быть натощакъ, лишусь права служить обѣдню). Такъ какъ С. М. Соловьевъ родился въ 1820 г., а, слѣдовательно, его сознательныя воспоминанія о „старикахъ", помнившихъ крестцовыхъ поповъ, едва ли могли быть имъ восприняты раньше 1830—1835 гг., то надо думать, что фактически крестцовая поповщина надолго пережила московскій бунтъ 1771 г. Въ тридцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія шестидесятые-семидесятые годы XVIII-го могли бы сознательно помнить и описывать только рѣдкостные Маѳусаилы по 90 лѣтъ. (Сол. V. 844. Т. XXIII. Гл. 6. — VI. 1038. Т. XXIX. Гл. 2).

Но мы видѣли, что не всякій крестцовскій попъ стѣ-

ялъ себя пресловутою угрозою калача, а иной, за 12 ко-
екъ, отправлялся служить обѣдню прямо изъ кабака, гдѣ
илъ водку. Совершенно какъ въ „Николѣ Знаменскомъ“:
опъ съ дьячкомъ нахлебались ухи, напились пива, захмѣ-
эли, передрались, — въ это самое время, какъ на грѣхъ,
ѣхалъ новый благочинный. Спрашиваетъ:

„ — Я слышалъ, что ты сегодня обѣдню не служилъ?

„ — Я то?... А по што ее служить? Разѣ праздникъ
какой?

„ — А ты развѣ не знаешь этого?

„ — А поцемъ мнѣ знать то?...

„....Дьячокъ Сергунька, услыхавъ это (про обѣдню),
хватилъ ключъ, лежавшій на божницѣ передъ иконами, и,
не говоря ни слова, выбѣжалъ изъ избы на улицу и, не
клонившись благочинному, побѣжалъ къ церкви.

„ — Куда ты, шароглазый? крикнулъ ему отецъ.

„ — Обѣдню служить, прокричалъ дьячокъ, не оста-
вливаясь.

„ — Сергунька?! да развѣ теперь служатъ обѣдню,
свинья ты этакая! кричалъ отецъ, горячась“...

Разница была только въ томъ, что въ чердынской
глуши подобные факты родились изъ дикарскаго невѣ-
жества, двоевѣрія и равнодушія къ церкви, а на Москвѣ
же эти качества обволакивались еще привычкою торго-
вать своимъ священствомъ. Слово „корысть“ едва ли мо-
жетъ быть употреблено въ примѣненіи къ преступленію,
совершенному за 12 коп. О крестцовыхъ попахъ справед-
во будетъ, — и даже въ еще большей мѣрѣ, — сдѣ-
ть то же самое заключеніе, что сдѣлалъ Перри о рус-
скихъ монастыряхъ, совѣтуя искать въ нихъ не набожности,
но нищеты, дряхлости и безсилія. (Perry, 22).

XII.

Авторы „Повѣсти о Соломоніи“.

1.

Захвативъ Соломонію въ свои темныя жилища, бѣсы принялись принуждать ее къ отреченію отъ христіанской вѣры и требовать отъ нея присяги отцу ихъ Сатанѣ. Она отъ ихъ приставаній отмалчивалась. Не преломивъ ея религіозной стойкости лаской и лестью, бѣсы распяли ее на стѣнѣ и подвергли мучительной пыткѣ. Объ истязаніяхъ своихъ эта попова дочь, наслышанная въ отцовскомъ дому „Пролога“, „Патерика“ и „Четьи Минеи“, разсказываетъ совершенно въ той же повторной и подробной манерѣ, какъ излагаются пытки за вѣру въ мученическихъ житіяхъ. Не достаетъ лишь, чтобы, послѣ безуспѣшныхъ терзаній распятой на стѣнѣ Соломоніи копьемъ, рожнами, ножами, ногтями, бѣсы сварили свою непокорную плѣнницу въ котлѣ: обычный конецъ непобѣдимыхъ мучениковъ. Но и этотъ конецъ предстоялъ Соломоніи.

Бяше же ихъ (бѣсовъ) многое множество, глаголюще другъ ко другу: всяко мы ея мучили, і били, і ножами рѣзали, і копиемъ кололи, и нохты драли, дабы отступилась вѣры своея, и в насъ вѣровала, і жила бы у насъ,

Было ихъ великое множество и говорили они другъ другу:—Всяко мы ее мучили, и били, и ножами рѣзали, и копьемъ кололи, и ногтями царапали, чтобы отреклась отъ своей вѣры, приняла бы нашу и жила бы у насъ, но

і никако могохомъ ея отвратити; и паки глаголаше: сваримъ въ котлѣ воды, і тамо кинемъ ея, негли убоявся повинется намъ! І не збысться злый совѣтъ ихъ...	никакъ не могли ее совратить. И еще говорили: — Вскипятимъ въ котлѣ воду, да и кинемъ ее туда, — можетъ быть, съ испуга, она покорится намъ. Но не осуществилось ихъ злое рѣшеніе...

Ничто въ повѣсти не показываетъ, чтобы Соломонія была грамотна. Но въ старину слухъ и память замѣняли религіозно настроеннымъ людямъ грамотность, и женщины въ этомъ всегда первенствовали предъ мужчинами. Повѣсть о Соломоніи упоминаетъ нѣсколько разъ объ ея матери, попадьѣ Улитѣ, но ни словомъ не отмѣчаетъ, какая это женщина была. Если отецъ Соломоніи не могъ далеко отойти отъ типа Николы Знаменскаго (кромѣ его богатырства), то и мать, вѣроятно, была ему подъ пару, вродѣ Знаменской попадьи...

„Смирная, забитая простая женщина. Съ крестьянами она траву косила, ходила къ нимъ, и тѣ ходили къ ней вечеровать. Соберется, этакъ, женщинъ шесть, сидятъ около зажженой лучины, прядутъ кудель, что нибудь говорятъ или пѣсни поютъ. Мать въ дѣтствѣ хорошо читала; вычитала она много о житіи святыхъ и эти житія разсказывала женщинамъ... Она давала крестьянкамъ муки, хлѣба, сѣмянъ для огородныхъ овощей, а главное — лечила ихъ травами и деревяннымъ масломъ. Иногда больные выздоравливали... Когда отецъ былъ дома, она постоянно ходила въ синякахъ. Плакала моя бѣдная мать много, и только крестьянкамъ высказывала свое горе, но и у нихъ не легко было на душѣ... Трезвый отецъ ее не билъ... Это (любезности подвыпившаго попа съ трезвою женой) забавляло гостей, они говорили: „какой совѣтъ у попа съ попадьей!“... Несмотря на жестокое обращеніе отца съ матерью, мать, кажется, любила отца... На девятомъ году мать стала учить меня и брата грамотѣ, какъ умѣла“... (Рѣшетн. Соч. II. 436—437).

Уже упоминалось о томъ, что въ благочестивой, но безграмотной толщѣ православной Руси попадьи, дьяконицы, дьячихи, просвирни, — женщины духовнаго сословія и прицерковнаго быта,—сыграли чрезвычайно важную роль „религіозной интеллигенціи“: посредствующаго полуграмотнаго звена между грамотною (вѣрнѣе: должною и предполагающеюся быть таковою) церковью и неграмотнымъ народомъ. Женская общительность въ трудѣ и въ томъ вечеровомъ полудосугѣ, который отмѣтилъ въ своемъ быстромъ наброскѣ Рѣшетниковъ, имѣла для русскаго религіознаго консерватизма не меньшее, можетъ быть, большее значеніе, чѣмъ церковь. Потому что въ церковь, далекую и открытую въ рѣдкіе служебные часы, крестьянка изъ захолустья забредала не часто, а къ „матушкѣ“ была всегда вхожа, и, если матушка оказывалась женщиною неглупою и сердечною, то, черезъ бабъ-пріятельницъ, пріобрѣтала на приходъ огромное вліяніе — иногда сильнѣе своего мужа-попа.

Въ сказкахъ попадья почти всегда умнѣе попа, который, зачастую, очень простъ, хотя, по жадности, охочъ обманывать и плутовать; въ опасности онъ трусъ, теряется, никуда не годенъ безъ женина совѣта и рѣшительности. Запретныя сказки изображаютъ не въ весьма привлекательномъ свѣтѣ нравственность попадей, но, за то, онѣ, беззастѣнчиво пуская въ ходъ силу своихъ прелестей, умудряются перехитрить и посрамить самого чорта. Но эта „антиклерикальная“ часть русскаго народнаго эпоса настолько однообразна по содержанію, вопреки многочисленности варіантовъ, что, собственно говоря, вся состоитъ изъ повторенія на разные лады однихъ и тѣхъ же двухъ-трехъ анекдотовъ. Такъ что ее мы можемъ оставить въ сторонѣ, подчеркнувъ лишь даже и въ ней, — тенденціозномъ порожденіи полемики и сатиры, — высокую оцѣнку попадьи, какъ силы интеллектуальной.

Для религіознаго же быта эта фольклорная клевета совершенно безстыжа. Едва ли въ какомъ либо другомъ сословіи замужнія женщины такъ крѣпки въ брачной вѣрности, какъ въ духовномъ. Это даже отчасти странно,

если принять во вниманіе частую случайность браковъ въ сословіи, вѣками подчинявшемся обычаю кастовыхъ союзовъ съ понужденіемъ, а потому и весьма обильномъ браками несчастными, по несходству характеровъ супруговъ, связанныхъ почти насильно. Но супружескихъ поповскихъ паръ, живущихъ между собою, какъ кошка съ собакою, было не мало во всѣ времена; поповъ, спивавшихся съ круга отъ сварливыхъ попадей, тоже; попадей, битыхъ или даже изувѣченныхъ свирѣпыми пьяными мужьями, тоже. Но невѣрная мужу попадья — великая рѣдкость. Гораздо большая, чѣмъ невѣрный женѣ попъ.

Возможно, что, кромѣ традицій строгаго нравственнаго воспитанія дѣвицъ въ суровой духовной семьѣ и кромѣ дѣйствительно очень бережнаго отношенія къ женамъ священниковъ, памятующихъ, что „у попа жена одна: первая и послѣдняя", здѣсь сильно вліяетъ то обстоятельство, что въ духовномъ сословіи мужъ несетъ профессіональную отвѣтственность за поведеніе жены. Такъ что пьянство или развратъ попадьи могутъ (въ порядкѣ вѣкового обычая) отозваться на попѣ жестокими церковно-административными репрессіями, вродѣ перевода куда нибудь въ глухой приходъ, запрещенія служенія и даже лишенія сана. Писемскій вѣрно подмѣтилъ этотъ психологическій мотивъ.

— „А что, Маша, какъ выйдешь замужъ, другого любить нельзя?" — спрашиваетъ городская барышня молоденькую поповну.

— „О, что за важность, ничего!" — снисходительно разрѣшаетъ веселая поповна,—„вотъ въ нашемъ званьи такъ нельзя!"

— „Отчего же у васъ нельзя?

— „Ну, батюшку-то разстригутъ, какъ попадейка-то полюбитъ другого". (Взбал. Море).

Религіозное вліяніе женщинъ духовнаго сословія (включая сюда и добровольческій элементъ примыкавшихъ къ нимъ „черничекъ") не могло быть очень правовѣрнымъ уже потому, что органами его развитія были память и языкъ: орудія, не вполнѣ надежныя даже на высочайшей

ступени одаренности ими. Мужская церковность вела линію догмата и Писанія, какъ непреложнаго Откровенія. Церковность женская сосредоточила свое вниманіе на Преданіи, высасывала свою силу изъ апокрифа, довѣряла поэтическому вымыслу, какъ факту, не брезговала союзомъ ни съ легендою, ни даже со сказкою, принимала въ нѣдра свои и повѣрье, и суевѣрье, лишь бы они могли быть примирены съ основною догмою христіанской религіи.

Такимъ образомъ, въ этой женской церковности владычествовали надъ мыслью не Евангеліе и каноническія книги Ветхаго и Новаго завѣта, не Отцы Церкви, ни даже Макаріевскія Чети-Минеи, громоздкое достояніе избранныхъ книгочіевъ, обладавшихъ не только хорошею грамотностью, но и достаточною матеріальною состоятельностью, чтобы пріобрѣтать подобно цѣнныя книги, но изустный разсказъ и тощія письменныя тетрадки, содержавшія въ себѣ отреченную литературу въ безчисленныхъ спискахъ и варіантахъ. „Сонъ Богородицы", „Хожденіе Богородицы по мукамъ", „Суды Соломоновы", „Павлово видѣніе", житія, въ коихъ подлинная агіографическая основа тонетъ въ подробностяхъ, заимствованныхъ изъ духовнаго стиха, былины и сказки, — мученіе Ѳедора Тирона, Георгіево, Ипатіево, Никитино, Иринино мученіе, сказанія о двѣнадцати пятницахъ, стихъ о Варварѣ Великомученицѣ, о Страшномъ Судѣ, житіе Василія Новаго съ замѣчательнѣйшею частью его, хожденіемъ св. Ѳеодоры по мытарствамъ, и т. д. — такъ составляется „библія" женской церковности, хранимая частью ветхою бумагою, частью крѣпкою памятью обитательницъ уѣздно-городскихъ и сельскихъ поповокъ. Прибавьте къ этому „Сонникъ" и „Оракулъ царя Соломона", выписи заговоровъ на болѣзни, лѣчебныхъ рецептовъ, сельско-хозяйственныхъ примѣтъ, можетъ быть, какую нибудь исторію объ Александрѣ Македонскомъ, Вавилонскомъ царствѣ и т. п.

2.

Благое участіе въ судьбѣ Соломоніи, принимаемое св. Ѳеодорою, свидѣтельствуетъ, что бѣсноватой поповнѣ

было извѣстно житіе св. Василія Новаго. Написанное вскорѣ по кончинѣ этого византійскаго святого (ум. въ 944 г.) ученикомъ его, монахомъ Григоріемъ, оно было вскорѣ переведено на славянскій языкъ и получило быстрое распространеніе уже въ первые вѣка русскаго христіанства. Причиною увлеченія новообращеннаго народа именно этимъ житіемъ была не столько личность святого, — о немъ житіе сравнительно мало и разсказываетъ, — сколько, заключенныя въ мистической поэмѣ монаха Григорія, жуткія картины загробной жизни человѣка, воображенной чрезвычайно ярко, съ захватывающей убѣдительностью. Отсюда — огромное вліяніе житія на древне-русскую литературу и искусство, а еще больше на устное преданіе.

Слѣды вліянія замѣтны уже въ концѣ XII вѣка. Св. Авраамій Смоленскій, какъ писатель, сочинилъ слово о мытарствахъ и Страшномъ Судѣ, а, какъ иконописецъ, иллюстрировалъ тѣ же сюжеты кистью. Въ XVI вѣкѣ житіе Василія Новаго включено было въ Великія Минеи Четіи митрополита Макарія и отсюда стали усердно переписываться благочестивцами. Популярность его свидѣтельствуется множествомъ списковъ отъ XVII, XVIII и даже XIX вв., а также безчисленными косвенными отраженіями въ народныхъ легендахъ, духовныхъ стихахъ, разсказахъ очнувшихся летаргиковъ (или симулянтовъ) о своихъ видѣніяхъ во время обмиранія. Для XIX вѣка, непрекращающееся вліяніе житія Василія Новаго можно услѣдить въ произведеніяхъ столь діаметрально противоположныхъ и какъ бы двумъ разнымъ мірамъ принадлежащихъ, писателей, какъ, съ одной стороны, монахъ Митрофанъ („Какъ живутъ наши усопшіе") и игуменъ Маркъ („О злыхъ духахъ"), а съ другой — Глѣбъ Успенскій (Афимья въ „Спинжакѣ и чортѣ") и Н. А. Некрасовъ („Власъ"). На протяженіи четырехъ вѣковъ житіе усердно иллюстровалось миніатюрами въ спискахъ и стѣнной живописью въ монастыряхъ и церквахъ. Въ образецъ стѣнописи по житію можно указать картинную галлерею Соловецкой обители, очень любимую паломниками, хотя живопись ея посредственна и отнюдь не древняя. Но тѣмъ болѣе выразительна для стойкости житійнаго вліянія.

Изложеніе видѣній въ житіи Василія Новаго дѣлится на двѣ половины. Въ первой мнихъ Григорій передаетъ разсказъ покойницы, по имени Өеодоры, бывшей служанки Василія Новаго, какъ она, по смерти, ходила по „воздушнымъ мытарствамъ". Во второй Григорій повѣствуетъ, какъ самъ онъ, при помощи Василія Новаго, удостоился видѣть во снѣ Страшный Судъ. Что послужило ему къ великой пользѣ. До видѣнія, ему ниспосланнаго, Григорій поддавался нѣкоторымъ сомнѣніямъ въ вѣрѣ (подъ внушеніемъ „жидовскаго лжеученія"), но зрѣлище Страшнаго Суда образумило его и возвратило на истинно правый путь. Трудно опредѣлить, которая половина оказала большее воздѣйствіе на народное воображеніе, но несомнѣнно, что имя и разсказъ св. Өеодоры врѣзались въ память народа особенно глубоко. Такъ что, въ концѣ концовъ, заслонили въ ней, какъ мниха Григорія, такъ и самого Василія Новаго. Перваго совершенно второго значительно.

По житію, св. Өеодора была дана Василію Новому въ услуженіе покровителемъ его, „примикиріемъ" Константиномъ. Сей, „многую вѣру и любовь имѣя къ нему", упросилъ святого поселиться въ его, Константиновомъ, дому. Такъ какъ Василій въ то время возложилъ на себя подвигъ молчанія, то набожный „примикирій" отвелъ для него особые покои, гдѣ бы святой не могъ быть тревожимъ. И приставилъ къ нему служанкою свою кормилицу, „жену честн и добродѣтельну", старушку преклонныхъ лѣтъ („многими лѣты престарѣвшу"), по имени Өеодору. Старушка служила „добрѣ и благоугодно" не только самому Василію, „но и всѣмъ приходящимъ къ нему пользы ради, ходатыи бываше благъ". То есть: бывала доброю посредницей между подвижникомъ и всѣми, кто обращался къ нему, ища совѣта въ дѣлахъ житейскихъ или исцѣленія отъ недуга.

Мнихъ Григорій попалъ въ ученики къ Василію Новому также по рекомендаціи Өеодоры. „Она же введши мя ко святому и знаема мене тому сотвори". Между Григоріемъ и Өеодорою была большая дружба. Кончина старушки произвела на мниха глубоко-скорбное впечатлѣніе. Онъ безмѣрно волновался вопросомъ, что „ждетъ препо-

добную старицу“ на томъ свѣтѣ: спасется ли она, какъ „многими добдѣтельми украшенная“, а, подъ конецъ, и пріявшая „вѣнецъ послушанія“, ибо ревностно служила при больномъ подвижникѣ („за преподобнаго немощи усердно послуживши?“) Неужели такая хорошая женщина будетъ осуждена и станетъ не одесную Господа, но ошую Его?

Видя тревогу Григорія, наставникъ предложилъ ему побесѣдовать о всемъ томъ съ самой Θеодорой. И въ ту же ночь Григорій увидѣлъ дивный сонъ. Нѣкій юноша пригласилъ его: „Востани, зоветъ тя преподобный отецъ Василій, понеже поити хощетъ посѣтити Θеодору“. Затѣмъ „Житіе“ подробно повѣствуетъ пребываніе Василія и Григорія у усопшей Θеодоры и излагаетъ ея разсказы о мытарствахъ и Григоріево видѣніе Страшнаго Суда.

Имя Θеодоры, упрощенно Θедоры, весьма часто среди русскихъ крестьянокъ: „Ой, Θедорушки, Варварушки“ — у Некрасова. А иностранцы считаютъ его настолько типически русскимъ, что награждаютъ имъ аристократическихъ героинь въ своихъ романахъ и драмахъ изъ русской жизни, (Сарду, Джордано). Царь Алексѣй Михайловичъ назвалъ Θеодорой свою послѣднюю дочь (1674) отъ Наталіи Кирилловны Нарышкиной, сестру Петра Великаго. Обрусѣвшее греческое имя сдѣлалось даже символическимъ для самой Россіи. Позднѣйшая народная иронія, подхваченная интеллигенціею, присвоила прозвище „Θедоры“ нашему отечеству: „Θедорушка“, сатирическая поэма, приписываемая гр. А. К. Толстому, также у Герцена Лѣскова и др. Такимъ образомъ, замѣчается двойственное отношеніе къ имени. Съ одной стороны — великая чтимость, съ другой — издѣвательство до обращенія „Θедоры“ въ символъ глупости: „велика Θедора, да дура“.

Пословица эта, вѣроятно, загуляла въ народѣ къ концу XVII вѣка, порожденная къ какомъ либо крайнѣ фанатическомъ толкѣ старообрядческой среды. Думаю такъ потому, что въ эту эпоху чтимость св. Θеодоры подверглась озлобленной критикѣ проповѣдниковъ спасительнаго самосожженія и другихъ „самоубійственныхъ смертей“. Старообрядческое же полемическое сочиненіе, „Отразительное пи-

саніе“ Евфросина (1691), пылкаго противника и опровергателя религіозныхъ самоубійцъ, свидѣтельствуетъ, что чтеніе житія Василія Новаго и повѣданная въ немъ Өеодорою „воздушная война“ и „двадесять мытарствъ“ служили весьма дѣйственнымъ противоядіемъ губительной эпидеміи „гарей“, охватившей тогда темную, потрясенную Никономъ и Петромъ, Русь. Знаменитый столпъ старой вѣры и апостолъ самосожженія, инокъ Корнилій, противъ котораго, главнымъ образомъ, и писалъ Евфросинъ, ненавидѣлъ Василіево житіе и всячески старался подорвать его авторитетъ. Почему, — объясняетъ Евфросинъ.

— „За то ты, Корнилій, Василія не любишь, что духовная дочь его Өедора о мытарствахъ разсказала, и тѣмъ она вселенной всей и церкви пользу сотворила, а въ наши окаянныя сердца ужасъ вложила. Ибо какой христіанинъ, о мытарствахъ слыша, весь не вострепещетъ? и чья душа благоговѣйная съ того страха не вздохнетъ?“

Корнилій, какъ и прочіе апостолы „самоубійственныхъ смертей“, выдвигалъ главнымъ убѣдительнымъ доводомъ своего жестокаго подстрекательства чаяніе, что мученики самосожженія, очистившись отъ грѣховъ добровольною смертью за вѣру въ земномъ огнѣ („чистельнымь огнемь самосожигателнымъ“), пойдутъ прямо въ рай, уже не подвергаясь никакимъ загробнымъ испытаніямъ: внушалъ надежду „оныхъ мытарствъ страшныхъ избѣжати“. А житіе Василія Новаго, какъ разъ, наоборотъ, самоубійцамъ по смерти „огнь кажетъ, вѣчное же мученіе и безконечное сожженіе“. Въ полемикѣ за свои излюбленныя „гари“, Корнилій увлекся до того, что объявилъ житіе Василія Новаго книгою еретическою и непристойною:

— „Неприличное въ ней дѣло — старцу, де, женщина въ кельѣ служила“.

Возмущенный попрекомъ, Евфросинъ иронизируетъ:

— „Исполать тебѣ, пустынниче, что святыхъ обличаешь, не спускаешь и отцамъ древнимъ, когда видишь у нихъ что неладное“.

Затѣмъ исчисляетъ аскетическіе подвиги Василія Новаго и мученія, которыя онъ претерпѣлъ отъ „господина

царя Македона". И заключаетъ, переходя въ паѳосѣ негодованія даже въ стихотворный ладъ, что, впрочемъ, этому писателю и вообще свойственно, — любилъ Евфросинъ ритмъ и риѳму:

„Напрасно ты, отче, прельстился
и умомъ развратился,
книгу обругалъ
и отца оболгалъ:
книга та добра
и православія полна,
о воскрешеніи и о Судѣ съ
евангелистами согласна.

Извини („отбаждь") ему и то, что онъ Ѳеодору любилъ: послужила, вѣдь, она отцу и покоила старость его за то онъ ее, свѣтъ, и на мытарствахъ оборонилъ".

Обращаясь къ нѣкоему Максиму, котораго авторитетъ Корнилія поколебалъ въ уваженіи къ Василію Новому, Евфросинъ настаиваетъ:

— „А ты, Максимъ, не слушай
прелестныхъ тѣхъ басень,
но изъ тоя книги предобрыя
напивайся воды животныя,
во всѣ дни и ночи безпрестанно читай,
душу орошай,
а лице умывай,
каждый часъ и во всякое время
слезами рыдай.

Пресвятая та книга не тетрадкамъ чета („не тетрадкамъ числима"), но древня и правовѣрна. Итакъ, прославленнаго отца:

чти и изучай и наизустъ запоминай,
по селамъ ходи
и по волостямъ ее (книгу) носи,
вездѣ ею пользуй и всякихъ народовъ,
а горѣльниковъ и саможженцевъ
унимай отъ ихъ заводовъ".

Вѣроятно, отъ тѣни, брошенной на отношенія Θеодоры къ Василію Новому подобными Корнилію фанатиками самосожженія, а также и черезъ смѣшеніе ея, по одноименности, съ знаменитою византійскою императрицею Θеодорою, супругою Юстиніана, лицо Θеодоры въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ измѣнилось до неузнаваемости. Она всегда остается тайновидящей и вѣщательницею загробныхъ тайнъ, но изъ „жены честной и добродѣтельной, многими лѣты престарѣйшей“ превращается часто въ блудницу — покаянницу, подобную Маріи Египетской, Евдокіи, Пелагеѣ и др. Поэтому во многихъ мѣстностяхъ св. Θеодорѣ молятся женщины, постигнутыя грѣшною влюбленностью, „объ избавленіи отъ блудныя страсти“, хотя обычною заступницею противъ такой наносной бѣды для женщинъ почитается св. Θомаида, и для мужчинъ ходатай — св. Моисей Муринъ. Въ „Повѣсти о Соломоніи Бѣсноватой“ св. Θеодора выступаетъ покровительницей Соломоніи въ борьбѣ съ одержащими и блудными бѣсами. Хотя сама Θеодора оказывается слаба, чтобы отогнать отъ несчастной крѣпко возобладавшую нечистую силу, но, являясь въ сонныхъ видѣніяхъ, указываетъ болящей пути къ исцѣленію даетъ совѣты, посредничаетъ между Соломоніей, устюжскими чудотворцами, юродивыми Прокопіемъ и Іоаномъ, и самою Пресвятою Богородицею. Она — начало спасенія Соломоніи и дверь къ погибели насильнковъ — бѣсовъ.

На св. Θеодору часто переносится широко распространенная легенда о разноименной грѣшницѣ, творившей свой подвигъ покаянія, будучи переодѣтой въ мужскую одежу, инокомъ, и живя въ мужскомъ монастырѣ. Такъ, напр., вѣрятъ о Θеодорѣ въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи. Тамъ есть село Θеодоринское, а въ немъ чтимая часовня имени святой — у камня, на которомъ она, по преданію, являлась какому то отшельнику. Легенда гласитъ, что, принимаемая за инока, Θеодора была оклеветана нѣкою беременною дѣвицею въ любовной будто бы связи. Подвижница приняла клевету въ безмолвномъ смиреніи, безъ оправданій, и, по рѣшенію братіи, была замурована въ каменный мѣшокъ вмѣстѣ съ рожденнымъ клеветницей

младенцемъ. Послѣ семи лѣтъ заточенія, Өеодора умерла, и тутъ только увидали монахи, омывая тѣло ея, въ какую ужасную ошибку они впали замучивъ, какъ грѣшнаго блудника, великую праведницу.

Церковь чтитъ нѣсколькихъ святыхъ имени Өеодоры, но въ народномъ представленіи онѣ слились въ одну. Разницу знаютъ и помнятъ только начетчики да чернички. Въ календарномъ году имя имѣетъ восемь праздниковъ. Наиболѣе отмѣчены изъ нихъ народнымъ вниманіемъ 11 сентября (Өедора Александрійская) и 30 декабря (Өеодора Кессарійская). Эти двѣ Өедоры — „осенняя“ и „зимняя“ — облечены въ множество примѣтъ. Наибольшее число падаетъ на 11 сентября — день рѣшительнаго перелома отъ лѣта къ осени. „Не всякое лѣто до Өедоры дотянетъ“. „На осеннюю Өедору всякое лѣто кончается“. „На Өедору лѣто кончается, осень начинается“. „Өедорины вечорки — третья встрѣча осени“. Өедоринъ день считается границею той краснопогожей теплой осени, что слыветъ „бабьимъ лѣтомъ“: „То бабье лѣто, что за Өедору тянетъ“. Но гораздо чаще въ сѣвернорусскомъ климатѣ — „бабье лѣто до Өедоры не дотянетъ“: поздніе ясные дни смѣняются дождями и дорожною распутицею. А отсюда и Өедоринъ праздникъ мѣняетъ характеръ,—оказывается „Өедорою замочи хвосты“. Шутливая примѣта высмѣиваетъ разницу между сентябрьскими и декабрьскими именинницами на Өедору: „Осеннія Өедоры подолъ подтыкаютъ, а зимнія Өедоры платкомъ рыло закрываютъ“, т. е. первымъ на улицѣ горе отъ грязи, а вторымъ отъ мороза. Изъ вешнихъ Өедоръ климатическою примѣтою отличена „Өедора вѣтряница“, 5-го апрѣля,— начальный день „верхового“ вѣтра, приносящаго вешнее тепло. „Өедора — Дѣва“, 27 мая, сопровождается примѣтою бытовою: „На Өедору не выноси изъ хаты сору“.

3.

Отецъ Соломоніи едва ли былъ большимъ грамотникомъ. Это явствуетъ изъ его показанія, что онъ не посмѣлъ или не сумѣлъ самъ написать исторію недуга своей

дочери, хотя прекрасно ее разсказывалъ: значительная часть повѣсти записана съ его словъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ ея списатель въ предисловіи:

Хощу убо, братіе, воспомянути вашей любви повѣсть зѣло душеполезну, яже бысть во дни наша... Еже содѣяся нынѣ Пресвятою Богородицею, общею заступницею рода христіянскаго і великими стражи града нашего Устюга, праведными Прокопиемъ і Иоанномъ преславное чюдо, страха і ужаса исполнено, еже азъ слышахъ грѣшный у нея Соломонии из самыхъ устъ ея, при свидѣтеляхъ отца ея духовнаго священноіерея Никиты, того же Устюга, соборные церкви Пресвятыя Богородицы, і отца ея родного священноіерея Дмитрія, и написахъ сіе в память будущимъ родамъ.

Вотъ, братья, хочу я составить на память вашему любезному вниманію, въ высшей степени полезную для души повѣсть о событіи нашихъ дней... А сдѣлалось это въ наше время, черезъ пресвятую Богородицу, общую заступницу христіанскаго рода, и великихъ хранителей нашего города Устюга, праведныхъ Прокопія и Іоанна, достойнымъ прославленія чудомъ, страхъ и ужасъ внушающимъ; разсказъ о немъ я, грѣшный, слышалъ отъ самой Соломоніи, изъ собственныхъ ея устъ,—при свидѣтеляхъ, отцѣ ея духовномъ священникѣ Никитѣ, изъ соборной церкви Пресвятой Богородицы въ томъ же Устюгѣ, и родномъ ея отцѣ, священникѣ Дмитріѣ,—и записалъ вотъ это на память будущимъ поколѣніямъ.

Когда повѣсть была записана, о. Дмитрій еще оставался въ бѣломъ духовенствѣ: предисловіе зоветъ его „священноіереемъ". Потомъ постригся подъ именемъ Діонисія, въ монахи, близь Устюга въ Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ. Возможно, что къ иноческому сану толкнуло его потрясеніе пережитыми въ семьѣ чудесами, „страха и ужаса исполненными". А возможно и то, что въ это время онъ овдовѣлъ и, по обычаю вѣка, долженъ былъ смѣнить поповскую рясу на иноческую.

Правда, исцѣленіе Соломоніи и запись повѣсти произошли лѣтомъ 1671 года, т. е. четыре года спустя послѣ того, какъ московскій соборъ 1667 года отмѣнилъ старинный обычай устраненія вдовыхъ священниковъ отъ богослуженія, съ понужденіемъ ихъ къ принятію иноческаго сана. Но обычай устоялъ противъ отмѣны и сохранилъ силу закона еще на много лѣтъ.

До 1667 г. смерть жены какъ бы снимала съ священнослужителя санъ и возвращала его обратно въ положеніе ставленника. Если онъ не хотѣлъ идти въ монахи, то обязанъ былъ получить какъ бы новое посвященіе посредствомъ выдачи отъ архіерея новой грамоты на служеніе (такъ называемой „епитрахильной" для священниковъ, „орарной" или „стихарной" для дьяконовъ). Безъ грамоты вдовецъ оставался въ правахъ священнослуженія только 40 дней по кончинѣ жены, такъ что, при выдачѣ ему новой грамоты, взималась съ него расписка, что „отслужа онъ по попадьѣ своей четыредесятницу, священническаго ничего не дѣйствовалъ". Грамоты выдавались на короткіе сроки, туго, неохотно, подозрительно, требовали долгой формальной волокиты, стоили дорого. Были грамоты подешевле, но безъ права служить литургію („безъ обѣдень"); за грамоты „съ обѣднями" шла двойная пошлина.

Соборное опредѣленіе 1667 г. о вдовцахъ, казалось бы, упразднило смыслъ подобныхъ грамотъ и надобности въ нихъ. Но оно не уничтожило ихъ ни de jure, ни de facto, и, подъ щитомъ своей финансовой выгодности, онѣ благополучно просуществовали еще сто лѣтъ и исчезли только при Екатеринѣ въ 1765 г. А вмѣстѣ съ ними держалось въ обществѣ и нѣкоторое предубѣжденіе противъ вдоваго священнослужителя, какъ противъ какого то поубавленнаго въ благодати. Такъ что вдовцу-попу или дьякону, особенно, если были бѣдны и чувствовали себя не въ состояніи тратиться на частое повтореніе грамотъ, была, въ самомъ дѣлѣ, одна прямая и торная дорога — въ монастырь. Въ иночествѣ ихъ принимали хорошо, охотно, потому что монастыри всегда нуждались въ іеромонахахъ и іеродіаконахъ. Иные фанатическіе архіереи и вовсе не да-

вали вдовцамъ епитрахильныхъ и орарныхъ грамотъ, въ разсчетѣ принудить ихъ тѣмъ къ постриженію.

Такъ что превратиться изъ попа Дмитрія въ монаха Діонисія отецъ Соломоніи могъ, въ обычаѣ своего вѣка, и независимо отъ чудесныхъ приключеній дочери. Но, какова бы ни была причина, во всякомъ случаѣ, его постриженіе произошло очень вскорѣ послѣ событій повѣсти, потому что приписка о немъ, какъ монахѣ Діонисіи, встрѣчается только въ Буслаевскомъ спискѣ и представляетъ собою, очевидно, посмертную вставку знакомаго писца: „іерей имянемъ Димитрій бывшій въ Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ монахъ Діонисій". Такъ какъ Буслаевскій списокъ едва ли можетъ быть моложе 1680 г., а въ 1671 г. Димитрій еще не былъ монахомъ, то можно думать, что монашество его было весьма кратковременнымъ и погасъ онъ въ немъ совершенно непримѣтно. Въ костомаровскомъ спискѣ о монашествѣ Димитрія-Діонисія нѣтъ ни единаго слова.

4.

Не особенно трудно выдѣлить изъ текста повѣсти то, что могло быть внесено въ запись только со словъ отца Соломоніи. Повѣсть, по тону, рѣзко распадается на двѣ половины: сельскую, съ перевѣсомъ демоническихъ чудесъ, покуда Соломонія живетъ у отца на Ергѣ; и городскую, когда Соломонія переселилась въ Устюгъ, — здѣсь берутъ верхъ чудеса религіозныя. Изобразительный языкъ и самая манера разсказа въ этихъ двухъ половинахъ значительно разнятся. Во второй половинѣ они витіеваты, церковно цвѣтисты, пріукрашены цитатами, звучатъ житійно-учительнымъ ладомъ: слышенъ языкъ соборныхъ поповъ и богомолокъ, на попеченіи которыхъ больная осталась, когда отецъ „паки (вторично) отвезе ея къ Устюгу, чтобъ она Соломонія ходила по церквамъ божиімъ: в соборъ к Богородицѣ, и к праведнымъ к Прокопію и Иоанну чюдотворцамъ".

Тонъ и слогъ первой, сельской половины несравненно

проще. Разсказчикъ не имѣетъ претензій на церковное велерѣчіе. Языкъ его дѣйствительно какой-то сельскій. Рисуя картину, онъ, для сильнѣйшей изобразительности, пользуется не цитатами и красносплетеніемъ мнимо изящныхъ словесъ, но уподобленіями, заимствованными изъ крестьянскаго обихода. Если есть въ повѣсти о Соломоніи поэтическая образность, приписываемая ей Костомаровымъ, то всего ярче она сказывается въ лаконическомъ изложеніи этой части.

Притомъ, изложена она не спокойно, съ волненіемъ Съ трагическою простотою живописуются ею первые побѣги Соломоніи, якобы уносимой демонами въ воду. Какъ „христолюбцы" находятъ ее, голую, въ лѣсу или на полѣ и направляютъ „к дому отца своего". Какъ послѣ бурнаго истеро-эпилептическаго припадка лежала она многіе часы, подобно мертвой, и отецъ отвязывалъ съ ея шеи, неизвѣстно какою силою навязанный, жерновъ. Какъ забоялись домашніе Соломоніи и стали отъ нея запираться по ночамъ. Силою настоящаго живого, на „собственной шкурѣ" пережитаго и прочувствованнаго, семейнаго ужаса дышитъ простодушный разсказъ о желѣзномъ копьѣ, которое подсовывали черти Соломоніи, „дабы заколола отца своего", съ заключительною ссылкою на многочисленныхъ свидѣтелей: не вѣрите, молъ, такъ опросите сосѣдей, — имъ врать не съ чего". Въ Буслаевскомъ спискѣ эта простота не понравилась переписчику (или повѣствователю), и онъ счелъ нужнымъ подкрѣпить ссылку на свидѣтелей еще отъ Писанія, напомнивъ евангельскую картину встрѣчи Христа съ бѣсноватымъ:

... свидѣтели неложни бяху яко тако страданіе от множества неприязненныя силы і якоже при самомъ Христѣ Спасѣ нашемь сретѣ его мужъ нѣкій от града, иже имяше бѣсы многия от многихъ лѣтъ и в ризы не об-	... были достовѣрные свидѣтели тому, что (дѣйствительно было) такое страданіе отъ множества вражьей силы: подобно тому, какъ, при самомъ Христѣ Спасителѣ нашемъ, „встрѣтилъ Его одинъ человѣкъ изъ города,

лечашеся, и в храминѣ не живяше, но во гробѣхъ, тако и здѣ суть.

одержимый (многими) бѣсами съ давняго времени, который и въ одежду не одѣвался, и жилъ не въ домѣ, а въ гробахъ, — то же самое и здѣсь! (Луки. VIII. 27).

А вотъ еще изъ Буслаевскаго списка строки, всего болѣе характерныя для разсказчика сельской половины:

„Мучаху бо ея темнii проклятii нечистii дуси, живущii въ ней, и тогда она внѣ себе бываше, и бѣгаше изъ храмины своея, въ ней же живяше, обнаженна в раздранней ризѣ i простертыми власами, и пометашеся в воду зимнимъ и лѣтнимъ времемемъ; прилучившiи же ся людiе ту овогда постигаху ея на край воды, а иногда в водѣ державаху i извлекающе ю изъ воды на берегъ i изъ проруби на ледъ, аки мертву; утроба же у нея тогда бываше яко у жены родити хотящей, i во чревѣ ея терзахуся темнiи демони яко рыбы во мрежахъ; i сие страдание ея видяще ту предстоящие людие, удивляхуся зѣло, i отношаху ю аки мертву въ домъ, идѣже она живяше, и сие мучение i томление от демонскiя силы многажды ей бываше".

Мучили вѣдь ее темные, проклятые, нечистые духи, жившiе въ ней, и, (когда они къ ней приступали), то бывала она внѣ себя, убѣгала изъ клѣти, въ которой жила, обнаженная, въ изодранномъ платьѣ, простоволосая, и, что зимою, что лѣтомъ, бросалась въ воду. Если случались тутъ люди, то иной разъ успѣвали схватить ее у самой воды, а иногда находили уже въ водѣ и вытаскивали ее изъ воды на берегъ, либо изъ проруби на ледъ, какъ мертвую; животъ же у нея въ то время надувался, какъ у женщины, собирающейся родить, и метались въ немъ темные демоны, какъ рыбы въ сѣтяхъ; и, видя такое ея страданiе, присутствующiе очень ему дивились, и относили ее, какъ мертвую, въ домъ, гдѣ она жила; и такое мученiе и томленiе отъ демонской силы повторялось съ нею много разъ.

Въ Буслаевскомъ спискѣ этотъ разсказъ помѣщенъ поздно — на границѣ сельской и городской половины и представляетъ собою какъ бы сводъ явленій, творившихся съ нею на Ергѣ, и причинъ, почему заступница Соломоніи, св. Өеодора, во второмъ своемъ ей видѣніи строго заказала:

Соломоние! живи ты здѣ неотходно от града Устюга, і от церкви Пресвятыя Богородицы и святыхъ преподобныхъ Прокопия і Иоанна никогда не отступай, а к отцу своему на Ергу никогда не ходи, да не когда тя паки унесутъ демони, і будетъ послѣдняя ти горше первыхъ.	Соломонія, живи ты здѣсь безвыходно изъ города Устюга и никогда не отходи отъ церквей Пресвятой Богородицы и святыхъ преподобныхъ Прокопія и Іоанна, а къ отцу своему на Ергу никогда не ходи, чтобы однажды не унесли тебя снова демоны, и будутъ тебѣ (тогда отъ нихъ) послѣднія (муки) горше первыхъ.

Разсказъ о попыткахъ Соломоніи утопиться и пр. — вѣроятно, вставка попа Дмитрія, который присутствовалъ при допросѣ дочери въ качествѣ свидѣтеля. Его, можетъ быть, спросили о странномъ запретѣ св. Өеодоры: а что это значитъ, попъ? чѣмъ ты тамъ такъ нагрѣшилъ, что, вонъ, преподобная Өеодора не велитъ твоей дочери даже и ходить къ тебѣ на Ергу, словно у васъ тамъ развелось неистребимое бѣсовское гнѣздо? Попъ Дмитрій долженъ былъ отвѣтить, что оно, дѣйствительно, на то похоже, и изложить факты бѣсовскаго одержанія, терзавшаго Соломонію на Ергѣ,—почему онъ и самъ давно уже настаивалъ на переселеніи ея въ Устюгъ, да она упиралась: „возбраняше бо въ ней демонская сила“.

Нельзя не признать, что показаніе о. Дмитрія дано съ энергіей и образностью человѣка, живо помнящаго, какъ ловилъ онъ по берегамъ рѣки и выхватывалъ изъ прорубей, спѣшившую на какіе то таинственные зовы, охваченную загадочною жаждою самоубійства, полоумную дочь. Конечно, списатель повѣсти счелъ своимъ долгомъ облагородить показаніе высокимъ слогомъ на церковно-славянскій ладъ:

„мрежи“ вмѣсто сѣтей, „храмина“ вмѣсто клѣти, чулана или избы. Къ этому редакторству на „хорошій тонъ“ эпохи и сводилось участіе списателя въ первой сельской половинѣ повѣсти. Когда Соломонія или попъ Дмитрій говорили: „нечистый завизжалъ, какъ поросенокъ“, начитанный и письменный церковникъ поправлялъ деревенщину, облекалъ ее въ литературность: „яко свинія малая“. Существа же не касался.

5.

Нельзя сказать, чтобы этотъ литературный правильщикъ самъ отличался хорошею грамотностью. Его церковно-славянскій языкъ слуховой, а не грамматическій, изобилуетъ ошибками не только синтаксическими, но и этимологическими, что, впрочемъ, могло происходить и отъ плохихъ писцовъ. Можно даже сказать, что повѣсть о Соломоніи написана не на опредѣленномъ нарѣчіи, а на нѣкоемъ духовномъ жаргонѣ, хаотически смѣшанномъ изъ церковно славянщины и старо-русскаго, народнаго языка. Но и въ послѣднемъ повѣствователь блѣденъ, сѣръ, робокъ, видимо его не любитъ, смущается имъ, какъ мужицкимъ, и безжалостно портитъ „мрежами“ и „свиніями малыми“ эпизоды и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, отнюдь не расчитанные на высокій слогъ и краснословіе. И, такимъ образомъ, — не знаю, замѣчали ли современники, но для потомковъ очень замѣтно, — безсознательно вводитъ пародію въ самые драматическіе моменты.

Смѣшанный духовный жаргонъ XVII вѣка въ состояніи быть не только выразительнымъ и сильнымъ, но и захватывающимъ. Онъ былъ и мечомъ, и бичемъ въ устахъ и подъ перомъ протопопа Аввакума. Отъ него съ учениками и подражателями, ревнителями старой вѣры, однажды навсегда установился тонъ ея литературной пропаганды, чрезъ полемику ли, чрезъ повѣствованіе ли, а, въ экстатическомъ сектантствѣ, даже и чрезъ поэзію. Несомнѣнно, это языкъ случайный, языкъ безформенный, языкъ неуклюжаго компромисса, но онъ былъ очень богатъ словесно, и люди

спѣшнаго творчества, не имѣвшіе времени оттачивать стиль, ибо слово ихъ должно было немедленно претворяться въ стремительное дѣйство, охотно имъ пользовались, возлюбили его, возвели его въ своеобразное совершенство, на высоту яркаго мастерства.

Аввакумъ въ старой вѣрѣ, Никонъ и Димитрій Ростовскій въ новой, царь Алексѣй Михайловичъ въ письмахъ, царь Петръ въ лаконическихъ приказахъ и резолюціяхъ (вопреки даже ихъ варварскимъ неологизмамъ) бываютъ въ этой странной рѣчи столь могущественно великолѣпны, что жаль переводить ихъ на позднѣйшій русскій, выработанный, хотя бы даже и пушкинскій, языкъ. И нисколько не жаль того, что они грубо и небрежно погрѣшаютъ противъ чистоты языка церковно-славянскаго. Но малый талантъ, малый инстинктъ къ богатству и тайнамъ обоихъ составныхъ элементовъ жаргона и малая грамотность не могутъ успѣшно фехтовать этимъ оружіемъ, одновременно капризнымъ и громоздкимъ. Въ колебаніяхъ между просторѣчіемъ и претензіей на книжность, они неминуемо впадаютъ, съ одной стороны, въ сѣрую „тривіальность" (какъ отмѣчаетъ Костомаровъ и для „Повѣсти о Соломоніи"), съ другой въ неестественное, надутое словоизвитіе и велерѣчіе.

Оба недостатка, въ постоянномъ сопутствіи, выработали витіевато-сѣрую мѣщанскую манеру выраженія, которую впослѣдствіи стали называть семинарскою, но корень ея древнѣе и глубже семинарій. Печать этого вычурно сѣраго шаблона лежитъ на всей литературѣ XVII в. (особенно, во второй его половинѣ), за исключеніемъ боевыхъ публицистическихъ писаній, страстью вдохновленныхъ, нѣсколькихъ задушевныхъ писемъ и челобитныхъ, да двухъ-трехъ житій, въ которыхъ величіе и сила содержанія преодолѣли условную манеру.

То же самое, пожалуй, можно сказать и о повѣсти, насъ занимающей. На записи похожденій и приключеній Соломоніи тяжеловѣсно сгустился отпечатокъ сѣрѣйшаго духовнаго мѣщанства. Но ея демонологическое содержаніе такъ исключительно оригинально, сильно и глубоко, демо-

номаническій недугъ Соломоніи изображенъ съ такою точностью и развитіе его прослѣжено такъ внимательно, что повѣсть побѣдила плохого повѣствователя и, по праву, можетъ быть причислена, не смотря на свои слабыя стороны, къ интереснѣйшимъ памятникамъ своей эпохи. Немногія литературныя произведенія XVII вѣка освѣщаютъ намъ глубины религіозныхъ вѣрованій и психологіи тогдашней сельской Московіи, ярче, чѣмъ этотъ нехитрый протоколъ.

Содержаніе.

кахъ, начиная съ XVI в. — 2. „Всякій попъ свою обѣдню служитъ". Сатирическіе протесты. Вмѣшательство міряиъ. Царь Алексѣй Михайловичъ.—3. Разсказъ Олеарія о свадьбѣ герцога Магнуса. Оскудѣніе грамотными церковниками въ Новгородѣ XVII в. Исключенія изъ строгихъ приговоровъ русскому духовенству. Пессимистическое сужденіе Димитрія Ростовскаго. — 4. Предпочтеніе преданія Писанію и апокрифа канону. Никола-чудотворецъ — четвертое лице Святой Троицы. Споръ о Троицѣ между протопопомъ Аввакумомъ и діакономъ Федоромъ. — 5. „Посланіе къ Хитрею". Антипатія русскихъ къ Библіи, какъ соблазнительной книгѣ. Споръ Ульфельда съ приставомъ о грѣхѣ и покаяніи. Апокрифическое засилье.

XI. Пьянственный порокъ.

1. Опредѣленіе степени опьяненія Симеономъ Полоцкимъ. „Безстрашный и безчинный" попъ Никита.— 2. Причины крестьянской терпимости къ грѣхамъ дух-ва. Алкоголическая развинченность сословія, однако, уживается съ глубокой религіозностью. Дикіе эксцессы. — 3. Свадебныя безчинства. Протесты противъ тайнодѣйствія въ пьяномъ видѣ на собраніяхъ 1551 и 1681 гг. Причина бѣснованія Соломоніи — неполное ея крещеніе пьянымъ попомъ. Легенда о ляхѣ и пресвитерѣ. — 4. Павелъ Дьяконъ, хвалитель нравовъ московскаго дух-ва. Причины его лестныхъ отзывовъ. Начетчики. Соперничество съ греками въ тонкихъ вопросахъ и въ чистотѣ вѣры. Рѣзкости Никона и прот. Аввакума. — 5. Аввакумовы обличенія пьянствующихъ архіереевъ. Доносы на Никона о безчинствахъ его въ ссылкѣ. Олеарій о Никонѣ. Ложная легенда о Петрѣ В.— 6. Публичность порока. Бродячее монашество. Безсиліе мѣръ противъ него. Крестцовые попы. Чумной бунтъ 1771 г. Обѣдня крестцоваго попа и Николы Знаменскаго.

XII. Авторы повѣсти о Соломоніи Бѣсноватой.

1. Наслышанность Соломоніи мученическихъ житій. Мать ея Улита и жена Николы Знаменскаго. Роль попадей

и пр. прицерковныхъ женщинъ въ охранѣ преданія и „отреченной“ литературы. — 2. Житіе Василія Новаго. — 3. Попъ Дмитрій малограмотный человѣкъ. Его монашество — вѣроятное послѣдствіе вдовства. — 4. Сельская и городская части „Повѣсти“. Первая записана съ разсказа о. Дмитрія. Вторая обработана церковнымъ правильщикомъ съ претензіей на литературность. — 5. Слабость литературнаго языка „Повѣсти“, сравнительно съ писаніями протопопа Аввакума и другими ей современными памятниками. Искупающая сила демонологическаго содержанія.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1 и 2. Д. С. Мережковскій. — „Наполеонъ“, т. I и II.
3, 4 и 16. Е. Н. Чириковъ.—„Отчій домъ“, романъ, т. I, II и III.
5. А. В. Амфитеатровъ.—Заря русской женщины“, очерки.
6. З. Н. Гиппіусъ.—„Петербургскій дневникъ“. 1914-1918 гг.
7. Б. К. Зайцевъ. — Разсказы.
8. А. И. Купринъ. — „Еланъ“, разсказы.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въѣздъ въ Парижъ“, разсказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.
11 К. Д. Бальмонтъ.—„Въ раздвинутой дали“, поэма о Россіи.
И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, разсказы.
А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попъ XVII вѣка“.
В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, разсказы.

Учебники:

М. Сухотинъ. — Исторія Среднихъ Вѣковъ.

Печатаются:

Д. С. Мережковскій. — „Атлантида — Европа“.
С. П. Мельгуновъ.—„Трагедія адмирала Колчака“, ч. I.
А. И. Купринъ. — „Колесо времени“, разсказы.

Готовятся къ печати:

А. М. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.
С. П. Мельгуновъ.— „Трагедія адмирала Колчака“, ч. II.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Вышли изъ печати:

И. С. Шмелевъ. — „На морскомъ берегу“.

Печатается:

2. Е. А. Елачичъ. — „Сильные духомъ“, разсказы.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1. Народныя русскія сказки, вып. 1.
2. Народныя русскія сказки, вып. 2.
3. Народныя русскія сказки, вып. 3.
4. Народныя русскія сказки, вып. 4.
5. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.
6. Народныя русскія сказки, вып. 5.
7. Народныя русскія сказки, вып. 6.

Готовятся къ печати:

8. Саша Черный — „Румяная книжка“.

Цѣна 40 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССІЯ.

Палата Академије Наука.
Јакшићева ул., бр. 2. Београд.